

Джейд Дэвлин, Carbon

Девушка с Косой

Глава 1

Лета не было... вот совсем. Долгая нудная зима еле-еле переползла в слякотную, плаксивую весну, а потом нежданно-негаданно пришла осень. А в тот день, когда лето высунуло было нос из-за плотного шерстяного одеяла облаков, я болела... как ни смешно это звучит.

Тоскливо проводив глазами скрывшиеся в туманной мгле огоньки семьдесят шестого автобуса, я поплелась домой пешком. Ждать следующего можно... долго. А на маршрутку у меня денег нет — сорок рублей, да они офигели!

Хорошо хоть студенческий проездной на городской транспорт в этот раз оформили без задержек. Но все равно, пока дойдешь от метро до моей «студии», переделанной из обычной комнаты в коммуналке — сто раз околеешь и промокнешь.

Еще и к окулисту пора. С весны какая-то пакость творится с глазами... странная.

Стараясь побыстрее добежать до дома, я бодро перебирала ногами, когда в очередной подворотне что-то мигнуло, грохнуло и вроде бы пискнуло.

Я резко остановилась. Вот сволочи! Опять котят в мусорный бак выкидывают! Сталкивалась уже... Вашу Машу, ну трудно объявление в инет выложить? Ну я сейчас... отведу душу за несданный зачет по истории педагогики!

Не раздумывая ни секунды, я воинственно одернула ветровку и, придерживая прыгающую на боку сумку с конспектами, рванула нести возмездие во имя справедливости и котят.

— Стерилизовать надо животное, если детей девать некуда! — голосом профессиональной училки выдала пылающая Немезида в моем лице, врываясь в остро пахнущую городским дном подворотню и близоруко шурясь на копошение в темном углу.

Хм... мусорного бака не видно, тары с котятами тоже. Зато есть мужик и он... светится.

Я резко затормозила и попыталась протереть глаза. С ними явно что-то было не в порядке. Иначе откуда, спрашивается, у совсем молоденького парня на уровне груди голографическая картинка в виде кинжала с тяжелым листовидным клинком, направленным острием вниз?

— Убирайся отсюда, курица! — зашипел этот персонаж, пряча за спину подозрительно шевельнувшийся пакет.

Ага! Я так и знала! Этот смазливый подросток-блондинчик в брендовых шмотках — распоследний живодер и скотина. И когда он пролетел мимо, бесцеремонно отпихнув меня к исписанной молодежным самоутверждением стене, я всерьез обозлилась.

Только этим можно объяснить моё безрассудство: выскочив на улицу, я живо нашла в толпе просвечивающий сквозь куртку силуэт кинжала и рванула следом. Пусть хоть как обзывается, а беззащитных малышей я у него отберу!

Пылая пламенной страстью справедливости, я влетела в следующую темную подворотню вслед за садюгой и сходу вцепилась в пакет, который он так и нес в опущенной руке.

— А-а-а! Дура-а! — только и успел рявкнуть бедолага, вытаращив на меня огромные, как блюдца, глазища, когда из разорванной горловины на грязные заплатки асфальта посыпались... солнечные зайчики.

Они попискивали, тихонечко звенели и дрожали в воздухе, взлетая вверх, не коснувшись мокрой заплыванной мостовой. Один, два, три... четвертый только выбрался наружу, и тут солнечные блики словно осознали, насколько им не место в ночной питерской подворотне, мгновенно размазались в воздухе и пропали.

— Чертова идиотка! — сказал кто-то за моей спиной, и голова взорвалась от боли.

Пришла я в себя быстро, если судить по тому, что декорации не поменялись. Все та же подворотня, запахи котов и близкой помойки, звуки дождя и вечерний шум, доносившийся со стороны проспекта. Только белобрысого садиста с анимешными глазами не было видно, зато меня кто-то довольно жёстко и безжалостно держал за горло.

— Кто тебя звал, глупая женщина? — с неуловимо мягким акцентом прошипела тень, проявляясь из темноты постепенно, словно всплывая из заполненной чернилами ночи.

Странное лицо. Резкое, состоящее из узких разрезов и углов — длинные щели глазниц, кривой провал почти беззубого рта, острые скулы, острый треугольный подбородок... Натурально, такой страх божий, что, даже замерев в прострации от невозможности происходящего, я успела рассмотреть чудовище и запомнить его на всю жизнь.

— Ты лишила мое оружие пищи. Значит, сама станешь ею, — ну пипец, мало того, что псих, еще и каннибал что ли? Ма-ма!!!

Жуткий маньяк не спеша повертел у меня перед глазами здоровенным кинжалом — почему-то тот показался мне знакомым, и... медленно, словно наслаждаясь процессом, погрузил вороненый клинок мне в грудь.

Это было настолько нереально, неправдоподобно и никогда не могло случиться со мной, что сначала я даже не почувствовала боли, а может, просто не поверила в нее. А потом... закричала.

Очень странно, но на мой крик откликнулись. Выглядело это как внезапная вспышка света в подворотне, на фоне которой мне сначала померещилось три черных силуэта за спиной маньяка, но я моргнула и силуэты исчезли. И маньяк исчез, так что я судорожно вдохнула влажный холодный воздух и схватилась одной рукой за горло, а второй... за то место, откуда сам собой медленно выползал кинжал. Было очень больно, болью отдавало каждое его движение внутри меня, но при этом не выступило ни капли крови. Господи, я брежу? Чертова железка в моей груди все еще светится, дрожит и... звенит?

Краем глаза я заметила, что маньяк все еще здесь — носится по переулку от какой-то светлой фигуры и неразборчиво рычит. Нет, наверняка я уже потеряла сознание и это все — предсмертные видения.

Или нет? Шершавая кирпичная стена, по которой я сползаю — вполне реальна, и запах сырости, и холод осеннего вечера. И маньяк, чтоб он пропал! Кинулся опять ко мне, схватил за плечо, рывком поднял с грязного асфальта и снова... снова! Приставил нож к горлу!

— Дернешься — вскрою ей глотку! — заявил он куда-то в темноту.

— И что? С чего вдруг ты такой наивный? Ее душа уйдет на перерождение, — светящийся, но какой-то неправильный спаситель выступил из-за мусорки и равнодушно принялся отряхивать полу своего карнавально-ненастоящего плаща. — Цена приемлемая.

Чего?! От потрясения я даже на секунду перестала бояться. Что это за спаситель такой, а?! Ну нет... я не согласная. И если придется самой отбиваться — лучше начинать это делать сейчас, а не ждать, пока маньяку надоест меня тискать.

Слегка извернувшись, я чуть приподняла ногу и изо всех сил вонзила пусть и невысокую, но острую шпильку во вражью ногу. Как учили на курсах — не на носок ботинка, а выше, где ступня на подъеме защищена гораздо слабее.

Маньяк взвыл, его кинжалище скользнуло по моей шее, но только слегка оцарапало, и я шустрим крысенком рванула в сторону — вот прямо туда, за железный бак с помоечным содержимым. Пофиг, лишь бы не попасться опять под руку этим ненормальным, которые устроили фехтовальный фестиваль в подворотне.

Маньяк ловко отбивался кинжалом, светящийся наступал на него, размахивая мечом и отбивая удары щитом. Господи, как меня угораздило в это влипнуть?!

Между тем борьба бобра с ослом сместилась дальше к выходу, и, наконец, ощутимо

тесным маньяк что-то каркнул на прощанье и дал деру в освещенные и многолюдные недра вечернего Каменноостровского проспекта.

А мы с «бобром» остались в подворотне. Я отдышалась и уже почти вылезла из-за помойки, чтобы сказать «спасибо» странному рыцарю с мечом, щитом и в офисном костюме под средневековым плащом, когда означенный товарищ вдруг резко обернулся, направился ко мне и...

Я даже мяукнуть не успела, как этот псих как-то сожалеюще вздохнул и попытался проткнуть меня своей железякой. Да ежика тебе в штаны, урод!

Спасло меня то, что я от неожиданности не просто шарахнулась, но еще и споткнулась, шлепнулась на задницу, опрокинула мусорный бак, когда пыталась замедлить падение, и сверху на меня упала железная крышка от этого самого бака.

Вот крышкой-то я и двинула куда-то в сторону маньяка, от души и со всей силы. Как щитом. Завизжала и еще раз двинула.

Ненормальное «бобро» очень удивилось. Настолько, что даже отступило на шаг. И тоном ласкового садиста принялось меня увещевать:

— Глупо сопротивляться, смертная. С оторванной частью души ты все равно долго не проживешь, только ещё несколько минут помучаешься. Лучше потерпи немного, смерть от духовного оружия легка и безболезненна. Душа полетит восстанавливаться на перерождение, а о теле мы позаботимся, раз в этом есть и часть нашей вины.

— Пошел в жопу, благодетель обдолбанный! — окончательно рассвирепела я. — Я вам покажу безболезненную душу, живодеры уродские! Голограммы ваши с кинжалами и солнечные зайчики в пакете! А ну пошел вон от меня, гад! О своем теле позаботься, некрофил хренов!

Похоже, мое возмущение изумило «бобро». Он несколько секунд пристально рассматривал меня с головы до ног (что он там пытался разглядеть в темной подворотне, кроме каких-то помойных аксессуаров, обильно повисших на моей куртке?)

— Какая сильная душа... Но ведь ты и сама чувствуешь, как жизненная энергия медленно покидает тебя? Увы, этот поток не остановить. Скоро ты все равно умрешь, — и он снова замахнулся!

Я уже понимала, что сопротивление бесполезно, к тому же головокружение и слабость действительно становились все сильнее. Но упрямо подняла свое единственное оружие — крышку от мусорного бака. Врешь, не возьмешь! Хотя бы раз я тебя да стукну, скотина!

Конечно, все мои попытки пофехтовать с явно опытным мечником с самого начала были обречены на провал. И адская железяка уже летела мне в сердце, когда незнакомый женский голос вдруг вскрикнул:

— Стой! Она мастер!

Крышка с глухим звоном выпала из моих ослабевших рук, а я сама сделала последнюю попытку удрать из проклятой подворотни, пусть и на подгибающихся ногах.

У меня почти получилось, и если бы не каблук... а точнее, не внезапно навалившаяся слабость, я бы, наверное, не шлепнулась в лужу на втором шаге.

Я и не шлепнулась, только попыталась, меня поймали в полете. Псих с мечом ловко перехватил меня за капюшон куртки и сунул под нос свою железяку, рукоятью вперед. Я машинально вцепилась в нее обеими руками, чтобы не упасть.

— Держи. Так полегче? — от его участливого тона меня уже тошнило. Были бы силы, я бы его этой железякой и огрела.

— Почему ты не сказала, что из наших? Из какой ты группы? Кто твой учитель? Где твоё оружие? Если не прикрыть пробоину сейчас, станет намного хуже! Ну, не молчи!

— Нету у меня никакого оружия! — я отрицательно помотала головой, в то же время с удивлением осознавая: держась за дурацкую рукоятку я действительно чувствую себя гораздо лучше. Это еще что за чертовщина? И кстати, не смотря на облегчение, меч хотелось побыстрее отдать — как-то он ощущался... неправильно. Неудобно. Как неродной, вот.

— Как это нет оружия? — озадаченно пробормотал придунок, сведя брови к переносице. — В твоём возрасте? — и окинул меня таким взглядом, словно изумился: уже бабка, а все еще девственница? Как тебя угораздило-то?

— Да, в моем возрасте, представьте! — как у меня еще истерики не приключилось, самой удивительно. Приду домой, устрою себе разгрузочное битье посуды... у меня как раз есть одна треснутая чашка.

Главное, это чокнутое «бобро» с дороги отпихнуть и свалить.

— Да отстань ты, наконец! И железяку свою забери!

В ответ на это псих из подворотни только покачал головой, не отпуская моего капюшона и пробормотал словно про себя:

— Это проблема. Но раз ты мастер, то проблема не моя... пусть с тобой контора разбирается.

А дальше начались чудеса. Дюжий мечевладелец легко, как перышко, подтащил меня к ближайшей стене. Прямо поверх сырой штукатурки и кокетливого подросткового граффити про «Нинка-дура» неведомо откуда взявшимся карандашом очертил прямоугольник размером в дверь, толкнул его... песталоцци твою макаренку!

Комната, в которую мы попали, шагнув в стену, на первый взгляд была похожа на обычный офис не слишком крупной компании — светло-зеленые стены, мягкое, но яркое освещение, римская штора на окне за спиной у девушки-секретарши и фикус в керамической посудине слева от приемной стойки.

Вот только дверей было многовато — почти через каждые полметра по всему периметру комнаты. И все двери разные — по фактуре, цвету, массивности и даже размеру.

За усредненно-обычной секретарской стойкой сидела такая же усредненно-обычная секретарская девушка — деловой костюм, светлый пучок на затылке с претензией на французский узел, очки в тонкой оправе. Девушка читала здоровенную книгу в черной обложке и немного нервно покусывала карандаш, перелистывая очередную страницу.

У меня, несмотря на меч животворящий в руках, уже порядком плыло перед глазами и я почти перестала удивляться происходящему. Просто прислонилась к стене между двумя дверьми и сквозь полуопущенные ресницы наблюдала, как секретарша подскочила навстречу бобру и странно-ревнивым голосом спросила:

— Это еще кто? Твоя новая девушка? С какой стати ты ее сюда приволок, и... что по этому поводу думают Мила с Иллой?

— Что за глупости, Джиневра, — отмахнулся «спаситель», вовремя ловя меня за капюшон и не давая сползти по стеночке. — У нас опять дикарь на участке. Это пострадавшая.

— Смертная? Ну так добил бы и дело с концом, раз вылечить на месте не было возможности, — на меня посмотрели, как на мокрицу под тапком, со смесью брезгливой жалости и возмущения — как ЭТО сюда пролезло? А мне уже настолько поплохело, что я даже внутренне не возмутилась.

— Девчонка из наших. Мастер, но судя по всему, слабосилок. Даже оружия нет. В ее-то возрасте!

— Значит, баланс не тянет, — в глазах секретарши я из мокрицы мутировала в чуть менее противное, но не более полезное существо. — Надо связаться с ее семьей, и

пистон им вставить, чтобы своих слабосилков не теряли, если уж на развод оставили.

— У тебя и такой нет, счетная машинка. Кому и что вставлять — тоже не в твоей компетенции, — тон голоса парня похолодел на несколько градусов, отчего девушка вздрогнула, отвела взгляд, но быстро опомнилась, только чуть поджала губы и кивнула, словно признавая свою ошибку.

— Свяжемся, конечно, но чуть позже. Ей часть души откусили, — вернув самообладание, со вздохом поведал бобер, и легонечко меня встряхнул, не давая уплыть в забытие.

Секретарша испуганно ойкнула и посмотрела на меня уже по-настоящему сочувствующим взглядом.

— Надо кем-нибудь прикрыть дыру, пока ее свои не заберут. А то скопытится, и мы крайними окажемся, — между тем продолжил парень, снова вздыхая и свободной рукой придерживая меч, чтобы он не выскользнул из моих слабеющих рук. — Джи, у тебя же полный склад хлама, вдруг что-то подойдет?

— А я? Может, тогда я? — с какой-то безумной надеждой в глазах посмотрела на меня секретарша. Эх, как быстро-то меняется ее отношение, не к бобру... тьфу... добру.

— Тут боевик нужен, — горе-спаситель покачал головой, — тебе пропускной способности не хватит. Сгоришь. У нее почти треть отгрызли, поток энергии идет нехилый. А контролировать, как ты понимаешь, она физически не в состоянии.

— У слабосилка такой поток? — немного удивленно, но больше разочарованно отозвалась секретарша, глядя куда-то в пол. — А, ладно... там все равно довольно много неликвида скопилось, можно подобрать что-то временное.

— Сразу видно, что «теории души» ты не проходила. Хватит тянуть.

— Конечно, не проходила, — еле слышно отозвалась женщина, — Серых бесплатно на обучение не берут. Пошли...

Куда мы «пошли» я уже не поняла. В глазах окончательно потемнело.

Глава 2

Я очнулась от странного ощущения, что мне на ладони льется прохладная вода, а брызги летят в лицо. Покачнувшись, и обнаружив, что довольно уверенно стою на ногах, двумя руками вцепившись в какой-то... дырн, я все же открыла глаза и огляделась.

— Интуитивный выбор всегда са-а-амый точный, — послышался откуда-то сбоку чуть насмешливый голос бобра.

— Не жилец, — констатировали с другой стороны голосом секретарши. — Если ее на эту развалину потянуло, значит, дело совсем плохо. Он же неменяемый, и вообще... я думала, уже окончательно в ржу ушел.

— Да нет, смотри, вроде она в себя приходит, — с легким исследовательским интересом заключил бобер. — Наверно, на что-то этот металлолом ещё годится. Сражаться им вряд ли можно, но ее никто и не заставляет. Ей главное до семьи добраться, там и откачают. Если успеют к ней «это» привязать. Эй! Ты нас слышишь? — меня не слишком деликатно потрясли за плечо.

Я немножко подумала, оценила степень хреновости собственного состояния и непонимания и очень вежливо послала бобра сексуально-пешеходным маршрутом на все четыре стороны. Кто сказал, что педагоги не умеют материться? Ха! Сейчас только муть в глазах окончательно рассеется, и я им еще презрительный взгляд продемонстрирую...

— Раз ругается, значит, ей легче, — кивнула секретарша. — Молодая ле...хм, — она окинула меня взглядом, — девушка, вы из какой семьи?

— Из приличной, — ох, чего-то мне надоело это приключение. И, главное, даже на глюки не посетуешь — отродясь я не пьянела.

— Совсем деревня, — заворчал бобер, — Леди, — это уже ко мне, — Скажите, пожалуйста, имя вашего рода. Ээ... как же это по-здешнему... а, фамилию!

— А ключ от квартиры, где деньги лежат, вам не надо? — заупрямилась я. — Все, я пошла домой. Где тут выход?

Действительно, где? Я уже достаточно проморгалась, чтобы оглядеться. Судя по всему, психи затащили меня в какой-то музей голограмм — по всем стенам «виртуальные» железяки развешаны, чего тут только нет. Мечи всех форм и размеров, кинжалы, щиты, доспехи, еще какие-то... хреновины, непонятного, но убойного вида. Интересно, куда делся меч, за который я раньше держалась? А, бобер забрал... ну да, это же его игрушка.

— Это судьба! — почему-то засмеялась секретарша, глядя, как я обнимаюсь со своим дрыном. — Они нашли друг друга! Оба невменяемые.

Я вообще не поняла, что эта белобрысая имела в виду, и решила не разбираться. Мне бы ноги унести... чувствовала я себя уже почти нормально, а с ясностью сознания пришел и страх — куда я попала и как отсюда сбежать?!

— Хм, а может, действительно, пусть идёт? Она точно ненормальная. Если где-то в другом месте умрет, ее род сам виноват, что отпустили одну. Мы же сделали что могли, — пожал плечами бобер, который скорее козёл.

— Ага, конечно! А кто все бумажки заполнит? Ржа, не ржа, а металлолом-то казённый!

— Ой, да привяжи его быстро по крови, как экстренную помощь, там акт на полстраницы. А я пошел уже... девочки устали.

— А опекунство тогда кому... — уже в спину задала вопрос секретарша. И досадливо махнула рукой: — С другой стороны, все равно не жильцы... а если вдруг — то сама потом пусть и оформляет! — это все она бухтела уже на ходу, за рукав волоча меня через весь музей к неприметной дверце, за которой виднелся секретарский стол.

Я послушно семенила следом, а сама всю дорогу думала: кажется, отпустят... а зачем я волоку с собой этот... дрын? То есть, оно не дрын, оно здоровенная — выше моего роста — стальная коса на массивной, но слегка кривоватой деревянной рукоятке. Вот за рукоятку я и держалась, и откуда-то точно знала — отпускать нельзя.

— Вот сюда руку приложите, леди, — деловито прошептала секретарша, подтащив меня к столу и подсунув под нос какую-то фиговину, похожую на перевернутое пресс-папье. — Это чистая формальность, как только вы это сделаете — можете пойти домой, — ласково, как дебилу с пулеметом, объяснила девушка, слегка заискивающе заглядывая мне в глаза. — Ну же, леди, вы ведь устали, проголодались, правда? И хотите домой?

Похоже, мы обе одинаково хотели друг от друга избавиться. Была не была, я с трудом оторвала ладонь от надежной деревянной палки и хлопнула по непонятной штукоевине. И зашипела — где-то там под мягким покрытием пряталась иголка, которая меня уколола!

— Вот и ладушки, — обрадовалась секретарша и сложила губки бантиком. — Вторая дверь налево, вы свободны, леди!

Я машинально схватилась окровавленной ладонью за рукоятку косы и вздрогнула — деревяшка под рукой на миг «оживала» и тоже задрожала. На пару секунд даже показалось, что на меня кто-то пристально смотрит сверху вниз, причем смотрит... без всякого удовольствия и тяжело вздыхая. Да ну... ерунда какая.

Помотав головой, со скоростью таракана-инвалида засемила в сторону указанной двери.

Самое удивительное, что я выпала из стены в той самой подворотне на Каменноостровском. И даже не стала задумываться, насколько бредово это все — нарисованная на грязной стене дверь, здоровенная коса в руках, вообще все это приключение шизофренички... ноги в руки, в смысле косу в зубы и домой! И

постараемся особо не рассуждать, зачем мне всё-таки этот дрын: тело буквально визжало, что отпустить его смерти подобно. А на подозрительные взгляды прохожих я старалась не обращать внимания, может, я реквизит к Хеллоуину готовлю, и вообще!

К себе в комнату я ввалилась за полночь, уставшая как собака, злая и несчастная. С дрыном меня не пустили ни в автобус, ни в маршрутку, на которую я все же хотела разориться — сил идти пешком не было. Ага, щаззз!

— Брысь, вымогательница! — поприветствовала я встречающую меня у двери кошку. Черная плюшевая засранка с экзотической кличкой «Сосиска Барамунди» замечала хозяйку только в двух случаях: когда у нее кончался сухой корм в миске и когда пора было сменить наполнитель в лотке. Все остальное время поганка меня величественно игнорировала. Но поскольку была невыносимо плюшевая и до дрожи тискательная — я прощала ей царские замашки. Тискала в свое удовольствие, потом подсыпала свежего корма в тарелочку, и в целом мы были друг другом довольны.

Я захлопнула входную дверь, прислонилась к ней спиной и выдохнула. Так... теперь надо бы разуться. Только как это сделать, не выпуская из рук волшебный дрын?! Мне необходимо за него держаться, от одной мысли, что придется отставить палку в сторону, начинает трясти. Ой, мама, во что же я влипла?! Главное, нормальные люди тащатся по героину там, кокаину или еще какой экзотической химии. В крайнем случае по этиловому спирту. Одна я, как дура, подседа на деревяшку...

Ну, где наша не пропадала. Акробатический этюд «дева, палка и шнурок» проверить удалось, и вообще, через пару минут я даже приоровилась жонглировать дрыном так, чтобы не шкрябать лезвием косы по штукатурке. Хорошо, что в старых домах потолки высоченные.

Экспериментальным путем было выяснено, что организму совершенно наплевать, чем именно он держится за деревяшку, хоть зубами, главное, есть контакт. В результате я прислонила косу к стене, уперлась в рукоятку лбом и провернула трюк с раздеванием. Сразу до трусов, чтобы уж потом лишний раз не напрягаться.

Забавное, наверно, зрелище, но мне было не до смеха. Да еще и от «драгоценной» палки пахло ржавчиной и старым бабушкиным диваном. Ну, ржавчина понятно — все лезвие в неприятно-коричневых пятнах. И рукоятка не слишком чистая, кстати. Нда... судя по всему, мне теперь и спать с этим дрыном придется, а тащить в постель грязную, неизвестно кем захватанную деревяшку — увольте.

Я вздохнула, отпихнула пяткой крайне заинтересованную чем-то Сосиску и поволокла косу в свою крошечную, но отдельную ванную.

Осторожно прислонив лезвие к кафельной стене, я скептически оглядела приобретение при ярком свете и вздохнула. А потом полезла за унитаз, доставать оттуда всевозможные чистящие средства.

Вы когда-нибудь пытались разместить в сидячей ванне здоровенную железную косу и отмыть ее доместосом? Незабываемые ощущения! Она туда все равно не влезла. Санузел у меня самодельный, встроенный в комнату, с низеньким потолком, потому что над ним размещается антресоль со спальным местом. Короче, для мытья длиннющих кос непригодный никак.

Пару раз царапнув пластиковый потолок лезвием, я плюнула и решила, что проще пол в комнате подтереть, чем потолок менять. И выбралась из ванной.

Правда, пришлось одной рукой волочь дрын, второй доместос, третьей... ну, в смысле, тазик я ногой подопнула в нужном направлении.

Тот еще сюр — таз посреди комнаты, в тазу коса, над косой я, с железной мочалкой и в трусах. После такого я уже ничему не удивлюсь!

Даже тому, что на пятом противно-скрежещущем по лезвию скребке вдруг обнаружилось, что я тру железной мочалкой не металлическую косу, а голого мужика, неизвестно откуда возникшего посреди комнаты.

— Женщина..., - голый, небритый, заросший черной свалывшейся шевелюрой громила, сидящий в розовом пластмассовом тазике, был похож на большого запущенного пса, и рычал примерно так же:

— Какого хрена. Ты. Творишь! — он попытался повернуться ко мне... эм... лицом, но я от обалдения машинально развернула его обратно, и еще пару раз от души тиранула мочалкой по мускулистой смуглой спине. Ы! А смуглость-то смывается!

— Ты хоть представляешь как эта х***а жжется? — мужик отбилась от мочалки, развернулся ко мне передом, к лесу задом и протянул руки, то ли в попытке задушить, то ли схватить за грудки. Но вот, кажется, вид моей голой груди подействовал на него не хуже стоп-сигнала: громила завис, как старенький Пентиум.

Я и сама поступила так же, медленно соображая, что в комнате непонятно откуда взявшийся, настоящий, голый, здоровенный мужик, и при этом из защиты на мне только две оружейные полосочки.

«Надо завизжать и стукнуть его... чем?!» — еще успела подумать я, а потом сделала то, чего совершенно точно делать не собиралась: положила мочалку на пол, откинула с лица громилы его спутанную гриву, лишь мельком при этом зацепившись взглядом за четкую линию скул и выразительные губы... рывком притянула его к себе и... поцеловала.

— Б..ба...ржа! — парень, который без гривы на пол лица оказался значительно моложе, чем я думала, попытался увернуться и замотал головой, будто пытаюсь стряхнуть с себя дурман.

Не тут-то было. Я неожиданно для самой себя сердито взрыкнула, тазик с грохотом отлетел в сторону, а моя нечаянная жертва оказалась распростертой на полу, на спине, а я сама как-то непонятно как уже сидела на нем верхом и жадно целовала все, до чего могла дотянуться.

— Ты... куда... резонанс... рано, — парень еще слабо трепыхался, но уже тяжело дышал и льнул к моим рукам. Тем более, я ж не просто на нем сидела, и прекрасно чувствовала, что некий орган точно не имеет ничего против моих поцелуев.

Я не знала, что со мной. Где-то на задворках сознания билась лишь одна мысль — сейчас, как можно ближе, ни секунды промедления. Это — моё, должно быть моим, просто обязано!

Дикое чувство опровергало все доводы рассудка. Незнакомец? Нет, я знакома с ним всю жизнь. Огромный, страшный, небритый — но глаза синие-синие, за один такой затуманенный взгляд можно... мое-мое-мое!

— Сумасшедшая... ох, ржа-а! Да за что ж мне опять?! — с каким-то обреченным стоном мой... партнёр? Перехватил инициативу и через секунду уже я лежала на полу, тая под многочисленными поцелуями и чувствительными покусываниями. — Ты ведь... — обветренные губы прошлись по шее. — Потом... — язык прочертил горячую мокрую дорожку по ключице. — Пожалеешь... — зубы аккуратно прихватили сосок и чуть сжались, а я вскрикнула от острого до болезненности возбуждения.

Единственная мысль, промелькнувшая в моей голове, была: «Ну, во всяком случае, я насилую не девственника». С какой стати я этим озаботилась, и кто, собственно, тут кого насилует, я подумать уже не успела.

Он не церемонился со мной, но мне это сейчас и не надо было. Быстрее!

— Резинка... а, пофиг! — рыкнул парень и резко поднялся, подхватив меня на руки. Еще миг, и меня весьма чувствительно приложили спиной о стену, удерживая при этом на весу. Хорошо, я тетя-Марусин ковер с оленями так и не сняла... но шансы содрать его прямо сейчас благодаря весьма энергичным... хм... движениям весьма высоки... а, пофиг, как говорит это синеглазое и лохматое. Я требовательно застонала и обхватила его бедра своими. Быстрее!

Он не услышал мой немой призыв, наоборот, перестал спешить. Зубами закусив

выпавшую из причёски прядь моих волос, он медленно-медленно вошел в меня, одной рукой поддерживая на весу под ягодицы, а другой — довольно требовательно притягивая к себе за талию.

— Не фони, и так всему городу слышно, — вдруг зашептал он мне на ухо, — сама же понима-ешь, — запнулся, когда я качнула ягодицами, — если я сделаю как этого хочешь ты, завтра не встанешь.

Это он мне польстил — насчет понимания чего бы то ни было. У меня к этому моменту не просто в голове — во всем теле победил один большой гормон и ему все было абсолютно пофиг, кроме одного — хочу сию секунду! Какой-то могучий инстинкт неожиданно пробудился, когда его совсем не ждали, и инстинкт этот четко знал, что надо делать. А я и не пыталась спорить, так что снова потянулась к мужчине, застонала, потерлась об него всем телом, и одновременно насадилась на него еще глубже.

— Р-разговоры потом, — мурлыкнул инстинкт прямо ему в губы. — Ты мой!

— Да ради всех богов! — взрыкнул он, и я наконец, получила, что хотела последние минуты две... пять... а-а... всю жизнь!

Каждый его резкий толчок отдавался внутри таким невозможно-острым удовольствием, что я уже даже не стонала — вскрикивала, двигаясь навстречу, жадно целуя и покусывая то колючий подбородок, то бьющуюся у основания шеи тонкую жилку, то... В какой-то момент я почувствовала, что его внутреннее рассудочное сопротивление, которое мне, оказывается, очень мешало, окончательно исчезло, растворилось. И теперь он сгорал от нетерпения и удовольствия не меньше, чем я, потеряв способность не только говорить связно, но и думать.

Он был невозможно гладкий и горячий везде, куда доставали мои руки. А мне хотелось сразу всего — и полноты упругих ягодиц в ладонях, и тонких розовых полосок на его спине от моих ногтей, и его губ на моей груди...

Ритмичные движения казались мне живительными волнам, что с каждым толчком накрывали с головой, возвращая в тело жизнь и силы. Но чем лучше я себя чувствовала, тем большего мне хотелось. И, что удивительно, похоже, я была не одинока в своей жажде.

Огромное тело, прижимающее меня к стене, в очередной раз вздрогнуло, а рука, удерживающая меня на весу, сжалась, чуть грубовато лаская ягодицы, притягивая меня к нему с такой силой, что я застонала громче. Синие глаза на секунду прояснились и расширились, но я уже была не в том состоянии, чтобы обращать внимание на такие мелочи, а не ответить на мой поцелуй он не смог. Еще одно движение... одно... ОДНО!

Оргазм был таким сильным и... всепоглощающим, что просто сбил нас с ног, как неопытных пловцов волной на отмели. Мне повезло чуть больше, я опять оказалась сверху. Похоже, мы вернулись туда, откуда начали. Так почему бы не начать сначала?

— Спина... — я еще даже не отдышалась толком, когда тело подо мной застонало и заерзало. И пожаловалось: — Жжется, ржа!

Признаться, я все еще не слишком осознавала происходящее, качаясь на волнах полученного удовольствия, но на то, чтобы понять: моему вот этому вот, такому нужному, что-то мешает и не нравится — меняхватило.

А дальше включился автопилот, о наличии которого у себя в мозгу я никогда раньше не догадывалась. А иначе как объяснить, что я, не приходя в сознание, затащила мужика в санузел, усадила в ванную и принялась его мыть?

Самое интересное, что парню это явно нравилось. Во всяком случае, ластился он ко мне очень настойчиво и в результате мы чуть не сломали мне ванную...

А вот диван мы, кажется, немного доломали. Впрочем, он и так был инвалид и старше меня. Что не помешало нам на этом самом диване и заснуть, переплетясь телами, как сиамские близнецы.

Глава 3

Утро началось с серого света в окне и унылого карканья за ним же. Черти бы побрали эту ворону... Спросонок я потянулась к телефону, чтобы посмотреть, сколько времени и убедиться, что до звонка будильника еще минут пятнадцать особенно сладкой дремы. И замерла.

В моей постели кто-то лежал!!!!

Зажмурившись от ужаса, я пару минут вообще не соображала, что происходит, а потом меня как по голове кирпичом ударило воспоминание. Ма-маааа!

Мама-мама-мамочка! Что это было?!

Очень осторожно, буквально по сантиметрику, я выкарабкалась из-под тяжелой мужской руки, придавившей меня к кровати, и поползла к краю дивана. Не дай бог проснется! Как я буду ему объяснять, почему я его вчера изнасиловала?!

Я сама не знаю!

Не доползла.

— Мастер, — мужчина, не просыпаясь, притянул меня ближе и уткнулся носом в шею, — Ты... — его объятия стали крепче настолько, что ресницы защекотали кожу, — кажется, похудела...

Я замерла, как суслик в когтях у тигра, лихорадочно соображая, что же делать дальше. Как ни странно, опасности я не чувствовала и ни капли не боялась здорового незнакомого мужика в собственной постели. Кхм... он уже не настолько знакомый был, наверное. Но... но... А-а-а! Что делать-то с ним?!

— Мас... — парень всё же оторвался от меня ненадолго, чтобы взглянуть в глаза, и так и застыл на середине слова. А я быстро забыла о своей панике, потому что в невозможно синих глазах я увидела то же самое. Только дикое удивление и непонимание очень быстро сменилось странной чередой эмоций: сначала ужас, а потом и отчаяние. А через пару секунд и вовсе начала твориться какая-то бесовщина — из глаз парня полились слезы, которые он резко смахнул рукой и жалобно... завыл!

Ежики в кошмарах!

— Ой! Эм... это... — я поспешно скатилась с дивана и рванула к аптечке за валерьянкой. — Да черти его... где же... а, вот! Выпей, пожалуйста, — начала уговаривать я, вернувшись к лежащему в руинах дивану со стаканом и пузырьком. Сколько ему капель-то?! Он же здоровый, как... а, десятком больше, десятком меньше, от валерьянки не умирают. А у товарища явно горе. Ну не из-за того же он рыдает, что с девственностью нечаянно попрощался?!

Парень грубо выхватил у меня из рук стакан, отчего пришлось ловить выпавшую бутылочку с драгоценным успокоительным, и залпом осушил, даже не удостоив взглядом. На всякий случай отошла от него подальше, а потом и вовсе ретировалась в ванную и прикрыла дверь. Зрелище воющего в одеяло мужика мало бы кого вдохновило. А меня еще и расстроило и даже немного обидело — ну блин, я не Клеопатра, но еще ни один парень после секса со мной не рыдал в захлеб!

На этом фоне я даже забыла ужаснуться собственной распущенности и общему дебилизму ситуации. Начавшийся вчера в подворотне дурдом и не думал заканчиваться.

Всхлипывания в диван продолжались минут десять, за это время я успела наскоро ополоснуться, закутаться в толстый махровый халат, прокрасться из ванной к плите, поставить чайник и заварить чай. Ну... а что ещё я могла сейчас сделать? Порыдать с ним за компанию? В целом идея хорошая, но не рыдалось, как назло.

Когда на диване, наконец, стало тихо, выждав для верности еще некоторое время, я подошла поближе.

— Это был не яд... — с какой то детской обидой в голосе предъявил мне претензию лохматый.

— Эм... нет, — согласилась я. — У меня только валерьянка. Может, еще? Или лучше чаю?

— А смертельная доза у этого отвара есть? — из-под спутанной челки сверкнул один заплаканный синий глаз, но тут же исчез за упавшими лохмами.

— Ты столько не выпьешь, — вот блин, только чокнутых самоубийц мне не хватало. — Если только утопишься. Но желательнее не в моей квартире.

— Другого я и не ожидал, — вдруг как-то зло усмехнулся он, но не просохшие еще дорожки слёз на щеках портили всю картину, — Сколько?

— Что сколько?

— За сколько меня продали?

— Кому?!

— Какова бы эта сумма ни была, знай, — мрачно и пафосно провозгласил псих, — я не стою даже ржавого медяка и сражаться не собираюсь.

— Слава богу, — я откровенно обрадовалась, потому что сражаться с ним мне совершенно точно не улыбалось. — А валерьянки еще хочешь?

Вот теперь и он сидел и осоловело хлопал на меня глазами, как и я пару секунд назад.

— Наш резонанс ничего не значит, я не стану твоим оружием... — он прищурился на меня, пытаясь уловить какую-то только ему известную реакцию.

— Как скажешь, — я кивнула и отхлебнула из своей кружки. У меня, похоже, сгорел предохранитель какой-то, и я почти перестала удивляться. Ну дурдом, ну мужик, ну резонанс... ничего не значащий. Ну секс... потрясающий. Подумаешь. После того, как меня вчера таскали через нарисованную на стене дверь — вообще плевое дело.

— И я... просто могу... уйти? — он даже чёлку откинул, чтоб не мешала смотреть мне в глаза.

— Ну можешь, наверное, — растерялась я. Не знаю, почему, но эта мысль мне не понравилась. Вот не понравилась, и все! Хотя казалось бы, нафига мне этот чокнутый суицидник?! — Только куда? И зачем? И... в чём?

Каждый мой вопрос парня будто разрядом тока бил, он даже вздрагивал. Лишь на последнем он немного задумался и, сжав в кулаках многострадальное одеяло, спросил:

— Вещи еще не привезли, да?

— Тебе не кажется, что мы ведем разговор двух дебилов, причем иностранцев? — по некотором размышлении я решила все же попытаться вернуться в реальность. — Я вообще не понимаю, что происходит. А ты?

— Когда выкупают нестабильное оружие, все его вещи переходят в собственность купившего Мастера... до его полной реабилитации. Обычно вещи высылают в течение часа. — нахмурившись, лохматый явно процитировал официальную бумажку.

Я снова задумчиво отхлебнула из чашки, потом посмотрела в серое утро за окном и встретилась глазами с наглой вороной. Ворона моргнула и презрительно каркнула.

— «Выкупают» — понимаю. «Оружие» — понимаю. «Собственность» — тоже понимаю. Все слова по отдельности понимаю, а вот вместе... — я посмотрела на собеседника и пожала плечами. — Ты вообще кто?

— Вот у меня такой же вопрос, — ошалело помотал лохмушками парень, — Вроде Мастер... Или нет? Да нет же, Мастер! Мастер, которая меня привязала через резонанс, да еще и насильно, так, что я даже слова сказать не успел! — тут он гневно сверкнул на меня глазами, — И после этого ты говоришь, что не понимаешь, какого хрена тут

происходит?!

— Можно подумать, ты сопротивлялся, — обиделась я. Насильно его... угу. А кто меня на диване... и в ванной... и... и на тетя Марусином ковре?! — И ни к чему я тебя не привязывала, если уж на то пошло.

— Действительно, не понимаешь? Да быть не может... нет... но... — вот тут его, кажется, всерьез проняло. Синие глазища широко распахнулись и он уставился на меня с неким почти суеверным ужасом: — Ржа-а! Вот это я попал...

Оружие

Она была Звездой. Яркой, задорной, непредсказуемой звездочкой. Моим ориентиром и путеводителем в этой жизни, подругой, старшей сестрой. А потом, по мере моего взросления, чувства переросли во что-то большее. Моя Любовь. Моя Женщина. Мой Мастер.

Это была достаточно распространённая практика... хотя и считается теперь устаревшей. Сейчас Мастера чаще выбирают себе оружие из выпускников академии, уже взрослых, сформировавшихся и готовых к бою.

Но раньше... раньше было не так. Раньше оружие отбирали ещё в детстве, полностью выкупали у семьи, обрывая все связи с родителями. Оружие растил сам Мастер, медленно привязывая его к себе, создавая нерушимую и непоколебимую связь душ, позволяющую им буквально сливаться во время боя в одно целое.

Но в последнее время семьи все чаще отказывались продавать детей. Тогда и придумали сделать отдельный факультет для Оружия, хотя изначально в академии обучались только Мастера.

Когда оружие стали привязывать в подростковом возрасте, а то и позже, это сильно повлияло на «сыгранность» боевых команд. Чтобы хоть как-то нивелировать разницу, вместо душевной близости стали интенсивно использовать физическую и в какой-то мере это даже помогало... Правда, построенное только на сексе партнёрство редко было долгим и плодотворным. Но очень многим так было легче. Меньше ответственности, меньше душевных терзаний.

Я же... я был выкуплен в возрасте шести лет. Каюсь, первое время я бунтовал и ненавидел своего Мастера. Как же, меня забрали пусть и из бедной, но любящей семьи, оторвали от привычной обстановки...

Не радовали ни дорогие одежды, ни вкусная еда, ни собственная комната. Зачем мне все это, если даже писем домой писать не разрешали?! Хотя... я и писать-то не умел.

Мой Мастер происходила из очень состоятельной и древней семьи. Новых веяний здесь не признавали. Ей было уже тридцать четыре года, она была почти взрослой, красивой, веселой, и у нее уже было одно оружие: боевой доспех Микаэлла, ее младшая сестра по отцу.

Мастер была официальной наследницей, рождённой в законном браке, а Микаэлла — побочной дочерью. Ее мать была оружием главы дома. Такое практиковалось повсеместно и не вызывало неодобрения.

Поначалу я вообще не понимал, для чего понадобился этим двум здоровым «тетям». Моя боевая форма — серп — была предназначена для ближнего боя, ничего особенного. И только когда начались тренировки, стало заметно, что у меня просто огромная пропускная способность. А это означало, что со временем из меня получится мощнейший дистанционник. Притом, что Микаэлла уверенно развивалась в не менее мощный щит, наша боевая группа обещала стать одной из самых успешных в истории.

Медленно, но верно, за веером тренировок и всевозможных занятий (начиная от чтения и математики, заканчивая танцами и этикетом) я забывал свою старую семью и детские печали. Тем более, что Мой Мастер и ее доспех относились ко мне с искренней симпатией, всегда готовы были понять и помочь. Очень скоро они обе стали для меня если не кумирами, то лучшими друзьями.

Взрослея, я всё глубже осознавал, как сильно мне повезло. Приличное содержание, лучшие учителя, милый добрый Мастер и сестра Мастера. Они вдвоем меня откровенно баловали, хотя и требовали полной отдачи на тренировках и в учебе. Тут я не протестовал, сам понимал, что фантастически быстро развиваюсь из мелкого серпа в настоящую боевую косу.

А с наступлением зрелости открылся еще один огромный плюс — обе мои партнерши были великолепными женщинами, и обе они стали МОИМИ женщинами.

Обычно гарем себе могли позволить только Мастера-мужчины. А тут я, такой юный и красивый боевой серп, у которого сразу две потрясающие женщины. И хотя на самом деле это скорее я был у них, а не они у меня, мне было чем гордиться!

Но всё поменялось как-то очень быстро. Сначала умерли достойные родители моего Мастера. Если честно, я не слишком огорчился, мы виделись-то пару раз по большим праздникам. Но Мастер...

Как же болела душа, когда она рыдала, забившись подальше, чтобы ее никто не видел. Ей было очень больно, и мы с Микаэлкой, как могли, делили эту боль на троих. Я сидел рядом, обнимал, стирал слезы с их лиц и старался сделать так, чтобы мои любимые девочки хоть ненадолго забыли об этом горе.

Потом вроде бы все наладилось. Мастер вступила в права наследования, и мы вернулись в родовое поместье. Было много дел, забот, но тренировки мы никогда не забрасывали, и задания продолжали брать. Так прошел еще год... и вдруг все рухнуло в один миг. Весь мой счастливый мир оказался замком на песке, обманом, и рассыпался потому, что я оказался не нужен. Не нужен даже в посмертии...

Хорошее оружие никогда не переживет своего хозяина — так говорили древние мудрецы. Сейчас, когда большинство молодых мастеров меняют своих партнеров «как перчатки», это изречение потеряло силу... Но мы-то! Мы были настоящими! Сработанной с детства боевой тройкой! Наши души переплелись в одну! Так я думал, пока...

Это было совершенно рядовое задание. Никто не ожидал такой мощи от дикаря, никто не понял, что это ловушка. А потом стало поздно. Удар был такой силы, что меня просто снесло, я почти сломался. Почти! Я бы смог, я бы выстоял! Но Мой Мастер решила иначе. И отбросила меня в сторону, как бесполезную вещь. Ненужную и ненадежную палку.

Я в ужасе и бессилии наблюдал, как следующий удар они с Микаэлкой принимают на себя. Удар такой силы, что Мастер и ее доспех буквально испарились в огненном шторме. А я... а меня не стали добивать. Кому интересно терять время на бьющееся в агонии оружие. Само подойдет после того, как разорвалась связь.

Когда я первый раз очнулся в больничной палате, рядом со мной лежал кинжал. Остриём ко мне, без ножен, с лезвием, заточенным, будто бритва. И... я не смог. Трус. Так и потерял сознание, с ножом в руках. А когда очнулся второй раз, кинжала рядом со мной уже не было. Я упустил последний шанс уйти вслед за своим Мастером...

С тех пор началась не жизнь, а смутное существование. Я не обращал внимание на врачей и людей в деловых костюмах. Из череды лиц запомнилось лишь одно — леди Мариэлла. Тетка моего Мастера по отцу.

Но она не разговаривала со мной, лишь дала мне пощечину. А через некоторое время пришли из «органов опеки» и констатировали мою полную «невменяемость». Я не возражал. Мне было уже все равно. Я вообще скоро ушел в свой боевой облик и отключил почти все чувства. Сознательно превратил себя в...

«Металлолом» — ненадежное или сломанное, покрытое ржавчиной оружие называется именно так. Его презирают и игнорируют, позволяя медленно и болезненно ржаветь и распадаться в пыль. У Металлолома нет чувств, нет прав, нет имущества, нет ничего. Редко, очень редко, кому-то приходит в голову попытаться вернуть металлолом к жизни и тогда над ним выкупают «опекунство» в попытке «реабилитировать».

Похоже, со мной случилось именно это. Но в зыбком полусне мне почудилось, что все произошедшее со мной и моими девочками — всего лишь кошмар, который закончился, и мы снова вместе, в нашей комнате, в нашей постели. И теплые руки Мастера обнимают меня... а потом я по-настоящему проснулся. И понял, что кошмар никуда не делся.

Разочарование было таким острым и болезненным, что я сорвался.

— Какой это мир? — стараясь унять бешено бьющееся от воспоминаний сердце, спросил я у... женщины. Называть ее своим Мастером было выше моих сил, это казалось святотатством, предательством! Как я вообще мог поддаться и позволить провести эту ржавую сцепку? Действительно, никчemuшник...

— В смысле? — удивилась она. — А какой может быть?!

— Понятно, периферия, — скривился я, — Сколько светил на горизонте днём и сколько ночью? Развитие идёт в технике или магии? Выход в бездну или безвоздушное пространство есть? Какой главный источник энергии? — я перечислил некоторые базовые характеристики мира, которые обычно указываются в листках с заданиями.

— Эй, стоп! — женщина выставила перед собой обе руки, в одной из которых была зажата кружка с чаем. — Нет, я помню про дурдом... но не настолько же все плохо? А? — она как-то даже умоляюще заглянула мне в глаза снизу вверх. Ржа-а, да к какой же дикарке я попал!? Кстати, действительно, какой?

Медленно, стараясь не упустить ни одной детали, я осмотрел жен... нет, девушку, а может и вовсе... девочку? Может, болела много? Потому что если бы я вчера собственноручно не ощущал достаточно зрелые округлости, то больше шестнадцати этой вешалке для одежды не дал. А то и вовсе, со спины за пацана бы принял.

А еще у нее были слишком короткие волосы, светлые, будто выжженные на солнце. Либо это мир с совершенно несуразной модой, либо это чтоб насекомые не завелись. Судя по состоянию жилища, второй вариант вполне возможен. Нет, здесь чистенько, но бедненько. Я бы даже сказал облезленько. И размерами это жилище больше напоминало кротовую норку. Вот попал!

Как будто издеваясь надо мной, откуда-то из угла выпорхнула моль, и неспешно протанцевала в воздухе перед моим носом. То есть, это мир натуральной шерсти, натуральной моли и натуральных вшей. Зашибись!

Стараясь игнорировать насекомое, я снова перевёл взгляд на... на... как ее зовут-то? Девушка как раз тоже провожала хищным прищуренным взглядом несанкционированный полет вредителя, но большая дымящаяся кружка в руках помешала более решительным действиям. Зато у меня было время рассмотреть ее

получше.

Лицо... непонятно. Возможно, красивое, если в порядок привести. Мастер всегда говорила, что некрасивых женщин не бывает, бывают недофинансированные. Эта явно из таких. Разве что глаза хороши, большущие и выразительные, как у смешного зверька лемура, не помню из какого мира. Но в остальном цвирк какой-то недокормленный, и ростом чуть выше стула. Ну ладно, барного стула. Эх, всё равно — пискля. И вот это... вот ЭТО мой новый Мастер?

— Тогда рассказывай ты, — понимая, что большего от него вряд ли можно добиться, предложил я, — Как я тут оказался?

— Это ты у меня спрашиваешь?! — поразилась девчонка, и чуть не уронила кружку. — Понятия не имею! Сам собой в тазике возник!

Походу у нее ещё и с мозгами проблема. Даже если не знаешь про оружие, но сопоставить-то исчезновение одного предмета и появление другого можно! Хотя... если это мир технарей, то все понятно. Они вообще в этих делах не сообразительней дерева. И все равно бесит! Одним своим существованием вызывает боль и раздражение. Теперь я дважды предатель...

— Тогда спросим по-другому, — не сдержался и рыкнул я. — Где ты достала боевой серповид... хм... косу где стащила?

Девчонка неожиданно нахмурилась, потом сходила поставить кружку на аккуратный кухонный столик возле стены, вернулась... озабоченная такая, и с сосредоточенно-недоумевающим личиком. Подошла вплотную ко мне, почти уткнулась носом в грудь, и... понюхала. И еще раз. Отступила на полшага и вытаращила на меня свои глазища:

— Спятить вообще! Ты пахнешь дрыном! Да быть не может! — выдала эта сумасшедшая.

Вот что я должен сказать женщине, которая говорит, что я пахну... а что такое дрын? Я только «хрын» знаю, но это мужской половой орган у народа верринов из 4-То-Шан мира по оранжевой спирали. И вряд ли я им пахну, ржа!

— И что? — опасливо поинтересовался я, поплотнее закутываясь в одеяло. Ну так, на всякий случай! Кто ее знает, эту ненормальную.

— Ну, если рассуждать логически... — недокормыш в халате уселась рядом со мной на покрывало и принялась озвучивать свои мысли: — Хотя, конечно, логика и то, что тут творится, вряд ли имеют друг к другу хоть отдаленное отношение. И все же. Домой я притащила дрын. Ржавый и грязный. В тазу мыла дрын. Потом в этом же тазу появился ты, а ковырялка эта ржавая пропала. И пахнешь ты ею. Следуя, опять же логике, ты и есть дрын. Но так не бывает.

— И с какой-такой ржи ты тащила и мыла в тазике ржавый дрын? — я обиделся. Не, понятно, вид у меня далеко не аукционный, я ведь сам этого добивался. Но одно дело знать, а другое — услышать от посторонней козявки!

— Да хрен его знает, — задумчиво проговорила девчонка. — Ну, то есть, мыла потому, что не люблю спать с грязными палками, а притащила... хм. Все сложно.

Это стало для меня последней каплей! Она что, совсем за дебила меня держит?! Что за дурацкие объяснения?!

Не обращая внимания на собственную наготу, я резко поднялся с дивана и схватил ненормальную за грудки:

— Исссс-деваешься?! — я приподнял этого цвирка недокормленного над полом, глядя сквозь неё и... застыл. Кажется, нечаянно, в порыве гнева, я перешёл на аурное зрение. И открывшееся зрелище заставило меня разжать руки — у девочки не было трети души!

— Расскажи мне всё, — прикрыв лицо ладонями, я со стоном свалился на это колченогое подобие кровати. — Всё, что вспомнишь о вчерашнем дне. Любую мелочь.

Сначала эта перепуганная моль поправила свой балахон, запахнувшись в него чуть ли не

по уши, потом пару секунд гневно и обиженно сопела. Но в итоге всё же вздохнула, села на постель возле меня и неожиданно погладила по плечу:

— Да ладно, не переживай так. Разберемся. А про вчера, — она слегка задумалась, — думаю, лекции по испанской семантике тебе неинтересны. Странности начались вечером, когда я из института возвращалась...

Ириска:

Да сто лет бы психа этого не видеть, не то что сказки ему рассказывать. Блин, то трахает, то рыдает, то чуть не придушил, ненормальный. И самое поганое то, что я откуда-то четко знала, чувствовала — он мне нужен. Отпускать его нельзя. Значит, придется объясняться и договариваться.

К тому же, судя по его обмолвкам, он в дурдомах лучше разбирается, и заморочки с косами для него не секрет. Вот пусть и мне объяснит.

— Ну вот так примерно все и было. А потом я принесла дрын домой и стала его отмывать. Ну и дальше ты в курсе... — я немного смущенно посмотрела на парня из-под растрепанной челки и зябко закуталась в халат, поджимая под себя босые ноги.

— Тебе контракт отдали? — он задумчиво прикусил ноготь большого пальца. Весь рассказ парень молчал, все больше хмурясь и иногда выдавая странные словесные конструкции, похожие на экзотический мат.

— Нет, только кровь взяли. Ну и еще я потом этой же окровавленной рукой за... тебя схватилась, и ты ее, в смысле, кровь, сразу впитал, — очень сложно было принять тот факт, что лохматун действительно умеет превращаться в палку с железкой на конце, но я уже внутренне была готова ко всему.

— Дело — дрянь, — этот... кос сел прямее, свернув ноги турецким кренделем и заботливо прикрыв при этом самое главное одеялом. Еще и покосился на меня с таким подозрением, словно я давно и упорно охотилась за самым большим мужским богатством, чтобы откусить. — Юридически получается... ты меня украла.

— Здравствуй! — возмутилась я. — Никого я не крада, мне тебя выдали и в журнал записали!

— Как «скорую помощь», — кивнул он, — это подразумевает, что по достижению своей семьи ты обязана вернуть меня обратно на склад. Что для тебя на данный момент... самоубийство.

— А я вот помню, что эта... как ее... печатная машинка сказала, что ты того гляди рассыплешься ржавчиной и вернуть тебя вряд ли успеют, — я наморщила лоб, вспоминая еле слышное бухтение, которым меня проводила за дверь секретарша. — Ты болен? Или чего? Может, я тебя себе пока оставлю, а? Мне самоубиваться чего-то совсем не хочется. И тебя вылечим... может быть?

— Если бы рассыпался... всё стало бы намного проще, — отвел он взгляд в сторону, — но сейчас, осознанно, брать на свою душу смерть еще одного Мастера... я не намерен.

— Это хорошо, что не намерен, — я уловила главное, бросать меня на верную смерть никто не собирается. И немного выдохнула. — А можно все же подробнее, кто такой мастер и какое отношение он имеет ко мне? И вообще, как-то вот структуру бы этого дурдома... в двух словах? А?

Похоже, у меня опять включился внутренний тараторкин. Я, когда волнуясь, всегда много говорю, но по делу! Просто непривычные люди слегка пугаются. Вот и этот... Кос, тоже слегка опешил.

Несколько мучительных секунд в комнате стояла абсолютная тишина, но парень всё же продолжил:

— Структуру в двух словах, хех, — он выразительно дёрнул уголком губ, — Что ж, начнём с начала, ты знакома с понятием «радуги»?

— Это ты про погодное явление или про физический термин преломления света? — удивилась я. Эка он издали начал.

— О, — взглянул он с большим энтузиазмом, — Значит, не такая уж периферия. Так вот, наш сектор миров состоит из восьми частей. Вершина его — это мир-призма, мир, в котором обычно и живёт наша... мм... раса. Остальные миры делятся на семь спиралей, по цветам радуги. Ближе всего к призме расположена красная спираль, далее оранжевая и так далее, — он начертил в воздухе расширяющийся к низу спиральный треугольник.

— Интересная концепция, — пробормотала я, сонно смаргивая. Упс... надо сварить кофе. — А мастера кто такие в этом... в этой призме? И при чем тут я и мое самоубийство?

— Не перебивай! — зыркнули на меня из-под спутанной чёлки.

Понятно, мужик начал вещать. Это надолго.

— Миры, даже в пределах одной спирали, всегда очень разные, несмотря на то, что преобладают в нашем секторе именно гуманоиды. У них разная как культурная, так и энергетическая направленность, да и уровни развития сильно отличаются. Обычно, чем ближе мир к призме, тем более просветленный там народ... Ааа, так, сейчас не об этом. Но! — парень внезапно выпрямил спину и серьезно взглянул на меня.

Я поспешно подавила зевок и приняла самый внимательный вид.

— Какими бы разными ни были жители этих миров, у них есть кое-что общее. То, без чего никакой разумной жизни никогда бы не существовало. Душа!

Убедившись в том, что я внимаю каждому его слову, этот... трибун народный продолжил:

— Душа есть у всех, и поток душ, готовящихся к перерождению, у всех миров тоже один. Вот тут и вступаем в историю мы — пары Мастер-Оружие, — тут лохматый перестал сверлить меня взглядом и со вздохом уставился в окно.

— Если верить легенде, то раньше, несколько миллионов лет назад, в нашем секторе был всего один Мастер. Его работой было собирать застрявшие в мирах спирали души и очищать их от скверны, возвращая в общий поток. И оружие у этого Мастера тоже было одно, боевая коса...

Он гудел и гудел, как перегревшийся трансформатор. Чувствуя, как впадаю в транс, я еще успела удивиться — с чего меня так плющит, четвертый курс все же, впитывать лекции повышенной занудности уже почти профессиональный навык. А тут прямо... и слабость накатывает, очень некстати.

Но, тем не менее, главное из его получасового гудения я уловила. Значит, так... Жила была Смерть с косой. Этой косой она соскребала скверну с душ и пинком под зад отправляла отшкрябанных перерождаться.

А потом Смерть устала, соскучилась и решила воспользоваться служебным положением: зажала приглянувшуюся душу и запихнула ее в свою косу. И коса стала Косой с большой буквы. Потом они еще немножко пошкрябали по душам вдвоем, и поняли, что жить друг без друга не могут. Ну и того... кто из них кого, лохматый не рассказал, он, по-моему, сам не знал. Но от этого союза народилось множество потомства. И все поголовно либо на Смерть похожие — они стали называться Мастерами; либо на Косу — эти стали оружием.

Со временем главная Смерть ушла на пенсию, и Косу свою забрала. А потомки организовались, бюрократизировались и стали шкрябать души в порядке трудовой дисциплины. За деньги и эту самую скверну, которая оказалась просто энергией с отрицательным значением и питанием для оружия. И всем стало хорошо — Косы накормлены, души начищены.

Но в любой семье не без уroda. Так появились дикари. Это такие Мастера, которые не хотели с опасностью для жизни соскребать скверну — чего там энергии, в час по чайной ложке! А вот если душу сожрать целиком... то и оружие мощнее не по дням, а по часам, и Мастер прокачивается до небес. Но как мы все знаем, халява — она только в мышеловке водится. И расплачивались такие дикари своими мозгами, а точнее рассудком. Проще говоря — крышу им срывало от халявного могущества.

Вот на такого уroda мне и не повезло нарваться в подворотне. И его мальчик-кинжальчик отгрыз от моей души почти треть.

Бобер меня, получается, действительно спас. А что потом прирезать хотел — так из лучших побуждений. С погрызенной душой долго не живут и помирают в муках.

Это невероятное везение, что я оказалась не просто смертной, а тем самым потомком, из которых получают Мастера. Не умерла сразу, а потом мне на душу поставили заплатку в виде ржавой боевой косы из хранилища металлолома.

— И чего теперь? Будем жить вместе, пока дыра, тьфу, душа не зарастет? — обеспокоенно переспросила я, переварив этот спич. Насчет души не знаю, а самочувствие мое ясно сигнализировало, что таки да, где-то дыра есть, и через нее стремительно улечиваются последние мозги.

— Если хочешь жить — это единственный вариант, — задумчиво кивнул парень, — особо не напрягаясь, на моих ресурсах, ещё год-два протянешь. Только запитывать меня придется регулярно.

— Э... — я, признаться, слегка зависла от таких новостей. Год-два?! На этой цифре мозг отключил калькулятор и ушел в темный чулан — подумать о бренности жизни. За старшего остался спинной мозг, вот он и спросил: — А это... чем тебя надо питать?

— Без скверны при таком энергопотреблении с твоей стороны меня хватит месяца на два, потом рассыплюсь, — как-то индифферентно пожал кос плечами, с абсолютно спокойным лицом.

Еще того не легче... два месяца?! Только что было два года! И как теперь? Может, обойдется еще? Я знаю диету для набора веса... вдруг ему поможет?! Тьфу, спинной мозг рулит...

— У меня котлеты есть... вчерашние. С макаронами. Скверны нету... — я с неудовольствием покосилась на старенький холодильник, имевший дурную привычку брать незапланированный выходной и выращивать внутри себя новую жизнь. — Ну то есть, ты только этой энергетической штукой питаешься, или нормальная еда тоже пойдет?

— Физическая еда нужна для функционирования этого, человеческого тела. Как раз без неё можно и обойтись, если я постоянно буду в боевой форме. А скверна, как ты ее назвала — энергия, она нужна для поддержания души, как моей, так и твоей.

— Угу... что-то я запуталась. Значит, если я найду тебе эту скверну, год-два мы протянем. Угу. А потом что?

— Уйдём на перерождение, — как само собой разумеющееся ответил парень.

— То есть, помрем.

— Да, в некоторых мирах используют это определение.

— Весело. А если я не хочу на перерождение? Меня и здесь все устраивает!

— Душа очень хрупкое образование и восстановиться может только в межмировой потоке. Но займёт это у нее не одну тысячу лет. Именно поэтому у нас столь строгое табу на их съедение, — Кос чуть наклонил голову в бок и глубоко задумался. — Но в то же время, даже кусочек души — это огромная концентрация энергии и перевариваться она будет несколько сотен лет. Когда вылавливают дикарей, то над их оружием проводят

особый ритуал. Он позволяет освободить поглощённые души, не успевшие распасться окончательно, — Кос неуверенно посмотрел на меня. — Теоретически, если поймать тот кинжал, то часть твоей души можно вернуть, но... я ни разу о таком не слышал. На моём веку души еще никто не откусывал кусками. Нет, даже не так, я вообще не помню, чтобы кто-то съедал душу Мастера. И поэтому...

— Так, короче, — торопливо резюмировала я, поняв, что это многословное существо само по себе не заткнется и будет лить воду еще часа два. — Надо поймать того гада, что воткнул в меня кинжал и отобрать... кинжал, так? Угу...

Я поежилась. Встречаться с жутиком из подворотни не хотелось от слова совсем. Только вот умирать хотелось еще меньше.

— Ладно. А как это сделать? Поймать в смысле? У вас есть служба там... охраны правопорядка? Полиция?

— Есть. Ты ж с ними встречалась, — Кос разве что пальцем у виска не покрутил. — Другое дело, что ради тебя они и хвостом не вильнут. Если б ты из клана была, или хотя бы зарегистрирована как Мастер...

— То есть бобер — это и был полицейский. Мило... — я потеряла переносицу и выругалась. Матом. Про себя. — А менты везде одинаковые, что в Питере, что в другом мире. Спихнул проблему и забыл о ней. Ладно. Так. Сейчас. Я соберусь с мыслями... Этот бобрмент, он ведь как-то понял, что злыдень меня убивает в подворотне, верно? То есть, умеет такое отслеживать? Уф, нет, это позже... что надо сделать, чтобы зарегистрироваться как Мастер?

— Эмм... — похоже, патлатый завис. — Я точную процедуру не знаю, всеми этими делами занимались юристы клана М... Мастера...

Что? Опять реветь?!

Нет, вроде переборол порыв.

— Эм... это... может, у секретарши спросить, она же должна знать? Ну, там, где мне тебя выдали? — спросила я, когда парень отдышался и снова стал похож на вменяемого.

— Думаю, это будет лучшим выходом, — Кос вздохнул и почесал лохматый затылок. — Всё же хоть у меня и есть свидетельство о высшем образовании, я больше боевик-практик. Ни в теорию души, ни в юриспруденцию я не углублялся.

— Тогда пошли! В смысле, побежали! — я подхватила и заметалась по комнате в поисках джинсов. Вообще-то я привыкла класть одежду на место, но вчера как бы... слегка была не в себе.

— Зачем? Проход я и тут открою, если вспомнишь, какая примерно фигура была в центре плете... рисунка, — недоумевающе захопал на меня глазами парень, даже отодвинув в сторону лохмы. — Только вот... — он показательно оглядел с ног до головы себя, а потом меня. — Двух голых бомжей там примут вряд ли.

— Чего это я бомж?! Нормальные джинсы... а вот ты... — тут я была вынуждена остановить свои метания по комнате и даже подергала за одеяло, в которое все еще был завернут Кос. — Нда, проблема. Может, станешь снова дрыном? — вот, кстати, и получу последнее доказательство, что меня не дурят...

— Открывать проход я тоже в виде «дрына» буду, по твоему? — возмутился он, — И... перестань меня так называть, сама не лучше. Волосы короткие, как у прокаженной, одежда снята с какого мужика-селянина, причем она у тебя еще и драная! — тут он в упор посмотрел на мой заштопанный носочек. Аккуратно, между прочим, заштопанный!

— Какая есть, такую и одеваю! — мне моментально расхотелось жалеть эту орясину и захотелось стукнуть чем-нибудь тяжелым, желательно по голове. — Все чистое и приличное. Что тебе не нравится?!

— Такое только в хлеву прилично смотрится, — неожиданно зло огрызнулся лохматый, сверкнув глазами, — Ты — Мастер! А не мальчишка-пастух с задворок фиолетовой спирали!

— Я пока еще студентка четвертого курса, а не мастер, — на меня неожиданно снизошло вселенское спокойствие. — И для своего мира и положения выгляжу вполне нормально. Другой одежды у меня все равно нет. Это раз. Мужской одежды у меня нет вообще, это два. Так что ты или будешь косой, или в одеяле, пока мы не раздобудем, во что тебя облачить... нда. Секонд хенд нам в помощь...

— Хочешь жить? Значит, станешь Мастером, — с непоколебимой уверенностью «поставил меня перед фактом» голый законодатель мод.

— Договорились, как только стану, так и задумаемся о смене гардероба, — легкомысленно согласилась я. — А сейчас-то что будем делать? Может, ты нарисуешь мне дверь, а потом станешь косой? И я тебя уже понесу?

Парень серьезно кивнул и молча осмотрел комнату, проигнорировав мои вопросы. Взгляд его сначала задержался на шторах, затем на чуть распахнутой двери шкафа, постельное бельё тоже подверглось пристальному вниманию.

Блин, я прямо почувствовала «визит свекрови», как про него замужние девчонки рассказывали. Захотелось быстро прикрыть дверцу — да, у меня всего два набора постельного белья, и то не нового! Ну и что!

— Хорошо, как только создам плетение, вернусь в боевую форму, — с явной досадой сказал он. — Надеюсь, ты сможешь самостоятельно пройти и задать хранителям пару правильных вопросов.

— Погоди, давай уточним на берегу, — торопливо перебила я. — Я прихожу и... мне же надо заявить, что я беру тебя на постоянной основе, так? И заполнить бумажки? А что еще? Спросить, где дадут эту вашу скверну?

— Ни в коем случае! — аж подпрыгнул Кос. — Вернее, не совсем так, — он мотнул головой. — Если ты задашь последний вопрос, то точно раскроешь себя. Поверь, лучше тебя посчитают хоть и очень слабым и никчемным, но всё же Мастером, чем обычной смертной, у которой в пра-пра кто то из наших погулял.

Мда. Уважения между нами ещё добиваться и добиваться...

— Есть, конечно, шанс, что тебя пожалеют... но...

Да уж, я прекрасно помнила, как мне хотели «только бобра», тьфу, «добра», замахиваясь на меня мечом.

— Всё, что тебе нужно, это уточнить процедуры опеки и регистрации, а также... — тут он взглянул на меня и тяжело вздохнул. — Ладно, одевайся. Будешь повторять слово в слово за мной. Благо, даже самый слабый Мастер способен мысленно общаться со своим Оружием на близких расстояниях.

— Эм... — озадачилась я. — А мы способны? Ты уверен? Я бы заранее протестировала. Давай, скажи чего-нибудь мысленно! — Я выжидательно замолчала, на всякий случай зажмуриваясь, и...

— Сам дурак! — от возмущения весь страх предстоящего мероприятия испарился, туда же, куда и восторг от телепатических способностей. — Сам... ржавый дрын!

«Рисунок вспоминай, и пошли уже!» — раздалось у меня в голове с недовольной такой интонацией. У-у-у! Дрынище! Раскомандовался!

Но тем не менее я одернула курточку, глянула искоса в зеркало возле двери, убедилась, что выгляжу нормально, и старательно припомнила кракозябру, которую бобр рисовал на стене в подворотне. Что-то похожее на букву «Ж» с лишними отростками...

— Желтая спираль, — задумчиво закивал Кос, — Действительно, не так уж далеко. А звезда, у вас, получается — Желтый... — он прищурился в окно, — карлик?

— Карлик-карлик, — я нетерпеливо переступила по полу любимыми ботинками на толстой подошве, — рисуй давай! Жарко...

Лохматый промолчал и деловито посмотрел на входную дверь. Подергал за ручку, провёл ладонью по поверхности, и, наконец, принялся творить. Вслед за движением пальца, на импровизированном холсте оставались чёткие полупрозрачные линии белого цвета. В отличие от бобра, делал он это достаточно медленно, иногда стирая некоторые штрихи и рисуя их снова.

— Такой вот? — когда я успела уже окончательно спариться в уличной одежде, он соизволил закончить.

Я присмотрелась, старательно воспроизводя в памяти вчерашний вечер, потом кивнула: — Ага! Точно!

Парень немного самодовольно хмыкнул и слегка приоткрыл закрытую на ключ, между прочим, дверь.

— Дерзай, — хмыкнул он и... исчез в секундной вспышке света. Мне осталось только поймать падающую в мою сторону рукоять знакомой косы. Нда... последняя надежда на скрытую камеру умерла.

Я вдохнула поглубже и открыла дверь.

В «офисе» со вчерашнего дня ничего не изменилось. Даже секретарша скучала под фикусом та же самая. Эта очкастая выдрочка подняла на меня взгляд далеко не сразу, пришлось протопать через приемную и деликатно постучать по стойке регистрации.

На меня уставились как на привидение. А может действительно, за привидение и приняли, не зря ж вчера она так рассуждала о моей скорой гибели.

«Чистого блеска, юная леди!» — вдруг раздалось в моей голове. — «Чего застыла, как чикус перед хищником, повторяй!»

— Чистого блеска, юная леди! — я улыбнулась секретарше с приветливостью образцового Каспера, а сама мысленно представила, как засовываю древко косы в разожженный камин.

«Да чего ты перед ней лыбишься. Ты — Мастер, а она Оружие, причём даже не третьего, а десятого сорта, которое нехило так напортило».

«А ты дурак!» — так же мысленно возмутилась я. — «Даже этому вашему мастеру не обязательно быть хамлом! От меня не убудет, а вежливость и кошке приятна!»

— Удачной охоты, эм, Леди... простите, я не запомнила вашего имени, — вдруг заметалась девушка.

«Вот ржа...»- Кос у меня в голосе досадливо крякнул. — «А как тебя зовут?»

— «Приехали, бабушка, я ваш Юрьев день», — хмыкнула я мысленно. — «Опомнись! Ирина Викторовна Самгина, позвольте представиться!» — и добавила изрядную долю ехидства в эту мысль, напрочь игнорируя тот факт, что я его тоже изнасиловала, даже имени не спросив. Но у него был такой самоуверенный... голос в моей голове, что удержаться не было ни малейшей возможности.

— «Угу. Значит — Ирина из рода Самгиных, сойдёт. Представляться чужим не стоит, рискованно, особенно при заполнении документов. А так... мало ли мелких кланов?»

Своего имени, кстати, он так и не назвал, партизан заржавелый. Ну и ладно. Может, его так и зовут на самом деле — Кос?

Я, четко следуя инструкциям, назвалась секретарше, и пронаблюдала игру мыслей на ее лице. Впрочем, блондинка по итогу стала еще любезнее, из чего я сделала вывод, что все

идет как надо.

— Вы... что-то хотели, леди? Сдать инвентарь? — преданно заглянула она мне в глаза.

— Нет, — начала я повторять за суфлирующим мне оружием, — Вчера вы забыли отдать мне документы на опеку. Я понимаю, что была не в лучшем состоянии для оформления, потому подошла за ними сегодня.

На меня уставились идеально круглыми глазами, а затем такого же взгляда удостоился дрын.

— Его!? — изумилась девушка, указывая пальцем на косу, — Вы хотите его забрать!? Эту рухлядь?

«С-сучка» — прошипел в моей голове Кос. Но потом вздохнул и с явным напряжением продолжил, — «Сделай грустный вид и скажи, что ты бы с радостью вернула ржавый дрын обратно, но из-за критической ситуации пришлось привязать... этот металлолом».

Грустный вид у меня получился без труда. Вернее, не столько грустный, сколько раздосадованный. На секретаршу, кстати, мои слова произвели странное впечатление. По-моему она с удовольствием перегрызла бы Косу... дровко.

— Сочувствую, — она выдохнула, как-то виновато посмотрела на меня и покачала головой. — Но вчера вы сами интуитивно выбрали его.

— Только это и примиряет меня с действительностью, — такой способ общения всё больше раздражал. Как марионетка на ниточках. А куда деваться? Так что я снова послушно повторила вслед за суфлером: — Попробую восстановить по максимуму.

Девушка подарила мне еще один сочувствующий взгляд и потянулась куда-то в глубину стола, доставая небольшую пачку бумаг.

— Заполните, пожалуйста... И потом вам надо будет расписаться в бухгалтерии за материальную компенсацию, положенную на этот... это оружие.

Я молча, под диктовку Коса, заполнила кучу макулатуры (психи из другого мира тоже любят бюрократию, кто бы мог подумать!), еще раз приветливо улыбнулась секретарше и кивнула в знак благодарности, передавая ей пачку бумаги.

Девушка, за последние пятнадцать минут напрочь растерявшая всю свою выдристость, только вздохнула, как-то по-щенячьи заглядывая мне в глаза. Даже не по себе стало, если честно.

— Бухгалтерия в седьмом секторе, я сообщу, что вы сейчас зайдете? — спросила она, шустро рассортировывая наши бумажки по разным папкам.

— Да, спасибо, — машинально отозвалась я, мысленно пиная затихшего Коса. — «Где у них тут седьмой сектор?»

«Фиолетовая дверь» — буркнул он, явно о чем-то задумавшись. — «Сектора — по цветам радуги»

За фиолетовой дверью обнаружилась «выдра очкастая дубль два». Те же очки, тот же пегий пучок на затылке и тот же безлико-деловой костюм. Только эта была старше и неприветливее.

«Они тут все... счётные машинки?» — поинтересовалась я у Коса, пока не ответившая на мою приветливую улыбку тетка копалась в файлах своего ноутбука.

«Эта — помощнее, скорее откормленный калькулятор» — отозвался он. — «Но семья, судя по всему, одна».

«А, они родственницы... семейный бюрократический подряд, ужас какой!» — вздохнула я, а тетка-калькулятор тем временем нашла, что искала и бесцветно-бумажным голосом произнесла:

— Вот тут распишитесь, что получили месячное содержание.

— Тридцать пять тысяч? — я удивленно уставилась на итоговую цифру внизу бумажки.

«Спроси: это в малых кубах?» — торопливо проинструктировал Кос.

— Эмм... в кубах? — осторожно переспросила я, гадая, что это за валюта такая. Но мой вопрос восприняли вполне спокойно:

— Нет, в валюте вашей страны, рублях. Если хотите поменять на кубы скверны, то курс — один малый к тысяче.

— «Чегоооо? Вот же ржавая рухлядь!!!» — Кос в моей голове вознегодовал и, дай ему волю, пошел бы косить... кого попало. — «Месячное содержание в тридцать пять мелких кубов! Да мне в сутки и то больше Мастер давала! Так, смотри, скажи этим жмотам, что...».

— Понятно, спасибо! — оборвала поток ругательств я, чуть встряхивая пышущий возмущением дрын. И добавила мысленно:

«Заткнись! А то и этого не дадут, знаю я бюрократов. Тридцать пять штук в месяц — это зашибись, так что не ной!»

— Кредитная карта будет готова через пятнадцать минут, вы можете забрать ее на ресепшене, — все так же нелюбезно проинформировала бухгалтерская гримза и демонстративно уставилась в монитор, явно давая понять, что мы свободны.

«Интересно, почему они так по-разному реагируют?» — я об этом просто подумала, но Кос меня услышал:

«Дурочка за стойкой еще надеется, что придет прекрасный добрый Мастер и выберет ее. А эта уже не верит в сказки!» — фыркнул он. — «Теоретически, любое оружие способно стать боевым, и это часто даёт ложную надежду. Но изначальная форма и потенциал слишком сильно влияют на дальнейшее развитие. По-хорошему, ей бы к какому Искателю пристроится, но нет, всем же хочется героя-охотника».

Пока он философствовал, я успела выйти из кабинета бухгалтерии, но, похоже, воспользовалась не той дверью. Их разве было несколько? Потому что стояли мы в длинном коридоре, где дверей было в разы больше, чем даже в приёмной. Так, если вышли не туда, надо всего лишь вернуться обратно.

Но вот только к желаемому результату это не привело. Кто ж знал, что у них даже двери сумасшедшие и вместо только что бывшей там бухгалтерии ведут в... спальню?!

Причем в чужую и занятую.

— Мать твою песталоцци! — ошеломленно пискнула я, стремительно захлопывая дверь. — Во дает, бобер! Прямо на работе?! Фига...

«Ты чего кричишь?» — недоуменно спросил Кос.

— Да вот заблудилась и вместо секретарши групповой секс нашла, — недовольным голосом вслух объяснила я. — Бобер и две... девушки. Как-то хоть дверь бы запирали, что ли, изнутри.

Мне чётко пришла картинка лохматого, пожимающего плечами.

«Они его Оружие. Видимо, только с миссии вернулись, вот и восстанавливаются», — кажется, в его голосе промелькнуло что-то вроде ностальгии. — «При сильной духовной связи можно, конечно, и без физического контакта, но в рядовые хранители такие пары не пойдут, слишком мелко. Да и чего заморачиваться, если и так приятно».

— То есть, кричать, что я тебя изнасиловала против воли больше не будешь? — задала я провокационный вопрос после того, как обдумала ситуацию.

«Я никогда тебя в этом и не обвинял», — Кос в моих руках прямо полыхнул изумлением. — «Привязала без согласия — да, но про изнасилование это уже ты сама придумала, и, похоже, сама и обиделась».

— Когда обиделась? — не поняла я опять вслух. — Секс был зашибенный, чего уж... обижаться. Но ты меня успокоил. Только как мы теперь секретаршу найдем? Вдруг тут за каждой дверью кто-то восстанавливается? Неудобно вваливаться к людям в такой момент.

«Ищи красную дверь» — выдал Кос, — «нужна приёмная или холл, это всегда первое помещение, в которое заходишь, так что дверь должна быть красной».

— Если ты не заметил, ЭТА дверь — я невежливо ткнула пальцем в ту сторону, где резвился бобер, — тоже красная!

«Так открывай», — Кос нетерпеливо дернулся у меня в руках.

— Издеваешься? — я подозрительно прищурилась. — Я ж тебе сказала, что там групповушка! И я не готова присоединиться!

«Когда там была групповушка, она была бордовой», — в голосе Коса прозвучало усталое смирение, как у горящего куста конопли, сотый раз объясняющего наркоману пользу трезвого образа жизни.

— Офигеть, — подытожила я, толкнула дверь и с облегчением вывалилась в приемную.

Секретарша на ресепшене кисленько улыбнулась и положила на стойку конверт, очень похожий на тот, в котором банки выдают карту и пин-код.

— Вот, Леди. Банк сами выберете, там предоставлен список маскировочного покрова.

Я на всякий случай кивнула, а сама сжала рукоятку Коса:

«Чего там список?»

«Карта может имитировать местные аналоги», — послушно пояснил он.

«Ага, понятно... все, теперь домой?»

«А скверну ты на это хилое пособие покупать собираешься? Этого даже на еду не хватит! Спроси про задания, желательного местного уровня. Хотя нет, лучше про возможность доступа на радужный рынок. А там мы уже сами не только заявки на охоту найдём, но и нужное снаряжение и информацию».

Секретарша вопросу вроде бы не удивилась, оперативно пощелкала клавишами, и выдала мне карточку с логином, паролем и сетевым адресом. О как, цивилизация, однако.

— Пароль рекомендую сменить, логин закрепляется за вами на время пребывания в этом мире, — прощепетала она стандартным голосом, и снова душераздирающе вздохнула. Ну блин, упс... мне одного психа с древком по маковку, эту милую девочку мне точно не надо. Я пока сама даже до секретарши не доросла.

«Вот теперь можно возвращаться», — констатировал Кос.

«Ага, я догадалась. Пошли, а то эта пишущая машинка тебе лезвие отгрызет. Вон как смотрит!»

«Не в ту дверь!»- вовремя одернул меня парень, — «Левее, цвета индиго».

«Рехнешься тут с вашей колористикой», — пробурчала я про себя, оглядывая двери. — «Вон та, синяя?»

«Не, еще левее, та, что темнее» — тяжело вздохнул Кос.

И мы пошли домой.

Глава 2

Оружие

Всё казалось каким-то дурным сном, но... хоть не бесконечным кошмаром, как это было ранее. Пока девушка перечитывала выданные ей документы, включала допотопный компьютер, и пыталась разогреть пережеванные кем-то комки мяса (пусть говорит, что хочет, есть не буду!), я старался разобраться в себе.

После смерти Мастера мне будто отрезали две трети души и жизни, я физически не мог о чём-то внятно думать, или, тем более, что-то делать, само существование причиняло боль. Но сейчас... сейчас все мои чувства будто резко прижгло каленым железом.

Нет, я всё ещё тосковал по Мастеру, и от мыслей о ней всё так же хотелось выть в голос, но покончить жизнь медленным самоубийством уже не казалось такой уж хорошей идеей. Почему я вообще решил просто умереть от ржи? Не лучше ли было выбрать смерть в бою? Да и вообще, почему именно смерть, а не служение роду? Ведь я не предавал... Был слишком слаб, чтобы защитить, слишком труслив, чтобы последовать за своим Мастером, но не предавал! Почему в голове такая каша?

Мои мысли прервала вязь плетения, сверкнувшая возле входной двери в местную нору, и звонкая трель дверного звонка. Похоже, курьерская доставка, наконец, соизволила явиться. Недели не прошло, тащили, как за фиолетовую спираль!

Девчонка удивилась, но вытерла руки цветастой тряпочкой с какой-то страшной антропоморфной мышью и пошла открывать дверь. Пояснить или нет? Хотя, я вроде ей уже это объяснял.

— Что за!? — раздалось возмущенное восклицание, когда один из присланных чемоданов буквально ввалился внутрь, перегородив собой вход в нору. Застежка, давно растерявшая всю скверну, не выдержала и некогда дорогие и практически новые вещи неопрятной кучей выпали на пол. Курьеры в своём репертуаре! Раз доставка бесплатная — то скажите спасибо, что хоть всё заявленное в наличии. И то не всегда.

Я, всё так же кутаясь в одеяло и не обращая особо внимания на причитания девушки, хм, Ирины вроде, подошёл ближе.

На каком сыром складе эти проржавевшие насквозь чинуши их держали? Хорошо хоть защита, видимо, слетела не так давно и есть надежда, что вещи остались... приемлемыми, особенно для такого захолюстья. А вот сами чемоданы из кожи стального ящера придется выкинуть. Межмировой переход дался им слишком тяжело.

— Ух ты... — удивилась Ирина. — Это что за бомж-энд-прада? — она пошевелила ногой сильно отсыревший и покрытый разводами ржавчины элегантный кожаный плащ, вывалившийся из лопнувшего чемодана.

— Мои вещи, — грусть и раздражение уговаривали меня огрызнуться, но мозги всё же убедили, что девочка тут точно ни в чём не виновата. — Жаль, что придётся выкинуть.

— Что, прямо все? — Ирина присела на корточки рядом с одним из чемоданов и с натугой откинула крышку. — Смотри, здесь вроде не... хм... а зачем тебе пятьсот трусов?

— Хочешь сказать, что ты постоянно ходишь в одних и тех же? — я с некоторой оторопью уставился на то самое место, где они должны быть одеты на девушке. Ржа знает, какие тут обычаи, есть же вообще народы, которые не моются...

— Сам дурак! — обиделась девчонка. — Я их меняю каждый день, — фух, аж от сердца отлегло, — но стираю, а не выкидываю использованные!

— Ну я тоже... вернее, мне тоже стирали... вроде, — не понял я таких странных претензий. Чего ей не нравится?

— Понятно, не знаешь, — кивнула она, с интересом заглядывая в следующий чемодан. —

О, носки! — она хихикнула и обернувшись осмотрела меня с головы до ног: — Похоже, мне повезло получить не косу, а принца крови. Если в следующем бауле у тебя галстуки, — она ткнула пальцем в последний более-менее уцелевший чемодан, — то зашибись ты принц. В трусах, носках и галстук!

— Не знаю, может, и есть такое, — чему она вообще веселится? — Смотри что такое эти самые гал-суки, — слово, действительно, было мне не знакомо. Судя по контексту, это обязательный атрибут местного одеяния монарших особ.

— Ладно, давай разбирать это плесневелое богатство, — хмыкнула Ирина. — Тащи его в середину комнаты, будем потрошить. Мне прямо любопытно. Только пакеты найду для мусора, хотя... может чего-то еще и отстирается.

Кое-как повязав одеяло вокруг талии (похоже, я успел с этой тряпкой сродниться), я подхватил самый крупный из кофров. От запаха ржи и сырости, ударившей в нос, аж глаза заслезились.

— Апчхи, — не выдержал я, но на ногах устоял. А вот чемодан этого не пережил — дно со скрипом отвалилось и всё содержимое оказалось на полу. Ну это уже бред какой-то! Не настолько ж они прогнили!

— Мама! — вдруг заорала Ирина, тыча пальцем в гору вывалившейся трухи, и с визгом вскарабкалась на меня, как примат на любимое дерево. Вот буквально только что стояла в нескольких метрах и вдруг рраз! Уже сидит у меня на плечах, при этом продолжая визжать.

Невольно подхватив девушку под бёдра, я недоуменно уставился на кучу бывшей одежды. Куча вытаращилась на меня в ответ и моргнула, потом перевела взгляд на Ирину, отчего та запищала еще громче и полезла еще выше — мне на голову. Еле поймал и зафиксировал, стиснув в объятьях.

Вот ржа, это же цвирк! Совсем, дебилы оловянные, на складах грызунов не травят! Теперь понятно, что случилось с моими вещами! То-то тварь отъевшаяся, фиолетовая чешуя на морде лоснится, шерсть яркая, ядовито-зелёная, и размером эта тварюга вымахала чуть ли не мне по колено.

— Вкусно было? — с улыбкой маньяка спросил я у грызуна. На удивление, тот утвердительно кивнул и запищал.

— Офигеть, дайте два, — прокомментировала с моих рук девчонка, перестав визжать. — Ты ему еще предложи труссы доесть... что это за монстр?

— Цвирк, — я шарил взглядом по комнате, стараясь найти что-нибудь колюще-режущее. — Отъевшийся. Похоже, не только мой гардероб сожрал, но и склад скверны обчистил. И я даже не знаю, ужасаться по этому поводу или злорадствовать.

— Куда позвонить, чтобы эти доставщики приехали и забрали его обратно? — все еще дрожащим, но уже заметно окрепшим голосом поинтересовалась моя ноша, настороженно следя за деловито шевелящимся носом цвирка. — Мы вроде ничего такого не заказывали!

— Ну как тебе сказать... — я тоже с сомнением оглядел самого живучего паразита всех миров и спиралей. — Если бы всё было так просто...

— Я его боюсь чего-то, — простодушно призналась Ирина. А то я, ржа, не заметил! Вцепилась в меня, как в мать родную, и слезать не собирается! — Что будем делать? Оно не ядовитое?

— Если б цвирки были ещё и ядовитые, то завоевали бы весь сектор, — я сгрузил свою ношу на «диван», не спуская глаз с любопытствующего грызуна и постарался нащупать за спиной что-нибудь увесистое. Так, нет, ботинком эту тварь не приберёшь, до ножей далеко... а вот этой штукой можно и попробовать.

— Хоба! Молодец, хана фену! — радостно прокомментировали мой бросок с дивана. А

потом несколько озадаченно переспросили: — Э... а куда это зеленое делось?

Я раздосадованно ткнул пальцем под недокровать, на которой девушка и сидела.

— Да ну?! — не поверила она и свесилась головой вниз со своего ложа. — Ты видел ту щель?! Туда даже таракан не пролезет. Мне диван уже без ножек отдали... ой! Едрить твою налево через направо! — чешуйчатый нос и возмущённый писк опровергли все ее доводы.

— Скверны он явно сожрал больше, чем вещей, — тяжело вздохнул я, вспоминая о потере. Ржа, да там один камзол стоил как сотня моих нынешних месячных содержаний!

— Ладно, оставь, сам уйдёт, — махнул рукой я, стараясь не выдавать своё беспокойство. Поскольку даже дети знают, цwirки не покидают территорию, пока не сожрут всё, что в состоянии съесть...

— Охренеть перспектива! — Ирина почему-то не обрадовалась. — Судя по тому, что жрет эта скотина вообще все подряд... Так, поднимай диван! Я не согласна скармливать инопланетным монстрам свое единственное жильё!

Эм, я что, мысленный канал не перекрыл? Ну, ржа...

Я осознавал, что, не имея в наличии специальных ловушек и устройств, цwirка, да еще и такого откормленного, мы вряд ли поймаем. Но просьбу всё же выполнил, приподняв край «дивана» вместе с сидящей на нем хозяйкой.

Ох, да рассыпаться мне на металлическую стружку, что ж так тяжело? Неужели за эти дни... месяцы простоя я растерял большинство своих характеристик? Да быть не может... наверно, сказывается недостаток скверны в организме. Нужно как можно скорее доказать девушке, что взять пару заданий нам необходимо буквально вот сейчас. Иначе с такими вот нагрузками мирно уйдём на перерождение уже через неделю.

Чуть облегчая мне работу, девушка спрыгнула с подозрительно трещащей мебели, и попыталась выгнать цwirку из убежища странной палкой с прибитой на конце поперечиной. Грызун пицал, метался, уворачивался, но, пользуясь тем, что Ирина сама его изрядно опасалась, сдаваться не собирался. Мы как полоумные, с дикими воплями (Ириниными) и матами (моими), попрыгали за ним по всей этой конуре, потому что, выскочив из-под окончательно треснувшего недоложа, гаденыш молниеносно шмыгнул под кухонную мебель, а затем под шкаф. Который мы тут же чуть не опрокинули, так как оказалось, что стоял он лишь за счёт подложенных под один из углов книг.

— Ты его так не вытравишь, — констатировал я, когда участвовать в этом прыгающем цирке изрядно надоело, да и руки начали подозрительно подрагивать. Одеяло слетело окончательно, но я даже не пытался его вернуть — у нас тут снова «кровать» попыталась самоликвидироваться. А спать на полу не хотелось совершенно. Потому — поднимаем, поддерживаем и подпихиваем, пока девушка руководит и с пыhtением пытается приладить там под днищем какие-то неведомые детали.

— Уффф... да ну его к черту, пусть жрет, — констатировала Ирина, падая рядом со мной на кое-как уравновешенное ложе. — Все равно тут из ценного только твои трусы и мои конспекты. Уберем повыше...

— За скверну можно потом цwirоловку купить, — я попытался ненавязчиво напомнить про нашу нужду в заданиях. Но хриплый вздох сбоку отвлек меня от этих мыслей.

Медленно, будто каждое движение стоило мне больших усилий, я повернул голову. Девушка, тяжело дыша, расширенными глазами смотрела на меня. Взъерошенная, покрытая мелкими каплями пота, со сползшим на плечо растянутым воротом футболки. По телу будто прошлись мелкими разрядами электричества, а сознание начало покрываться туманной поволокой.

Ее взгляд задержался на моих губах и медленно пополз вниз, зрачки расширились, а в ментале буквально полыхнуло желанием.

Я и сам не заметил, как оказался сверху, ладонью сжимая ее грудь. Она... больше, чем мне казалось. Моя Мастер маленькая, но на удивление, это не мешает ей быть

фигуристой. В подтверждение, вторая рука сомкнулась на приятно тонкой талии, прижимая ближе, еще ближе! С ума сойти, оказывается, она безумно вкусно пахнет! Мастер!

Стоп! Какой ржи я тут творю!? Это она-то Мастер? Нет-нет-нет-нет. Если первый раз я не ожидал и поддался, то теперь... Нельзя позволить инстинктам преобладать над разумом. Это временный союз, полностью взаимовыгодный, но временный. Она не мой настоящий Мастер, да даже просто — не Мастер, посторонняя девчонка, которую я пожалел.

Надо как-то закрыться от ее желания. И скрыть своё... ржа побери. Ну и КАК это можно скрыть?! Мысли-то я может и закрою, а вот тело без одеяла предательски выдает. Прямо таки наглядно, ржа!

— Надо одежду разобрать... — я попытался отвлечь девушку, она даже кивнула, снова глядя на мои губы:

— Ага... — и вдруг потянулась навстречу, запустила пальцы мне в волосы и поцеловала. Ржа! Опять к цвирку весь самоконтроль!

Я уже почти стянул с Ирины футболку, когда в дверь внезапно позвонили, а не дождавшись ответа и вовсе забарабанили:

— Ириска, открывай! Спишь ты, что ли? — надрывался незванный гость.

От неожиданности мы оба подпрыгнули и отпрянули друг от друга. За дверью продолжали надрываться, пока Ирина суматошно заправляла расхристанную футболку в штаны и гремела задвижкой.

— Самгина, ты рехнулась, сегодня же Галперия была! Она тебе башку отгрызет! Я думала, ты тут при смерти! Не пришла и телефон вне зоны! — выпалила высокая, упитанная брюнетка, влетая в комнату со скоростью пушечного ядра. И вдруг замолчала.

— УВАУ! — выдохнула она пару секунд спустя. — Мать, когда ты успела закадрить такого шикарного стриптизера?! Теперь я понимаю, почему ты забила на опрос у Галперии. Я б тоже забила!

Я инстинктивно постарался прикрыться от такого плотоядного взгляда, но рядом нашлась только подушка. Ржа, стыдно то как. Как в бульварных анекдотах, даже одеться не во что! Вот нахрена она ей открыла?

— Дверь бы выломала, — не оглядываясь, довольно мрачно ответила... Ириска? Ну и кличка, как у домашнего животного. У местного населения, похоже, вообще нет манер и понятия личного пространства. Вот же, цветной металл, а я опять забыл про мысленный канал... Так, значит, первым делом покупаем на рынке не ловушку на цвирка, а блокиратор.

Из срочных нужд еще бы трусы, а они у меня в чемодане. И топать за ними с голой задницей через всю комнату на глазах посторонней женщины, которая даже не удосужилась отвернуться — пялится, как так и надо, — то еще удовольствие.

Хотя, в отсутствии блокиратора тоже есть свои плюсы — Ирина искоса на меня глянула и полезла в отброшенный во время погони к стене чемодан за нужным предметом гардероба.

— Ну ты, мать, даешь! — продолжала шумно присутствовать в комнате толстуха. — Вот где?! Где ты его взяла?! Мы ж вчера вместе из библиотеки вышли, ну не в метро ж такие водятся? Почему мне ни разу не попадался, ну почему?! — местное воспитание вызывало нервный тик. Ну хоть бы представилась, прежде чем меня обсуждать, как базарная баба на рынке кусок мяса.

— Потому что орешь громко, — недовольно пробурчала Ирина, перебрасывая мне на диван упаковку трусов из чемодана, и я со скоростью света выхватил и натянул эту эфемерную защиту. — Особенно в метро! Барская, ты убедилась, что я жива и в своем уме? Может, пойдешь шуметь в библиотеку? — я невольно кивнул, разделяя желание своей... деловой партнёрши.

— Не жмоться, Самгина, — бесцеремонности этой бабы позавидовал бы цвирк на складе фруктов. — Дай хоть посмотрю немного. Кстати, а Швецов вообще в курсе твоих развлечений? Или ты нарочно? Ох, нарвешься... — хм, а вот эта нужная информация. И кто это? Муж? Жених? Любовник? Невольно на задворках разума проскользнуло негодование, но быстро было отброшено в сторону. Одно дело муж, а другое Оружие. Совсем разные категории. Оружие, кстати, всегда нужнее...

— Баська, я тебя щас пришибу нафиг вместе с этим ублюдочным мажором! — внезапно рассвирепела Ирина. — Даже не напоминай мне про этого урода!

Хм, бывший муж?

— Не бывший. И не будущий, — мне тоже достался взгляд-фаербол, но не такой свирепый.

Ну нет, так нет, мне же лучше. Мысленно я лишь пожал плечами и постарался направить ей волну собственного спокойствия. Похоже, доводы Ирины вторженку не волновали, она упорно гнула свою линию и не желала покидать нашу... нору.

— Женщина... — не выдержал я и, встав, навис над толстухой. — Вам знакомы правила приличия, принятые в цивилизованном обществе?

— Ничего ей не знакомо, — насупленная Ирина быстро выдернула из-под меня немного притухшую нарушительницу спокойствия и подпихнула ее к двери. — Барская, твою мать! Я замуж вышла, это мой муж, понятно?! — Вот тут притих уже я, пытаюсь переварить услышанное, — Не порти мне первый брачный день! И не смей на него так пялиться! Иди уже в библиотеку, я тебе потом позвоню!

— Са... Самгина, ну ты дае-ошь! — выдохнула вторженка ошалелым голосом. — Бли-ин! Ну это... я тогда... это... побежала! А фотки есть свадебные? А на телефон вас сфоткать можно?!

— Угу, вали... нельзя. Ибо нефиг. Толай давай, у тебя там библиотека не окучена.

Едва за этой полоумной захлопнулась дверь, Ирина повернулась и, увидев ошалелого меня, устало привалилась спиной к стене и пояснила:

— Извини про замуж. Но иначе она бы не ушла. Баська вообще нормальная. Ну... в пределах. Только при виде красивого мужика ей кукушку срывает сразу и накрепко. У нее в жизни две слабости — парни и сплетни. Сейчас помчалась разносить новость по институту и другим знакомым, дня на три ей этого занятия хватит...

— Ничего... — только и смог сказать я, утопая в собственных мыслях. И хотя я понимал, что всё это было лишь ложью, сердце пропустило удар, а в голове начался привычный кавардак. Мастер, взявший в супруги Оружие, несмотря на неравный социальный статус, у нас скорее норма, чем редкость. Всё из-за банальной генетики — у «разномастной» пары шанс рождения Мастера был гораздо больше, как бы странно это ни звучало.

Но, с одной стороны, назвать мужем меня, практически металлоломом? А с другой... я-то чистокровное обученное Оружие с большим потенциалом, а она в лучшем случае смесок, который даже боевую иглу в руках не держал! Вот теперь сиди и думай, кто кому честь оказал и кто больше в выигрыше. Ведь, по словам Ирины, скоро весь город будет знать о нашей «свадьбе». И трёх суток не пройдёт.

Опомнился только, когда девушка вдруг резко шагнула ко мне и молча, не говоря ни единого слова, обняла. Горячая и тяжело дышащая, будто недавно пробежала несколько километров, она как кошка потерлась о мою грудь головой. Возможно, маленький рост и хрупкость — это не такой уж и недостаток. Есть в этом какое-то странное, непонятное наслаждение, когда женщина в твоих руках буквально тонет.

— Нас прервали, — слегка хриплым голосом произнесла Ирина, и потянулась вверх, к моим губам. Пришлось склониться и позволить девушке переместить руки на мою шею. Да, наша связь временна, в ней нет той основательности и крепких чувств, что были с Мастером, но всё же... Если мы оба этого хотим, почему бы и нет?

Поцелуй вышел глубоким, но медленным и текучим, как патока. В нём уже не было того животного, необдуманного вожделения, как в первый раз. Никаких резких движений и рывков. Наоборот, ее руки скользили непривычно ласково: оглаживали шею, спину, игриво спускались на ягодицы.

«Трусы можно было и не надевать» — промелькнула в голове мысль. Мда, так недолго и эксгибиционистом стать.

Так же плавно и неспешно мы переместились на местный аналог кровати, который даже заскрипел, по-моему, мелодично и приветливо. И возбуждающе, ржа! Прежнее сумасшедшее вожделение снова начало накатывать волнами, но на этот раз мозг не спешил отключаться, отдавая тело на управление инстинктам.

Повалив партнёршу на кровать, я немного задумчиво провёл ладонями по ее телу, избавляясь от остатков одежды и заодно размышляя. Это тело... было для меня новым, словно абсолютно неизведанная территория. Я не назвал бы себя неопытным, но всё же в моей жизни было всего две женщины. Женщины, чьи предпочтения я знал лучше, чем свои.

Сейчас же я, если честно, растерялся. С чего начать?

Тело подо мной чуть обиженно засопело, как недовольный шуршик, привлекая к себе внимание. Действительно, чего-то ушёл в себя. Попробуем... снизу?

Я подхватил аккуратную ножку и провёл ладонью по внутренней стороне голени, затем бёдра, стараясь отследить реакцию.

Ирина тихо вскрикнула, закусила губу и выгнулась от удовольствия, комкая покрывало пальцами. Оу, не ожидал, если честно. Неужели ей настолько нравится... Или это из-за того, что нет части души?

— У меня душа в другом месте, — вдруг мурлыкнула девушка, но сердито так мурлыкнула. — Просто... мне... очень нравится! Не останавливайся!

Ржа, блокиратор однозначно покупаем первым! Показал на свою голову!

— Не на голову... — теперь Ириска хихикнула, приподнялась на локтях и поймала меня за шею. А потом вдруг резко приблизилась и лизнула за ухом, тут же прикусывая мочку. Ау...у...уши! Неужто, вспоминая чужие эрогенные зоны, я невольно сдал и свои? Не честно! Но приятно...

— Ммм, — а теперь ее проворные пальчики пробежались по моей спине, чуть поглаживая и массируя вдоль позвоночника, так, что захотелось выгнуться от удовольствия. Всегда любил эти ласки вдоль рукоятки...

— Теперь моя очередь, — гордость все-таки пересилила, и я перехватил шаловливые ручки партнёрши, пресекая утонченные издевательства. — Хм, может тут? — я прочертил дорожку из поцелуев по ее ключицам, таким тонким, по-детски выпуклым, птичьим... какая она все же мелкая! Но в этом, ржа побери, что-то есть!

— Да-да-а! — она опять блаженно застонала и откинула голову. — Да...

Осмелев, спустился к грудям, обхватывая одну из них губами, а вторую рукой. Надо же, под слоем мешковатой одежды иногда казалось, что груди у этой пигалицы вообще нет, а тут в ладонь еле помещается, и это при нашей разнице в росте! Действительно, приятные открытия.

Девушка очень живо и как-то искренне реагировала на любую ласку, словно каждое мое прикосновение дарило чуть ли не сразу оргазм. Как же это необычно... Простые люди

чувствительнее Мастеров? А может, всё дело в возрасте? Сколько ей? Сорок пять? Пятьдесят? Она выглядит младше меня.

— А может, тебе просто выключить мозг? — спросила вдруг девчонка. — У нас тут секс или телевикторина?! А, блин... щас... — она как-то затейливо изогнулась подо мной, и прижалась горячим, источающим желание телом к моему паху... все мысли мгновенно выдуло у меня из головы! Я же не железный! То есть, конечно, железный... но не настолько!

— Ммурррр... — сказала эта коварная женщина, прежде чем затянуть меня в очередной крышесносный поцелуй. А потом все понеслось, закрутилось... я уже не успевал думать, как именно она меня ласкает, и как я отвечаю. Мы оба плавались в одном горне, двигались в одном ритме, утопали в хоть и навеванных, но таких приятных чувствах. В какой-то момент я лишь краем сознания отметил знакомое ощущение резонанса, единения энергий и душ. Как бы я ни противился этим мыслям, всё же она мой Мастер...

Кульминация снова выбила меня из колеи на несколько минут, настолько она была яркой. Очнувшись, я невольно испытал стыд и каплю разочарования за то, что был не прочь начать все заново хоть сию секунду... но моя Мастер уже спала и будить ее для продолжения показалось кошунством.

Ириска

Разбудили меня странные звуки:

— Уррррррррррмммм — утробно гудело нечто и изредка взрывалось заполошным шипением.

— Пух-пух-пух! — не менее злобно пыхтело и чихало в ответ другое нечто.

Пару минут я еще надеялась, что все это мне снится, но тут вдруг рычание и чихание прервалось злобным визгом, мявом и звуками эпической битвы. Я пробкой вылетела из блаженного состояния полудремы и подскочила на диване с криком:

— Сосиска! Эта тварь сожрет мою Сосиску!!!

— Что? Где? Какая тварь? Напали??? — то, что я спросонья приняла за вторую подушку, тоже подскочило и хриплым голосом начало меня допрашивать:

— Где? Что?! Тьфу... Ты так переживаешь за еду?

— Какую еду! Кошку! — я втянула голову в плечи от очередного жуткого грохота. Мама дорогая, они дом сносят?!

Черно-зеленый вихрь, из которого клочьями во все стороны летела шерсть, тем временем, выкатился из ванной и со всего маху врезался в шкаф.

— Едрить твою! — завопила я, понимая, что теперь падение предмета мебели уже ничто не остановит.

— Ржа! — емко выразился Кос, и размазался в воздухе. Вау! А я думала, так только в мультиках бывает... зато он успел поймать шкаф и заодно получить по ногам когтями от дерущихся зверюг. Теперь они шипели и рычали уже втроем, причем в какой-то момент Кос и вовсе издал дико неприятный металлический звук. Как железом по стеклу!

И, о чудо, отвлекшись на этот скрежет, зелёная крыса так схлопотала от Сосиски когтищами по морде, что обиженно взвизгнула и ласточкой сиганула в открытую форточку, только фиолетовый хвост мелькнул. Эх, жаль, что у меня первый этаж... не дай бог, вернется!

Раздувшаяся почти вдвое против своих нормальных размеров Сосиска проводила ретиравшегося врага победным мявом и прямо на глазах уменьшилась, превратившись

из грозного шарика в милую маленькую кошечку. А потом, как ни в чем не бывало, ласково боднула головой все еще придерживающего шкаф Коса. Села возле него и с самым деловитым видом принялась наводить марафет. А то помяли, понимаешь, шерстку... крысы зеленые!

— Хм... это твой кот? — как-то оценивающе покосился на Сосиску Кос, — не знал, что в этом мире они водятся.

— Ее зовут Сосиска Барамунди, и она считает, что это ее дом, — хмыкнула я. — А все, кто в нем живет, обязаны ей за это вкусный корм и приятный массаж. И чтобы никаких посторонних крыс, как видишь.

— Вот как, — он прищурился на животинку. — То есть, ты не против, если мы ее продадим?

— Чего? — поразила я. — Как это продадим?!

— В мирах призмы кошки, способные прогнать цвирка, особенно откормленного скверной, очень ценятся. Можно заработать от десяти средних кубов до ста, если есть подтвержденная родословная.

Я почесала затылок, ошеломленная такими бизнес-перспективами. Если верить мыслям Коса, то один средний куб равняется десяти малым. Вот и получается, что за кошку предлагали минимум... ого! Но Сосиску отдавать все равно было жалко, хотя она и сволочь. Зато перспективы открывались...

— Так. Так... продать — это не выгодно! Во-первых, зеленая зараза может вернуться, потому что где она еще скверны пожрет? — я кивнула на окончательно затоптанные в пылу борьбы чемоданы. — Во-вторых, это кошка! Не стерилизованная! Эх... нам надо найти еще одну крысу, протестировать ею окрестных котов и выбрать производителя!

К моему удивлению, моё дикое, даже для самой себя, предположение нашло лишь положительный отклик.

— Разумно, — кивнул Кос. — Поправишь его? — взглядом указал он на шкаф, — Ну или хотя бы труссы поддай...

— Ой, сейчас! — я взялась собирать разлетевшееся по комнате собрание сочинений Ленина и запихивать эту полезную макулатуру под сломанную ножку шкафа. — Уф... Кос, не знаю, где твои трусы, затоптали, видать... и вообще, я есть хочу! Давай хоть пообедаем, что ли? Ты другие из чемодана возьми, а потом те поищем.

— Это имя, которое ты мне даёшь как новый Мастер? — неожиданно серьезно спросил парень, отпуская шкаф и оглядываясь в поисках своего чемодана.

— Эм... нет, просто ты же так и не представился, — я пожалала плечами. — Даже в мыслях шифруешься. Не называть же мне тебя «эй, ты» или «дрын».

— Как Мастер, ты в своём праве, если захочешь меня переименовать.

— Да ты вроде уже взрослый, — растерялась я, — чтобы тебя переименовывать... тебе сколько лет, кстати?

— Пятьдесят восемь, — сказал лохматый, наконец, доставая вожделенный предмет гардероба.

— Сколько?! — поразила я, мысленно переименовывая себя в геронтофилку. — А выглядишь моложе!

— Ну простите, — почему-то обиделся парень. — Может, я и молод, но боевого опыта у меня более чем достаточно! Тебе-то, наверно, и вовсе лет сорок, с таким-то росточком!

— Вообще мне двадцать два, и у нас, похоже, ни разу не совпадает возрастная шкала, — я задумчиво почесала кончик носа и обрадованно хмыкнула, разглядев за диваном свой

халат. А то тут без этих самых... не только всякие Косы!

— И как тебя все же зовут? В полтинник уже поздновато имена менять, я считаю.

— Микаэль, — машинально ответил он, удивлённо меня рассматривая, будто впервые увидел. — Тебе действительно двадцать? А сколько... сколько живут жители вашего мира?

— В среднем лет семьдесят, — я укуталась в теплый плюшевый халатик и потопала к холодильнику. — У тебя красивое имя.

— Мастер дала, — кивнул он. — Предыдущая, — в его глазах промелькнула боль, и он быстро перевёл тему. — Наверно, как только ты начнёшь работать со скверной, срок жизни увеличится. Если, конечно, найдём кусок твоей души.

— Всей оставшейся душой только за! — отозвалась я из холодных белых недр. — Сделать тебе бутерброд с колбасой? Котлеты я на нервах уже смолотила, извини... еще куриный суп есть, могу разогреть.

— Давай вот это, жидкое, — он заглянул через мое плечо в кастрюлю, а затем указал пальцем на колбасу, — а вот это лучше выкинь.

Я недоверчиво понюхала чуть заветрившийся срез на докторской и пожала плечами:

— Да нормальная еще, я ее только вчера утром купила. Но могу поджарить для страховки.

— Там несъедобных компонентов больше, чем в твоём столе. Древесину хоть теоретически еще можно переварить, — скривился Микаэль. — А эти синтетические добавки...

— А, ты про добавки, — колбаса отправилась на кухонный столик, а я полезла за сковородкой. — Про это все в курсе. Но другой колбасы нету. Во всяком случае, в Питере.

— То есть травись ты осознанно? — недовольно хмыкнул парень.

— Очень кушать хочется, — жалобно призналась я, бросая на сковородку кусочек сливочного масла. — А на студенческую стипендию натуральным мясом не наешься.

— Значит, на натуральную еду не хватает денег? — Микаэль осторожно попробовал подогретый суп и покосился на раковину, — И воду, видимо, тоже. Примесь металла чувствуется и, кажется, ржа.

— Вода у нас бутилированная, из-под крана давно пить нельзя, — я кивнула и принялась к аппетитно зашкворчавшей сковороде. — Но это временно, не бойсь. Как только получу диплом и лицензию, сразу наберу официальных учеников. Английский и испанский — востребованные языки, репетиторство приносит хороший доход. Не зря четвертый год убиваюсь.

— Глупости, — фыркнул лохматый. — Ты теперь Мастер. Зачем горбатиться на гражданских профессиях, если за один рейд ты сможешь получить в десятки, а то и сотни раз больше, чем моё нынешнее месячное содержание?

— Опыт подсказывает, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, — вздохнула я, перекладывая яичницу с колбасой на тарелку. — Ты точно не хочешь?

— Нет, тяжелых металлов в моём организме более чем достаточно, — Микаэль не повелся на приятный запах. — Ты думаешь, что очищение душ — такое лёгкое дело?

— Я считаю как раз, что так много платить за легкое дело никто не станет, — подогретый суп я налила в глубокую миску, достала из навесного шкафа соль, перец и вручила товарищу все сразу, кивнув на пристроенный к подоконнику откидной столик. — Вполне возможно, что языками я заработаю меньше, но... ммм... безопаснее. Хлеба отрезать?

— Это действительно порой даже смертельно опасно, — Лохматик потыкал пальцем в буханку, принялся и кивнул. — Отрежь. Никто и не собирается отправлять тебя на высокоуровневые задания. Нам их просто-напросто не дадут. Ведь у тебя нет высшего образования и регистрации Мастера, а я... по документам я давно спятил и полностью ушёл во ржу.

— Два мудреца в одном тазу пустились по морю в грозу, — хмыкнула я, наливая нам чаю. — Надеюсь, эта низкоуровневая скверна не потребует от меня подвигов Джеки Чана, боец я тот еще... Давай сразу и посмотрим, что это задания? — я вытерла руки и притащила на столик свой старенький ноут. Потом еще раз подскочила, с сожалением косясь на остывающую яичницу, но пробежалась до вешалки и выудила из кармана карточку с логином и паролем.

— Какой затейливый адрес... — набирать пришлось чуть ли не две строки символов, но зато в результате на экране замигала заставка в виде радужной переливающейся воронки.

— Разноцветные витки — это выходы на форумы конкретной спирали миров, — Микаэль заглянул мне через плечо с пояснениями, — но есть и общий межмировой форум — белый треугольник в самом начале. Мы сейчас находимся в желтой спирали, жми. На остальные соваться пока рано, разве что новости потом в призме глянем.

Я послушно нажала и офигела от затилибомкавших с пулеметной скоростью сообщений, вываливавшихся на экран в виде плавающих окошек, как из прохудившегося мешка чокнутого почтальона.

— Ээ... и как тут?! — попасть курсором в шмыгающее по экрану сообщение было не то чтобы затруднительно... вообще невозможно!

— Реклама... — цыкнул лохматик и, быстро перехватив у меня мышку, с какой-то невероятной скоростью начал щёлкать и бормотать про допотопные методы работы с сетью, деревянные девайсы без единого гвоздя и отсутствие нормальной защиты-антиспама. Через минуту экран очистился от мелькающих окошек и взору открылся самый обычный форум, разве что оформленный в жизнерадостно-радужном стиле.

— Так, смотрим... — Микаэль так и не вернул мне мышку, даже про суп забыл. Встал за спиной, навис и положил подбородок мне на макушку, как на подставку. — Вот тут вкладка рынка, а вот это список миссий. Хм, забыли спросить в отделении хранителей, какой номер у твоего мира... А если так, — мышка снова замелькала и защёлкала со страшной скоростью. — Как называется твоя страна? И город? Само название мира?

— Санкт-Петербург, — вздохнула я. — Этим почти все сказано... можешь еще «Питер» набрать, так даже точнее будет. Даже мир не надо указывать, Питер наверняка единственный и неповторимый во всей Вселенной.

— Тут таких три, — перебил меня Микаэль, — но вот один точно отмечаем, в том мире две звезды: красный и желтый карлики, — его скорости печати любая секретарша позавидует, — страну скажи.

— Россия. А что, серьезно еще где-то похожие психи есть, которые город так назвали? — заинтересовалась я, под шумок вытирая корочкой хлеба тарелку.

Тяжелые металлы, тяжелые металлы... вкусно — и весь сказ!

— Да, во всяком случае, переводится так же, город святого Петра. Так, вот, нашел, Россия, хм... — он с интересом глянул на меня и усмехнулся. — А вы, оказывается, территория с агрессивно настроенным населением и трудной доступностью.

— Тоже мне открытие, — я задумчиво посмотрела на его тарелку с супом. — Ты ешь давай, а то остынет. Или я не выдержу и отберу. У нас тут все агрессивные, когда голодные, и мозги сразу становятся очень труднодоступные.

— Ешь, если ты голодная. — согласился Микаэль. — На задании тебе надо быть в лучшей форме. А там уже, если получится, и я поем. В крайнем случае, снова косою стану, чтоб ресурсы физического тела не использовать.

— Не, я подкрепилась уже, — яичница в животе сыто булькнула, подтверждая мои слова. — А ты лопай, твоё физическое тело пусть лучше само ходит, чем косу таскать. Ты тяжёлый, между прочим!

— Да? — искренне удивился лохматик. — Ну-ка... — и тут меня по затылку стукнула коса.

— Да ежики в кошмарах! — едва перехватив чертов дрын, я сердито уставилась на свое отражение в слегка подернутом ржавчиной лезвии. Кстати, как раз ржавчины уже заметно меньше и местами лезвие стало зеркально-гладким. — Предупреждать надо!

«Сколько вешу?» — раздалось в голове.

— Да фиг тебя знает, — я с кряхтением выбралась из-под косы и оценивающе взвесила его в руках. — Килограмм десять точно потянешь. Худеть не пробовал?

«Для тебя это много? Нда... придется тобой заняться. Но это потом... Такой вес был привычен моему прежнему Мастеру. Во сколько раз ты бы хотела его уменьшить?» — деловито поинтересовался у меня Михаэль.

— В десять! — торопливо заказала я, начиная надеяться на чудо. — Нет, в двадцать!

«Эмм, я понял» — коса слегка завибрировала и нагрелась — «Вот, это максимум. Сделать массу меньше я пока не способен, у нас ещё канал душ толком не настроен, не говоря уже о боевом взаимодействии. Но так даже лучше, тебе тренироваться надо, а то хилая, как слепой цвирчонок, который месяц был закрыт на пустом складе».

— Нормальная, — я немного оскорбленно прислонила заметно полегчавший дрын к стене и демонстративно уткнулась в ноут, для пробы щелкнув по одной из вкладок. — В Шварцнеггеры не нанималась... Так, ну и где тут задания?

Через пару часов мы выбрались в осеннюю дождливую темень под мое тихое бухтение — я никак не ожидала, что вся эта компьютерно-нереалистичная фигня про «миссии» начнется вот прямо сейчас, да еще и на ночь глядя. Хотя, казалось бы, после косы-оборотня можно было ожидать чего угодно.

Этот начинающий уголовник выбирал нам задание битый час, и знаете что выбрал? Нелегальную миссию с «черной» зарплатой! И на мое возмущение только фыркнул, что-то там яростно стуча по клавиатуре в чате с заказчиком. Я сначала хотела гордо проигнорировать эту уголовщину, потом опомнилась — этак я и знать не буду, во что меня втягивают. И засела у него за плечом, нахально читая историю переписки.

Еще понять бы чего... нет, теоретически я впилила, что такое артефакт сокрытия и «перенос к месту с четкой фиксацией по геопозиции». И даже догадалась, почему гонорар уменьшился вдвое после того, как заказчик отправил нам эти две коробочки тем же самым невидимым курьером, который приволок Миковы поеденные чемоданы. Но сунуть нос в коробочки мне все равно не позволили, выпинали, понимаешь, в тьму и холод напутствием: «Жить хочешь?»

Номер заказа 1518941, куплено на сайте LitNet

Хочу. Так что дююсь в меру.

«Так, для начала» — взял на себя командование Михаэль, который «вышел» из дому в виде дыры, — «зайди за угол и активируй скрыт».

— А по-русски? — я была ужасно недовольна, но старательно давила в себе раздражение и страх. Мне тут помочь пытаются, так что нечего выступать в разговорном жанре.

«Коробочка с красной пометкой, просто надорви упаковку», — терпеливо пояснил Мик, которого я прислонила к стене дома, чтобы выполнить его указания.

— Ой, блин! А предупредить?! — ну не кисло, да, когда из спичечного коробка на тебя вылетает большая черная тряпка и пытается задушить в объятьях?!

«Допотопная вещь, небось, еще со времён первых охотников осталась. За такие деньги нам современного оборудования не видать, конечно. Но рабочая — и ладно. Старайся только, чтоб из-под балахона не было видно ни лица, ни рук».

— Да эксель-соксель! — какое, нафиг, не видно! Это недоразвитое одеяние Бэтмана вообще попыталось спеленать меня, как младенца, в плотный кулек без рук, без ног. Но после того, как я наступила на подол и от злости со всех сил рванула за другой край, внезапно успокоилось и повисло неровными складками.

«Отлично, теперь идём в ближайший парк или на площадь, нужно открытое пространство» — продолжил командовать Микаэль.

— На площади сейчас еще народ тусуется, пошли в сквер, — вздохнула я, подхватывая косу. А хорошо, что он «похудел». Еще бы уменьшился... и в рюкзак поместился. Но это я слишком многого хочу...

Уже на подходе к Гутовскому скверу я невзначай взглянула на свое отражение в витрине продуктового магазинчика и едва не уронила Мика на мокрый асфальт. А-афигеть! Смерть-лилипут с гигантской косой. Этот «скрыт», чтоб его, выглядел как драный саван с капюшоном, прямо классика средневековой гравюры «Смерть и грешники».

«Ну и чего ты дергаешься?» — прочитал мои мысли парень. — «В ваших легендах хоть и есть крупица правды, но всё же от реальности они сильно отличаются. Мы не убиваем людей и не провожаем их души в рай или ад. Только чистим миры от скверны».

— Угу, спасибо за утешение, — буркнула я, оглядываясь. — Ну вот, тут нормально. Что дальше?

Мы стояли прямо посередине темного и мокрого от дождя сквера. Вокруг ни души. Самое то для страшилища с косой...

«Теперь надрывай коробочку с синей меткой, только держи меня крепче» — проинструктировал Мик как-то... предвкушающе. Ой, чего-то мне все это не нравится... ну нафиг, блин, эти чудеса!

Едва выковыряв из спрятавшегося под саваном рюкзака вторую волшебную коробочку, я набрала полную грудь воздуха и невольно задержала дыхание. ЫТЬ!

— Ай! Chocha de puta! — я не удержалась на ногах и здорово приложилась коленками об... асфальт?! В полутемном коридоре типичной коммуналки? — Mierda! Тьфу...

Не знаю, чего меня вдруг переключило на испанский матерный, коммуналка была стопудово питерская. Во жильцы обрадуются, когда по дороге в туалет споткнутся об аккуратно вырезанный неизвестно откуда метровый круг асфальта толщиной сантиметров пятнадцать. Ой, а в сквере дырка осталась же! Хи... то есть тьфу! Ну и жизнь пошла.

«Мда...надо поработать с концентрацией» — посетовало Оружие. — «Хотя чего-то такого от дешевого артефакта и стоило ожидать» — в голове чётко появилась картинка чешущего затылок лохматого.

— Китайский, наверное, — проворчала я, осторожно слезая с асфальтовой лепешки. — Это хорошо, что ты меня из дому вытащил... такая дырка в полу квартиры мне сто пудов не нужна. Ну чего, куда дальше? — я моргнула на тусклую и покрытую столетней пыльной шубой лампочку под высоченным потолком и придержала рукой подозрительно скрипнувшее оцинкованное корыто, висящее на вбитом в стену гвозде.

«Потому и вытащил» — буркнул под нос Микаэль, — «Иди вперёд, даже с таким фуфлом, как наш артефакт, погрешность не должна быть более 10 метров. Только не забудь плотнее закутаться в саван»

— А меня не могло впечатать в стенку? — запоздало испугалась я.

«Нет» — как-то резко ответил Мик. — «За производство артефактов переноса без функции распознавания местности наказание одно — развеивание».

— Строгость законов компенсируется их неисполнением, — куда идти, я даже сѐпрашивать не стала, позади был только сбортир, судя по запаху, так что вперед. По коридору... я не ошиблась, нас закинуло в огромную коммуналку, комнат на двадцать, в старом доме, наверняка где-то в центре. С фасада дом вполне может выглядеть прилично и даже привлекательно, а внутри еще половина квартир вот такие жуткие клоповники, жильцы которых десятилетиями ждут расселения.

— А если дверь заперта? — я уже миновала две комнаты, за которыми не слышалось жизни. В прямом смысле слова — ни звука, ни... э... это у меня от Мика чувствительность? «Запах» живых там тоже не было.

«Железный замок я пока открыть в состоянии» — недовольно вздохнула коса. — «Не тяни. Чувствуешь, уже ощущается сладковатый запах разложения. Лучше подловить сразу, как скверна выйдет, чем потом гоняться за ней по городу».

— Погоди, так там труп?! Еще и разложившийся?! — до меня внезапно дошло, в какое... нехорошее вещество я вляпалась по самые уши. О, какая же я идиотка!!! — И он еще и кинуться может?! Ма-маааа!!! Как этот переносчик опять включить? Не хочу я никаких денег!

«Иди!» — в голове появилась картинка дающего мне поджопник Мика. — «Нету там пока трупа, успокойся».

— Что значит пока?! — истерика плавно набирала обороты, но я-таки сделала еще несколько шагов на подгибающихся ногах. — Мы... мы же никого не будем убивать? — и с суеверным ужасом покосилась на хищно изогнутое лезвие.

«Я уже сказал тебе, что наша раса не убивает, Ирина. Но ведь ты и сама провела аналогию с вашей «Смертью». Так что перестань истерить и возьми себя в руки. Мы пришли», — в его голосе проскользнула злость. — «Это единственный для тебя способ пожить ещё хотя бы пару лет... И чем больше ты будешь тянуть, тем короче станет твоя жизнь».

— Утешил, — я мрачно шмыгнула носом, но истерику все же задавила до приемлемого уровня. То есть «Бл.....». внутри звучит в полный голос, но вслух уже могу разговаривать более-менее внятно. — Сюда, что ли? Может, надо сначала постучать?

— «Хм, а тебе не говорили, что смерть всегда входит без стука? Хотя какая из нас Смерть, так... даже не стажеры-любители».

Юморист, блин. Ржавый! Так, нам точно сюда. Старая деревянная дверь с фигурной ручкой в виде драконьей головы послушно открылась.

Яркий прямоугольник света упал на заплеванной пол, я вздохнула, решительно шагнула в комнату и огляделась.

У большого круглого стола, покрытого поверх бархатной скатерти грязной клеенкой, спиной ко мне стояла толстая, неопрятная старуха и что-то мешала в кастрюльке, напевая себе под нос про серебристые ландыши. Звук открывшейся двери заставил ее резко обернуться, выцветшие глаза за толстыми линзами очков в ужасе расширились, бабка побледнела, вскрикнула, уронила кастрюлю и попыталась удариться в бегство. Поскользнулась на выплеснувшимся вареве, взмахнула руками и со всего маху приложила затылком о край стола.

— О Господи! — взвыла я, кидаясь к бабке. — Боже! Где телефон?! Нужно скорую!

«Не надо. Все равно не успеют. Смерть наступит через сорок пять секунд» — спокойно сказал Микаэль. И тут же рыкнул: — «Куда?! Дура, не смей меня из рук выпускать!»

— Как же так... — я в ужасе и растерянности смотрела, как из-под седого пучка волос по полу расползается кровавая лужа. — Это... это я виновата...

«Прекрати чушь нести. Если бы не ты, старая перечница сегодня к утру отравилась бы тем ядом, что готовила для соседских собак. И умирала бы несколько часов в муках. Так что пусть спасибо скажет. Просто ее время пришло, от нас в этом плане мало что зависит. Всё, что мы можем, это лишь сделать свою работу» — от косы в мою сторону повеяло каким-то вселенским спокойствием.

Я еще раз сухо, без слез всхлипнула и с брезгливым опасением посмотрела на расплескавшуюся по полу кашу. Вот тебе и божий одуванчик...

«А теперь внимание. Сейчас вся та злоба и ненависть, что скопилась в ней за ее долгую жизнь, преобразуется в тварь скверны. Эммм... вот ржа! Мы так не договаривались!»

Не знаю, с кем и о чем он не договаривался, а я точно не ожидала, что изо рта мертвой бабки вдруг полезет зеленая полупрозрачная субстанция, быстро формируясь в какого-то совершенно отвратного мутанта, помесь собаки и таракана. Величиной с хорошую овчарку.

Тварь быстро осмотрелась, шевеля сегментовидными усами и... зарычала.

Самое странное, что у меня внезапно и кардинально исчез страх. Мертвой бабки я боялась, оказаться виноватой в чужой смерти я боялась, а зеленой пакости — нет.

Покрепче ухватив Мика за древко, я нацелила лезвие на тварь, чуть присела и на полусогнутых двинулась в сторону трупа и сидящего на нем собако-таракана.

Оружие, на удивление, оставалось безмолвно, но краем сознания я всё же слышала его мысли — то ли молитвы, то ли витиеватые маты.

Собако-таракан привстал мне навстречу, развернул хитиновые крылья и угрожающе зашипел. А потом... кинулся, целясь в лицо.

Вот знала я, что стрип-пластика у пилона полезнее кардиофитнеса. Всего одно занятие по абонементу подружки, а крутанулась я вокруг Микова древка с грацией и скоростью опытной стриптизерши. Пропустила страшилище мимо себя, а потом...

— Упс... — еле выговорила я сквозь визг и скрежет насаженной на лезвие твари и бессильно присела на потертый колченогий стул, не выпуская при этом древко из рук.

«Самое эпичное поражение твари, которое я видел на своём веку. Это ж надо было догадаться использовать дальнобойное оружие в ближнем бою!» — раздалось как-то приглушенно в голове, будто Мик говорил в сторону, — «Ну, всё равно, поздравляю! И приятного мне аппетита».

Я даже мысленно не отреагировала на его сарказм, потому что не успела. Тварь заверещала как-то особенно противно и стала таять. А меня накрыло.

Нет, я не прожила жизнь девочки Маши из Петербургского двора-колодца. Но я ее увидела... и полуголодное послевоенное детство, и мужа-алкоголика, и двоих детей, уехавших из коммунального ада, как только появилась возможность и забывших о матери, и соседскую чихухау, которая с упрямством призового ишака вот уже шесть лет метила ее дверь. Всякое там было. Девочка Маша отнюдь не была святой. Но мне отчаянно, до рези в сердце было ее жалко. Потому что все плохое в ее душе родилось не на пустом месте.

— Спасибо! — сказал кто-то, и я осознала, что скрип и скрежет твари давно стих, а я сижу, зажмурившись, и реву.

Глаза тут же сами собой распахнулись. Таракана, насаженного на лезвие, больше не было, а рядом со спокойно уткнувшимся в старый паркет лезвием стояла девочка Маша. Та самая, которая умела радоваться малому и любить просто так.

«Перестань!» — вдруг резкий окрик Микаэля разрушил всю атмосферу. — «Еще чего удумала, через себя всё пропускать! Так ты не только себе жизнь не увеличишь, а наоборот, все духовные силы отдашь, бестолочь! Прекрати сейчас же ее жалеть!»

С таким же успехом он мог поорать на волну в море — дескать, прекрати биться о

причал, и все тут. Я его не то чтобы не услышала, но как та волна — просто не могла остановиться. Да и не хотела. Яркий солнечный зайчик чистой души сел мне на протянутую ладонь, и в какой-то миг все вокруг наполнилось теплом и светом.

А потом зайчик растаял. Но тепло где-то там, в груди, осталось, и я машинально потянулась им к Мику. И улыбнулась — не губами, душой.

«Охреть... не знаю, как ты это сделала и знать не хочу. Мало того, что мы напоролась на тварь, вдвое превышающую заданные информатором параметры, так еще и умудрилась победить без единой царапины. Ну, теперь ещё недельку жить можно» — констатировал у меня в голове голос сытого кота, а я замороженно смотрела, как с лезвия медленно исчезают ржавые пятна, — «Хотя, если б кто-то не решил свои душевные силы разбазарить, было бы намного лучше», — сытый кот постепенно мутировал в обыкновенного куркуля, но мне было так хорошо, что я только молча погладила ворчуна по рукоятке.

«Ладно, замяли» — после недолгого молчания смущенно сказал Микаэль. — «Только постарайся в следующий раз свои и мои нервы не портить. Не бывает тех, кто покрыт скверной с рождения. У всех свои оправдания и обстоятельства, и каждый раз страдать вместе с ними никакой души не хватит».

Наверное, он был прав. Все же в этих делах Мик разбирался и больше, и лучше меня. Но... но.

— «А теперь валим, не фиг с трупом рассиживаться. Иди, вставай на тот кусок асфальта, заодно и его заберём»

Я машинально кивнула и пошла к двери. А на пороге все же оглянулась. Странно... я уже не видела мертвой старухи. Ну, то есть, тело так и лежало в луже крови около стола, но оно больше не имело значения. Просто поношенная одежда, которую с облегчением скинули перед тем, как уйти.

Глава

Я плохо помню, как мы вернулись домой, в памяти осталась почему-то только асфальтовая лепешка, криво плюхнувшаяся на свое место. Теперь в нашем сквере будет достопримечательность... блин асфальтовый, комом.

Не смотря на то, что я вроде бы прекрасно себя чувствовала, и то волшебное тепло в груди никуда не ушло, просто свернулось в клубочек где-то в районе солнечного сплетения, физическая усталость навалилась как-то сразу и от души, стоило переступить порог родного дома. Я даже задержалась у двери, задумчиво повиснув на косяке, и тихо мечтая на тему «чаек, печенька, на ручки».

Сверху раздался тяжелый вздох, и вот уже вместо косы я повисла на плечах у Микаэля. Ну, на этот раз он хоть в трусах. Надо бы ему, наконец, постирать одежду... если там осталось что-то недогрызенное. Вторые сутки в таком виде, а на дворе не июль месяц.

— Так, иди сюда, цвирчонок, — меня подняли на руки и внесли в открытую дверь квартиры. А как он без ключей? А... точно, он же может, как он сказал — договориться с металлом. Вот... взломщик.

— Сама разденешься или помочь?

— Помочь, — нахально согласилась я. А чего? В кои веки предлагают... причем тот, кому я и сама не против делегировать эти полномочия.

Он хмыкнул и как-то затейливо постучал пальцами по горловине моего «рабочего» плаща, который тут же снова стал миниатюрной коробочкой.

— Тренироваться тебе придётся долго, — ворчал Микаэль, укладывая меня на кровать и стягивая обувь, — Если ты после такой мелочи лужицей растекаешься, то на победу над дикарем можно и не рассчитывать. Подними руки, мне надо футболку снять.

Я и руки подняла, и ноги, чтобы он джинсы стянул. Лежала и блаженствовала. Прямо не холодное оружие, а идеальный мужчина. Жаль, печенек у него нет... точнее у меня дома ни одной печеньки, и вообще с едой полный швах. Один Сосискин корм. Кстати, эта поганка опять усвистела на недостроенные антресоли и там дрыхнет, а миска пуста. Надо досыпать, иначе будет нам ночью представление: «Здравствуйте, я ваша пожарная сигнализация. МЯУ!»

— Сейчас насыплю, только представь, где корм лежит, — я и забыла что мы на связи нон-стоп. — Кошку, гонящую цвирка, лучше кормить вовремя.

«Что б я без тебя делала», — подумала я, кутаясь в накинутый плед и глядя в потолок, потому что шевелить языком не хотелось.

— Страшно представить, — раздалось откуда-то из кухонного уголка. — Я вообще не понимаю, кто тебя, такую мелкую, из дома выпустил. Тебя ж пальцем перешибить можно, ни от грабителя, ни от насильника не отобьёшься. Живешь одна, на хлебных корках. И защитников что-то рядом не наблюдается.

— Нет уж, я как-нибудь сама, — настроение просто валяться улетучилось почти мгновенно, свежая еще боль снова шевельнулась в своем темном колодце, но я уже привычно задавила ее. — И вообще, до этого вашего чокнутого психа с ножом на меня никто не нападал.

Ага, потому что я до этого ни за кем по подворотням не гонялась и котят в пакете не отнимала... так что вообще все справедливо. А я большая девочка.

На этой мысли большая девочка зевнула, прикрыв рот ладонью, и сонно сморгнула. Показалось? Или мысленное эхо принесло отголоски чужого горя в ответ на масляно всколыхнувшуюся черноту в глубине моей собственной души?

— Всё сама, да? — как-то горько усмехнулся Микаэль, присаживаясь на диван с чашкой горячего чая в руках. — Дуры вы, женщины...

Не знаю, что я почувствовала, но вдруг потянулась, вместе с пледом, обняла его со спины, прижалась щекой между лопаток и вздохнула:

— Да и вы не лучше, мужчины... давай поумнеем, что ли? Ты знаешь как?

— Нет, — он чуть откинул голову назад, будто пытался меня увидеть, — поищем ответ вместе?

— Поищем, — я снова вздохнула. У него там внутри, не смотря на слова, сидела какая-то ледяная заноза, и я все время об нее обжигалась. Ну... не получалось сформулировать точнее. Он вроде и со мной, а вроде и нет. Но я-то для себя уже все решила! Фантастика — фантастикой, а это вот мое. В смысле моя... мой! Просто не привык еще...

Этот вечер был не таким, как вчерашний. Наверное, даже более странным! Одно дело, когда у меня крышу снесло, и я, не приходя в сознание, поимела все, до чего дотянулась, и совсем другое — уснуть в обнимку с чужим, по сути, мужиком, о котором я даже толком ничего не знаю. Так, одна сплошная страшная сказка про смерть с косой и необъяснимое чувство доверия.

Утро следующего дня началось ровно в пять. Я нарочно выставила на телефоне это время, потому что второй раз прогуливать институт не собиралась, даже несмотря на всяческую незапланированную мистику. А значит, к занятиям нужно было подготовиться. Заодно суну в машинку свою замурзанную на помойке куртку и несколько вещей из Миковых недоеденных. А то, блин, этот мишка на севере голышом далеко не уйдет, а меня не оставляла глупая и детская мысль пройтись по улице не с косой наперевес, а с шикарным, хоть и немного заросшим, парнем под ручку... его же и причесать можно!

Отругав себя за эгоизм и ребячество, я нехотя выползла из-под теплого одеяла в промозглую темноту. Бррррр...

— Ты чего так рано... — сонным голосом пробурчали из вороха одеял и подушек.

— Ты спи, — пожелала я, испытыв при этом острый, хотя и кратковременный приступ зависти. — Мне сегодня в институт обязательно.

— Угу, делать тебе нечего... ладно, если что — свяжусь ментально, — Микаэль плотнее закутался в кокон и сладко засопел.

А я вздохнула, прямо как забитая женщина Средневековья, и пошла... жить. Готовиться к занятиям, а параллельно стирать-прибирать и делать бутерброды из хлеба и яичницы — больше в доме ничего не было. Хорошо еще, что в нашей коммуналке семь комнат из восьми купили молодые ребята, с которыми можно о многом договориться. Скажем, без проблем скинуться на дорогущую стиральную машинку с сушкой. Поодиночке черта лысого мы смогли бы себе такое позволить, а так — прямо кайф и цивилизация!

Так что и моя куртка, и мужской жилет (парчовый, обалдеть!) и пара рубашек, и какие-то брюки были выстираны, высушены и вообще готовы к употреблению как раз вовремя. Я сложила миковские наряды на диван и тихо погордилась собой — хозяйюшка!

А дальше день помчался колесом по кочкам, да все с горы. Для начала пришлось прятаться от Баськи и шустрой мышью метаться между аудиториями так, чтобы не попасть в капкан из любопытных девчонок. Потом на кафедре я жалостливо шмыгала носом и изображала полутруп почти час, но Галперия все же смилостивилась и допустила меня к зачету, как прилежную в прошлом студентку, не вертихвостку. И выпила из меня два литра крови вместе с каким-то жутко заумным текстом-переводом на медицинскую тематику, который я и на русском-то с трудом бы поняла, а уж на английском...

Домой я доползла еле живая. Открыла дверь, вошла... и застыла с открытым ртом.

В моей недоремонтированной «студии», на поломанном диване времен царя Гороха, прямо напротив коврика с оленями еще более древнего происхождения сидел... принц. И вот этот контраст облезлой бывшей коммуналки и шикарного красавца, одетого с иголки, был настолько разительным, что у меня натурально отвалилась челюсть.

Нет, я, конечно, узнала Микаэля. Он, скажем так, и в заросшем виде, в одних трусах и особенно без оных был хорош, чертяка. Но теперь... когда побрился, подстригся и приоделся — видимо, в те шмотки, что удалось отстирать — выглядел так, что Баська бы хлопнулась в обморок, даже не переступив порога. А услышав, что это мой «муж», вообще никуда бы не ушла.

— Вау! — только и смогла произнести я, когда это то ли мальчишко, то ли видение оторвалось от ноута и подняло на меня синие глаза.

Оружие

Ее лицо нужно было видеть. Глаза, и так выделяющиеся, стали размером с плоски, а рот произвольно открылся. Хотя чего-то такого я ожидал. Всё же, проснувшись и взглянув сегодня утром в мелкое зеркальце, я ужаснулся! Вот же ржа, я реально выглядел как бездомный с периферии миров. Волосы отрасли, закрыли собой все лицо и даже начали виться кольцами! О, великие Мастера, да я выглядел как овчарка-командор! Бородатая овчарка-командор... как она меня в постель-то пустила с такой «шерстью». Видимо, при отсутствии части души и не такое сделаешь...

Так что как только я узнал в местном жутко медленном аналоге Сети, где здесь ближайшая недорогая, но качественная цирюльня — помчался туда галопом. Хорошо хоть карточку с моим месячным содержанием Ирина оставила на видном месте. И даже не слишком презентабельная одежда и пахнущие плесенью ботинки меня не смутили.

Как только я увидел в зеркале привычное, чуть схуднувшее, но всё-таки приятное лицо молодого аристократа и послушал охи местного персонала, встала проблема одежды. Быстро пробежав по местным магазинам, понял, что все более-менее приемлемое оказывалось слишком дорогим, да и то — то в плечах жмёт, то на животе висит так, будто у меня пивное старческое пузо, то матерьял, которым только задницу и подтирать, но и задницу жалко. Взял только пару рубашек-сорочек, ради которых долго боролся с жабой и уговаривал себя, что на миссиях отобьём, наверное.....

Но тут помог его величество случай: в одном из частных магазинов, где продавцом выступала сама хозяйка, женщину очень уж заинтересовал мой парчовый жилет. Осмотрев его со всех сторон, она лишь тяжело вздохнула и сказала, что сейчас такую красоту нигде и не найдёшь, разве что на заказ шить или, если повезёт, откопать в съех...сэх...сэхэнде? И даже указала на ближайший.

Сэхэнд оказался магазином подержанных, но восстановленных вещей. И если сначала я очень брезгливо перебирал когда-то уже носимые вещи, то вскоре закопался в них с головой на два часа, перебирая буквально всё и доводя молоденьких продавщиц до нервного тика. Когда я только пришёл, они ещё пытались строить мне глазки и знакомиться, но под конец выгоняли меня всем магазином, осеняя себя знаками местной религии.

Зато я нашел пару замечательных плотных штанов, именуемых здесь «брендовыми джинсами», брюки, еще несколько фирменных сорочек, мягких футболок и две пары неплохой обуви, в одну из которых сразу и переобулся.

Вновь почувствовав себя образцовым Оружием, я занялся пополнением наших с Мастером финансов. Всё-таки, несмотря на неофициальность заказа, предоставление неверной информации даже на чёрном рынке каралось очень строго. Так что гневное письмо отправилось по адресу, а затем последовали доказательства и торг, итогом которых стали: более современный артефакт телепорта и девять малых кубов вместо обещанных шести, всё же задание было пустяковым. Только после этого я направил им оговорённый процент вытянутой скверны.

— С возвращением, — улыбнулся я. — Кушать хочешь?

— ВАУ! — сказала Ириска, пристраивая на тумбочку у двери рюкзак с книгами и конспектами. — А-афигеть! Какой ты красивый!

— Спасибо, — хмыкнул я, в душе радуясь такой реакции, но стараясь не показывать своего ликования. Всё же редко когда Мастер смотрит на Оружие с таким восхищением. А я ведь ещё не отъелся! Кстати, еда... — Так хочешь или нет?

Ириска внезапно смутилась и слегка порозовела, но потом заинтересовалась тем, что ей предлагали и удивилась:

— Ух ты! Какая роскошь... Мик, а нам... тебе хватит денег? Все же месяц так пытаться мы не потянем. Моими уроками по скайпу пока столько не зарабатывается, — она с таким восторгом посмотрела на охлаждённые куски мяса, грибы, овощи и зелень, купленные у бабулек на местном рынке, что мне стало стыдно. А я ведь ещё привередничал, выбирал самые «чистые».

— Достаточно, считай, что мы празднуем твою первую миссию.

— То есть, заплатили?! — не поверила и восхитилась одновременно Ирина. Сейчас она еще сильнее походила на маленького ребёнка. Действительно, верилось, что ей только двадцать. — Вот прямо настоящие деньги? Обалдеть... а сколько?

— Не так уж и много, девять кубов и улучшенный артефакт переноса, — чуть разочарованно вздохнул я, — Жаль, не смог за дезу пригрозить, мы-то и сами на птичьих правах.

— Девять тысяч? — ее глаза засияли восторгом, — вот за вчера? Сразу?! Мда... нет, тараканище было страшное, но... круто, короче!

Только я так и не поняла пару моментов, — Ирина забавно наморщила лоб в недоуменной гримасе.

— Каких? — переспросил я.

— Почему это задание «черное», и чем оно отличается от «белого»? Откуда у вас вообще этот черный рынок, это же... ну... души, а не сигареты или запрещенный алкоголь! И как вообще выглядит оплата? Нет, с деньгами понятно, их перевели на карту. А скверна? Ты же ее просто... ну, съел? Поглотил, вот! А как ты потом отправлял процент информатору? Как вообще вы передаете друг другу энергию скверны?

— Слишком много вопросов сразу, — я протестующе приподнял обе ладони. — Давай по порядку. Сначала про черные задания. — задумчиво потирая подбородок, я постарался подобрать самое простое пояснение, — Значит так... Клановые, то есть достаточно сильные и образованные мастера с чернушниками не связываются никогда. Они получают официальные задания, платят налоги и остатка с лихвой хватает на обеспеченную жизнь. — я всмотрелся девушке в глаза, — Но существует масса «планктона»: слабосилков, которым не светит академия, неудачников и просто нищих новичков с нулевым опытом. Официально они могут брать только самые бросовые и мелкие миссии, которых тьма в любом мире. Но с этих миссий изымают в качестве налога такой процент скверны, что остаются цвирковы слезы, только выжить.

Ириска понимающе кивнула головой:

— Знакомая ситуация. С переводами у нас так же.

— Хорошо... Но, как и во всех мирах, кроме самих охотников в системе кормится еще куча народу. Одни из них — это Искатели, они же информаторы. Вот именно в их среде и появились энтузиасты, желающие подзаработать. Они стали отслеживать сомнительные заказы. Те, которые можно включить в общую базу, а можно не включить. За некий процент они выставляют «краденую» миссию на нелегальный рынок, и тогда и Охотник и Искатель получают... — я задумался, подсчитал и озвучил: — ну примерно втрое больше, чем от государства за это же задание. Но выполненная миссия, естественно, нигде не учитывается и не идет в твой... послужный список.

— Поня-атно, — протянула Ирина.

— Я бы в жизни не опустился до нелегальщины, — удержать тяжелый вздох не получилось. — Но у нас нет выбора. Ты не Мастер, у тебя нет лицензии, а нам надо, во-первых, выживать, и во-вторых экипировать тебя, чтоб не пришибло на первом же более-менее серьезном задании. А денег на это... сама знаешь, сколько.

— Нисколько, — кивком подтвердила девушка. Но не успокоилась и повторила вопрос:

— А как все же выглядит куб скверны, и как ты ее... ммм... отрываешь из себя?

— Ч-чего? — опешил я, — Куда отрывать?

— Из таракана ты скверну съел в себя, — терпеливо объяснила Ирина. — А информатору ты как его часть отдавал? И на деньги менял?

— В куб слил, эм, в накопитель, — самому бы в этих объяснениях не запутаться, уж больно вопросы Ирины неожиданны, — Хоть и говорится, что мы «питаемся» скверной, но на самом деле это отличается от потребления материальной еды. Мы ее просто собираем в себе и... — я задумался, — часть идет на поддержание нашей души, часть по связи уходит Мастеру, часть накапливается внутри и затем тратится... на то же открытие прохода, к примеру. Или активацию артефактов. И вообще, вся магия призм, которой пользуются Оружия и Мастера, работает на энергии скверны. Жизнь, вот, тоже продляется за счет нее. Ты сама не заметила, что после охоты чувствуешь себя лучше?

— Пожалуй, — согласилась девушка и тут же с жадным любопытством поинтересовалась: — А как выглядит накопитель? У нас такой есть?

В моей ладони появились парочка мелких, заказанных мной курьером кристаллов, один глубоко туманно-чёрного, с разноцветными прожилками, а второй — полностью прозрачный, энергию из которого я уже благополучно съел.

— Примерно вот такие. Это и есть малые кубы. Сначала были только такие крошечные ёмкости, потом их научились объединять в более мощные. Средний куб — это 10 малых,

а большой 100. Есть и вовсе огромные, на десятки и сотни тысяч — но такие обычно стоят только в хранилищах.

Я подбросил оба накопителя на ладони и протянул девушке, правильно поняв ее заблестевший нетерпением взгляд.

— Когда оплата составляет один малый куб, это... — постарался я подобрать слова попроще, — это ровно столько, во сколько оценили бы один маленький накопитель. Раньше и расплачивались за всё только ими, но потом создали сначала расписки, а потом и электронную валюту, которую так и продолжили назвать малыми, средними и большими кубами. Но при этом, сами накопители так и не вышли из обихода.

— Это как у нас с золотыми монетами, — Ирина покачала на ладони один из кубов, поковыряла его ногтем и отложила. — Ладно! Давай готовить! Есть хочу — ужас как, сейчас бы и того чудовища навернула, не посмотрела бы, что зеленое. Так, чего у нас тут... хо-хо! А давай соорудим балканский суп?

Глава 3

— Как хочешь, я в вашей кухне пока не разбираюсь. Главное, чтоб вкусно было, — пожал я плечами, отворачиваясь к компьютеру. Уж очень напрягали меня эти фразы, будто готовить она собирается вместе. Нет уж, я мясо добыл, домой принёс, а дальше всё в руках женщины. Я может и Оружие, которое априори подчиняется Мастеру, но не тряпка.

— Не тряпка, а партнер! — хмыкнула девушка. Ржа, ограничитель! Вот же голова дрявявая... Ну, теперь хотя бы мытая. Нет, и не проси, я в кухарки не нанимался.

— Я просто устала, — без всякого наезда или требования вздохнула девушка. — И есть хочу. А вдвоем-то мы быстрее же справимся. — Она полностью открыла мне разум, показывая, что действительно так думает, а не собирается сесть мне на шею и ножки свесить.

— Нечего было бесполезными делами заниматься, — для проформы проворчал я. — Сказал же, что на заданиях ты заработаешь больше. Но нет, попёрлась ни свет ни заря... — решив, что нравочений достаточно, всё же смягчился, — Ладно, но только сегодня.

— Отличненько! — Ирина повеселела и довольно шустро захлопала дверцами навесных шкафчиков. — А насчет бесполезных дел ты не прав. Я проучилась в институте уже почти четыре года, и стоило мне это очень недешево. Не денег, а сил, времени, характера, слез, бессонниц, отношений... всякого. Но это была моя мечта — стать востребованным специалистом и навсегда забыть про... про многое. Бросить все сейчас, когда до победы всего несколько шагов — это как предать себя, понимаешь?

— Хм, не очень, — честно признался я, — всё же одно дело, когда у тебя столетие впереди, а другое — если есть лишь пару лет. И ты половину этого срока хочешь убить на то, что уже нигде не понадобится....ммм....чисто из принципа?

Ирина улыбнулась, вручила мне тупой нож и луковицу местного растения, а сама занялась какими-то коричневыми клубнями. И задумчиво пояснила, глядя, как аккуратная тонкая ленточка грязной кожуры стекает из-под ножа в пакет:

— Знаешь, я до сих пор не могу поверить, что ты не сон. И вообще все это не сон. Умом понимаю, но... как тебе сказать. С одной стороны про два года — это как страшилка, и все время ощущение, что... ну выкручусь как-то. С другой — ты слишком хорош, чтобы быть настоящим. Вот меня и колбасит. А институт и языки — это такое все реальное, вещественное. Знакомое и понятное. Как там дальше сложится, я не знаю, а вот диплом — это всегда гарантия спокойной и сытой жизни.

— Понятно, что ничего не понятно, — тяжело вздохнул я, пиля взглядом луковицу. — А что с ней делать-то?

— Почистить и порезать полукольцами, — Мастер отобрала у меня луковицу, нож, дощечку и быстро показала, как потрошить этот зверский корнеплод. — Вот, еще штук пять так и довольно.

Принцип я понял, но появилась другая проблема — эта ржавая фигня щипала глаза! А ещё Ирина не успела предупредить меня, что тереть их руками, испачканными соком идиотского овоща, категорически нельзя....

В результате, все время, пока ржавый суп варился, я просидел в том шкафу, что тут называется ванной, и плескался в холодной воде как неведомая «утка». И мне даже не было интересно, что это за тварь, потому что этой луковицей, ржа ее побери, можно пленных пытаться — сами все расскажут. Надеюсь, хоть не зря страдал и суп действительно будет «офигительно вкусным».

Сидел я там до победного, чтоб еще раз не припахали. И вылез только тогда, когда по нашей норе поплыл приятный запах. Мокрый, как только что родившийся цвирчонок, раздетый по пояс... зря только укладку делал. Теперь волосы снова в колечки завьются... бесит!

Но вопреки всякой логике, увидев меня такого, Ирина сначала восторженно запищала, потом кинулась обниматься и тискать, а потом вдруг жутко смутилась и стала похожа на плод кирина... перезревший. Это выглядело неожиданно... мило, захотелось даже обнять девушку покрепче и потрепать по ненормально коротким волосам, но я быстро скинул с себя это наваждение. Она — Мастер, а не дворовая девчонка, и нужно уже сейчас дать ей привыкнуть к этой мысли. И вести себя соответственно! А шампунь для роста волос в одном из миров зеленой спирали надо будет заказать... дорого, но эльфийские бальзамы своих денег стоят, три дня — и будет у нее нормальная коса до пояса, как у любой уважающей себя аристократки.

В том, что моя Мастер аристократка, просто потерянная и не воспитанная, я уже не сомневался. То, как она вчера интуитивно расправилась с тварью скверны, говорит само за себя... Это явно кровь играет. Хорошо бы ещё выяснить, кто из родовитых так погулял двадцать лет назад? Но это потом, в перспективе... Надеюсь, я не тешу себя ложными надеждами.

Суп действительно оказался вкусным, наваристым и очень сытным. Тем более что Мастер постоянно подкладывала мне сваренные отдельно куски мяса. Правда откуда-то из под потолка на запах слезла ее черная кошка-цвирколовка и потребовала свою порцию, но Ирина с непреклонным видом отогнала нахалку от стола и насыпала ей полную миску сухого корма. Кошка помяукала, но смирилась и захрустела. Похоже это сухие хлопья ей не слишком нравятся. Из чего их вообще...оу... лучше бы не смотрел. Гадость какая. Надо будет потом ей нормальной еды дать.

А девушка вернулась за стол и стала расспрашивать, как нам жить дальше.

— Постоянно брать чернушку не лучший вариант. Хотя за эти задания и платят больше, но официально они нигде не регистрируются, — я протянул тарелку за добавкой, — А нам нужна как минимум сотня мелких охот для получения лицензии Мастера. Пока ты вообще по сути никто. Вот после первой официалки получишь карточку стажера-практика. Это самый низкий ранг, какой можно придумать, но он дает право набирать очки для сдачи экзамена на пятую ступень, — я снова отхлебнул горячего. — За официальные задания такого уровня, если у тебя нет диплома академии, платят буквально копейки. Так что, думаю, где то в течение полугода, будем брать то одни, то другие. На самом деле, достаточно распространённая практика у тех, кому не хватает денег на образование.

— Мелкие — это такие, как со вчерашним тараканом? — Ирина тоже наворачивала за обе щеки и одним глазом косилась на экран ноутбука. — Мне показалось, или вчера ты не ожидал такого? Он меньше должен был быть?

— Нет, мелкие и официальные — это по два-три куба скверны, с такими, кроме стажеров, никто и связываться не станет. Причём артефакты если и выдадут, то только казённые, которые надо обязательно вернуть в целости, иначе и этих крох лишат, а то и вовсе должен останешься. А про вчерашнее... нам «повезло», тварь оказалась не намного больше обещанной, но и за это нам выдали «компенсацию». Потому, с учётом покупки артефактов и сумма... приемлемая.

— А все равно страшно было, — призналась Ирина, перебираясь от стола на диван и зябко кутаясь в одеяло. — И бабушку жалко...

Глава 4

— К этому просто надо привыкнуть. На сотом задании уже перестанешь воспринимать всё так близко к сердцу, — вторая порция супа закончилась быстро, порадовав, наконец, чувством насыщения.

— Не знаю... мне кажется, это немного нечестно — не жалеть и не принимать близко к сердцу. Но тут уж как получится, — вздохнула девушка, скидывая одеяло. В полной тишине она ловко и быстро собрала и помыла тарелки в малюсенькой раковине, навела относительный порядок на столе и приползла обратно на диван, где уже успел устроиться я. Поёрзала, посмотрела на меня как-то странно, исподлобья, а затем внезапно опять засмушалась и отвернулась. Судя по эмоциям, моя Мастер снова не прочь ощутить близкий контакт... не удивительно, ведь от слабости у нее заметно подрагивали руки, еще когда она прибиралась.

— Чувствую себя маньячкой, — пожаловалась она потертому коврику с неведомыми зверушками.

— Твоему телу не хватает жизненных сил, и оно просто подсказывает тебе самый быстрый, приятный и безопасный способ их восстановить, — я притянул Ирину к себе, заключая в кольцо рук, — Глупо этого стесняться. Если хочешь, тебе достаточно попросить.

Ирина вздохнула, и по мысленному каналу до меня долетел дикий коктейль эмоций — она сердилась на меня и на себя, она хотела... меня, смущалась, и одновременно радовалась, и... еще куча всего, непонятного. Ржа ногу сломит в этих женских чувствах!

Ириска

Да чтоб ему этой энергией одно место припекло! И я тоже хороша — идиотка обыкновенная, подвид безмозглая. Я-то когда успела втрескаться?!

И в кого? В ржавый дрын. Ну, то есть, уже почти не ржавый, но надменный, занудный и... и... бли-ин, какой же он красивый...

Самое противное, что я согласна даже на два года жизни, только бы с ним рядом. Умом понимаю, что это ненормально, а толку-то?! Я же его как только увидела, вот таким, элегантно отутюженным, одетым, как на показ мод... так с порога бы и кинулась. Раздевать.

Совсем мозги растеряла. Он мне про лицензии и охоты, а я просто сидела и слушала его голос, особенно не вникая в содержание. И вспоминала, как он вышел из ванной, мокрый, встрепанный и непостижимым образом еще более элегантный, красивый и сексуальный, черт побери! Даже с красными от лука глазами! А-а-а, спасите-помогите!!!

Это ужасно, чувствовать себя мышью-замарашкой рядом с принцем. Никогда не комплексовала из-за своей внешности, а тут... И даже то, что он готов дать мне желаемое по первой же просьбе, не утешало. Это не по-настоящему. Просто из чувства долга и все такое.

А может, он прав? И все мои переживания не более чем инстинкт... выживания? И как только кусочек души ко мне вернётся, и надобность в «батареijke» отпадёт, чувства тоже увянут?

Да нет, себя-то к чему обманывать. Одно дело слабость и физическое желание, а другое... нет, не так. Я его хочу все время, а не только когда от недостатка энергии начинают тряситься руки.

И что мне теперь делать? Да нафиг! Дают — бери! Вот он, теплый, гладкий, вкусный... и пахнет чуть разогретым металлом. Никогда не думала, что это такой возбуждающий запах, а теперь мне от него просто крышу сносит. Хочу! Мое!

— Ну и к чему тогда все эти сложности? — проворчал Мик, опрокидывая меня на подушки, и, лаская губами мочку уха, запустил руки под футболку. — Пока мы не нашли часть твоей души, я — твоё Оружие, это никто и ничто не изменит. А вот когда найдём, ты уже сама, на трезвую голову, решишь, нужен ли тебе... мммм!

— Ох, лучше молчи! — рыкнула я, притянула его к себе и попросту заткнула рот поцелуем, чувствуя при этом одновременно нежность и злость. Птица говорун отличается умом и сообразительностью... пока клюв не откроет!

Очень скоро стало так легко себя обманывать... насчет того, что мой принц, то есть Кос, хочет меня, а не вынужден из-за своего чувства долга. Ведь вряд ли для передачи энергии нужно выцеловывать мой живот, мягко оглаживать бёдра или покусывать пальцы на руках. Я, наивная, думала, что возбудиться сильнее просто нельзя. Как же я ошибалась!

Он ведь ничего такого уж запредельного еще и не начинал, а у меня в голове уже переплетались радуги, а по телу волнами гуляла расплавленная карамель, обжигая и снося напрочь все мысли.

Мое тело уже давно зажило какой-то отдельной, своей жизнью. Оно никакими вопросами взаимности не заморачивалось и делало все, что только хотело: терлось об него, извивалось, ловило ладонями выпуклость его ягодич под жесткой тканью джинсов, неистово рвало пальцами пряжку ремня, но вдруг новое желание заставляло его со стоном выгибаться навстречу мужским рукам, и хвататься за его плечи, просто чтобы не сорваться в пропасть.

— А знаешь, — этот негодник воспользовался тем, что я уже почти не способна сопротивляться и задыхающимся голосом выдал: — секс, сам по себе, — тут он чуть прикусил ключицу, заставив меня застонать, — лишь одна из форм взаимодействия...

Я даже не успела осмыслить его слова, не то что ответить... я его так ждала и хотела, что он, почувствовав это, сам не выдержал и застонал:

— Ржааа, да что ж такое?! — а затем прижался как можно ближе, буквально сливаясь со мной телами. — Не спеши...

Его одежда мешала и раздражала, поэтому я снова потянулась к ремню, но мои руки деликатно убрали.

— Поверь, это ВСЕГДА успеем, — он переложил мои ладони себе на спину, и я мгновенно забыла обо всем, чувствуя, как под шелковистой кожей перекачиваются сильные мышцы.

Будто в замедленной съемке, он, не теряя контакта тел, аккуратно развёл мои ноги, а затем, так же осторожно подхватил меня на руки, усаживая верхом на своё бедро.

— Не отпускай, — шепнул Микаэль мне на ухо и вдруг совершил характерное для секса движение, отчего мое тело буквально прошило вспышкой чувственного наслаждения. Я вскрикнула и уткнулась лицом в его плечо.

Самое невероятное, что мы оба были еще полностью одеты, но тело уже горело так, что каждое, даже мимолетное прикосновение отзывалось острым, как чье-то лезвие, удовольствием.

Почти не соображая от возбуждения, я одной рукой обняла Микаэля за шею, а другая рука, совершенно помимо моего сознания, скользнула к его ширинке и погладила натянутую от напряжения ткань.

— Ирррина, — тихий рык отдался вибрацией где-то в позвоночнике, но он тут же сменился лёгким смехом. — Ладно, уговорила...сегодня никакой теории, всё «по старинке».

— Хм, — это мой такой довольный смешок был? Хищный такой?! — Не-ет уж... ты сам это начал! — и снова погладила, безошибочно находя дрожащую от возбуждения плоть под плотной джинсой. — Теперь только та-ак! — И сама качнулась на его бедре, вскрикнув от наслаждения.

— Женщина... — выдохнули мне в шею, но поддержали мое движение. — Ты сама не знаешь, чего хочешь...

— Знаю. Тебя! — я легонько прикусила Мика за мочку уха, чутко ловя его стон и выпитывая его всем существом.

Микаэль уже окончательно подчинился моему требовательному ритму, двигаясь навстречу и моим пальцам, и моим бедрам, а его рука прямо через футболку нащупала мою грудь и легонько сжала, лаская и поддразнивая.

Через несколько минут такого безобразия снежным комом нараставшее возбуждение стало совершенно непереносимым и наконец выплеснулось огненной лавой, затопило с головой, растворило в себе... я не выдержала и закричала в голос, смутно понимая, что кричу не одна и с этой вершины падаю тоже не одна.

— С ума сойти... — прошептала я миллион лет спустя, когда удалось немного отдышаться. — Такого со мной еще не бывало...

— Уху, — красноречиво подтвердил бессильно раскинувшийся на мне мужчина. — Повторим?

— А может, разденемся для разнообразия? — хихикнула я и потянулась за поцелуем.

— Ну разве что для разнообразия... — ааа, эта хитровато-сумасшедшая улыбка из-под растрепавшейся шевелюры снова заставила меня чуть ли не умирать от восторга, а проворно нырнувшие под футболку руки... если я умру уже завтра — все равно не жаль!

Глава 5

Я лежала, свернувшись калачиком и уткнувшись носом в мужское плечо, и смотрела, как за окном в синих питерских сумерках знакомая ворона играет с фантиком от чупа-чупса. Птица то подбрасывала пеструю, блестящую бумажку в воздух, чтобы поймать с радостным карканьем, то вдруг начинала яростно утрамбовывать хрусткую добычу в малюсенькую трещину на озябшей липовой ветке... Вороне было хорошо с ее разноцветным счастьем.

А мне было хорошо просто так. И даже всякие умные мысли временно отступили и не водили в голове нескончаемые шаманские хороводы. Что там было раньше? Что будет завтра? Какая разница! Доживем — увидим...

Теплое и шелковое рядом со мной вздохнуло и заворочалось, подгребая меня поближе. И выдало чуть невнятно, в подушку:

— Я там, пока тебя не было, в официалке покопался. Выбрал кое-что... Ближайшее задание будет как раз через... — он приподнялся на локте и глянул на экран открытого ноутбука, — сорок минут, пойдём? — вопреки своим же словам сам он вылезать из-под одеяла не спешил.

— Поползем, — согласилась я, закапываясь еще глубже. Потом не выдержала и пощекотала скрытые под пластами мышц ребра — еще и не дощекочешься, здоровый же какой! Но хихикнул и дернулся, как нормальный.

— Ты чего хулиганишь? — притворно недовольно взглянул он, оторвав от подушки один глаз. — Если уж полностью проснулась, то лучше завари кофе. Там... в коробке под столом... — он заразительно зевнул, — я турку купил.

— Мне лениво одной, — призналась я, чуть повозившись. Хотя мысль о настоящем кофе, не том, который вся таблица Менделеева в одной кружке, а именно настоящем, сваренном в турке, внушала некоторый оптимизм. — Вместе пошли.

— «И где хотя бы «спасибо» — мысленно донеслось до меня чужое ворчливое негодование, несмотря на то что в лице Микаэль так и не изменился. Видимо, эти мысли снова для меня не предназначались. — «Весь день носился, как за зад укушенный, пока она ненужной дурью маялась, а потом пол-рынка перелопатил в поисках того, от чего этот цвирчонок хилый не скопытится...»

Я так удивилась, что привстала на четвереньки, склонилась над ним и сверху вниз заглянула ему в лицо, и от того же удивления, видимо, перешла на мысленную речь, хотя до этого всегда отвечала вслух:

«А ты разве не почувствовал?» — как смогла, постаралась передать ему его же образ своими глазами, такой зашибенно клевый и потрясающий, что все чувства шли одним клубком, и благодарность с большим трудом можно было отделить от просто восторга, радости, умиления, любования... желания. — «Ну прости-прости! Спасибо-спасибо-спасибо!» — я и не стала отделять, отправляя всем «клубком», а потом целовать кинулась, как восторженный, расшалившийся щенок.

— Не... не делай так больше, — через какое-то время постарался отдышаться Микаэль. — Должен же из нас хоть кто-то оставаться адекватным! — засмеялся он мне в волосы. — А после твоих эмоциональных коктейлей можно легко поехать крышей... особенно если пытаться их разобрать. Но, я вроде понял...

— Мурррр! — согласилась я и нехотя слезла с него, а потом и с дивана. — Я в душ быстро! А потом кофе, хорошо?

Из дому мы выскочили почти вовремя, но уже бегом. И пока мчались в сквер, я все мысленно прикидывала, как скоро народ заинтересуется, кто это каждую ночь дырявит главную дорожку? И не устроят ли энтузиасты засаду на НЛО-вредителя, оставляющего круги на асфальте?

«Я выменял новый телепорт, забыла?» — раздался уже привычный голос в голове, — «или ...я тебе не говорил?»

— Говорил, только кто его знает... вдруг этот просто делает круги большего диаметра? — хмыкнула я.

«Нет, этот просто переносит только сам объект вместе с тем, что он держит в руках» — пояснил Кос, крутанувшись в моих руках и демонстрируя железную фенечку на навершии.

— А, хорошо! — я, вопреки собственному бодрому настрою, зябко поежилась и покрепче схватилась за древко. — Слушай, а куда сегодня? Опять к какой-нибудь старушке?

«Нет. В этот раз у нас «белая» официалка, самая пустяковая и мало оплачиваемая, но увы, нужная ради получения карты стажера. Там даже не человек, а животное, скверны капля. Но выполнив это задание, мы получим хоть какой-то статус и доступ к малому тренировочному полигону», — Микаэль чуть задумался. — «Это ерунда и халтура, конечно, хорошие и серьезные тренажеры доступны только родовитым или статусным Мастерам, но с твоим уровнем сейчас большего и не нужно».

— Животное? — я уловила главное и резко остановилась. Как раз в кустах на краю сквера. — А разве... а какое животное? Надеюсь, не кошка?!

«Собака. Для вашего мира вроде крупная», — непонимающе пояснил Микаэль.

— Мама! — пискнула я, вставая в землю по самые щиколотки. — А отказаться от этого задания можно?!

«Ты чего пищишь? Боишься животного?» — удивился Кос. — «Так оно при смерти мучается уже минут двадцать как, мы немного опаздываем».

— Почему... мучается? — с трудом выдавила я сквозь пересохшие от страха губы. Собак я боялась до физиологического конфуза, больше, чем маньяков. Особенно больших... был у меня слишком неприятный опыт в жизни. Слишком... Но вот это «мучается» все же не оставило равнодушным.

«Скверна удерживает душу на земле», — как само собой разумеющееся констатировал Микаэль.

— Ну какая скверна может быть у собаки? — вздохнула я, судорожно отлепляя стиснутые добела пальцы от древка и делая шаг вперед. — Они хоть и страшные, но... ладно, идем.

— Да в том-то и дело, что почти никакой... крохи. Но животным хватает, — вздохнул Мик и скомандовал: — «Перенос».

Фенечка на косе вздрогнула, зазвенела и пейзаж перед глазами изменился.

Глава 6

Ириска

Второй раз и опять какие-то трупобы. Еще и запах такой, что меня сходило чуть не вывернуло. Даже не разобрать, каким смрадом несет — псиной, экскрементами, тухлятиной, кровью... ой, мама!

Так еще и темно, а злостное воображение нарисовало вокруг стаю невидимых зубастых монстров.

Я вцепилась в Мика что было сил, попробовала дышать ртом и досчитать хотя бы до десяти, прежде чем устроить истерику. Но когда досчитала, поняла, что истерить вроде уже не хочется, к тому же глаза привыкли к полутьме, и я разглядела, куда нас занесло.

Я такое в Интернете видела, на сайте защитников животных. Похоже, где-то тут поблизости проводят собачьи бои. А в этот вонючий сарай бросили умирать проигравшего свою последнюю схватку пса... здоровенного, полосатого, как тигр, страшного до ужаса. Окровавленного, изорванного чужими клыками, измученного...

Он жалобно поскуливал и тяжело дышал, лежа прямо в луже мочи и крови около проволочной клетки. Очевидно, его хозяева решили, что запирают полутруп бессмысленно, и так сдохнет вот-вот, зачем клетку пачкать.

У меня комок подступил к горлу. А страх не пропал, нет — там клычищи были с мой палец! Но почему-то, вместо того, чтобы оттолкнуть, этот страх заставил меня опуститься на колени рядом с собакой и протянуть руку, чтобы... чтобы что?!

Я буквально окаменела, когда горячий, влажный язык вдруг облизал мои дрожащие пальцы, а почти мертвая собака, жалобно застонав, приподняла голову и пару раз стукнула о гулкие доски пола хвостом. И заглянула мне в глаза...

«Ты совершенно ненормальная...» — сказал Мик в моей голове, когда я вдруг обнаружила себя сидящей на полу в обнимку с призрачно-зеленым псом, таким же израненным, как его уже остывающее земное тело. — «Проведи мной вдоль его души со всех сторон, я уберу удерживающие нити скверны. Ее настолько мало, что она даже не способна оформиться во что-то иное».

Я всхлипнула и торопливо кивнула, наклоня Косу над собакой. И даже с удовольствием смотрела, как исчезают следы ран, а пес на глазах становится моложе. Вся его скверна была на самом деле человеческим предательством...

Внезапно что-то толкнуло меня под руку и по уху прошлось нематериальным и холодным. Я почему-то даже не испугалась — наверное, больше некуда было. Обернулась и увидела еще одного призрачного пса — близнеца первого, из тех, у которых пасть как у крокодила. Только без тигровых полосок.

Собака виляла хвостом и смотрела вопросительно. Я протянула руку и погладила зеленовато-прозрачный бок, чуть погружая пальцы в непонятную субстанцию. Понятно... это победитель. Тоже израненный и тоже отбракованный, ему порвали сухожилия на обеих задних лапах, так что к боям он стал непригоден. Но выжил и жил бы дальше какое-то время... только не захотел. И выполз из своего угла поближе ко мне... вон лежит его тело, в паре метров. А я даже не слышала, как он полз...

Отвлекло меня чувство глобального охречения и почему-то страха, которое Мик пытался скрыть. Но эмоции были такими сильными и яркими, что отголоски то и дело прорывались.

— Мик, — обеспокоено спросила я. — Что случилось?

— Ты забрала неучтенную жизнь. Он не должен был умереть сейчас... но ты забрала, не убивая физически! — дrevko в руке завибрировало. — Кто ты?!

— Здравствуйте, приехали, — я мрачно шмыгнула носом и покрепче ухватилась за этого паникера. — Ирина Самгина, познакомились вроде уже... а вообще, ты не видишь, что ли — он сам хотел уйти. Ему так лучше. Вон, смотри, — в доказательство я ткнула древком в помолодевших до щенячьего возраста и уже совсем не страшных собак, которые, играя и радостно взлаивая, носились по темному сараю.

— Действительно, не понимаешь, — Мик снова постарался полностью от меня закрыться. — Уходим. Как можно быстрее. Нас могут... принять за дикарей.

— Сейчас... — согласилась я, но вопреки своим же словам, сначала подозвала расшалившихся псов, подхватила обоих за прозрачные ошейники и вывела из сарая. И досмотрела, как они превратились в маленькие солнечные зайчики, растаявшие в темноте.

— Вот теперь домой! — я уже чуть ли не привычно встряхнула фенечкой на конце косы и не успела сморгнуть, как мы вернулись в знакомый сквер.

Пов Микаэля

До дома мы добрались в полнейшем молчании, что позволило мне немного побороть приступ паники. Руки тряслись, мысли в голове путались, дышать становилось всё труднее.

— Ты поступила глупо, — начал я свой разговор, как только мы вернулись в нору. — Безрассудно, безответственно и глупо. Собачек ей, видите ли, жалко! А нас не жалко? — я еле удерживал себя от того, чтобы сорваться на крик. — Мы и так никто и звать нас никак, а если кто-то заметит, как ты неучтенную душу у тела без веской причины отпускаешь, то нас заклеят, как дикарей! И похер всем будем, что ты ее не сожрала!

— погоди, не кибишуй, — Ирина устало потерла виски пальцами и присела на диван, оставаясь какой-то чересчур спокойной. — Я вообще ничего не делала. И ничего не поняла... наверное. Кроме того, что пес сам решил уйти. И попросил о помощи.

— А ты, как истинный воин милосердия, ржа, кинулась помогать! Дура! — внутри меня клокотал страх, ведь чем больше я думал, тем больше понимал, что мы прошлись буквально по краю. — Слава всем известным богам спирали, что это было всего лишь животное, такое спишут на неполадки в системе или на недосмотр Искателей. А если бы ты так человека пожалела? Да у ближайших хранителей тут же все сирены бы завывли, и бегали бы мы по всем мирам от твоего «бобра».

— погоди, не части! — перебила девушка, и нахмурилась. — Что-то я не понимаю. Эта вся ваша система для чего была придумана? Чтобы душам помогать, или чтобы что? Просто зарабатывать, желательно не высовываясь из толпы?

— Мы очищаем миры от скверны! — эта девчонка меня бесила. Ведь она заявила буквально прямым текстом, что весь наш вид, всё наше существование только ради того чтобы... пожрать!? — Это вы, люди, живёте лишь ради удовлетворения собственных низменных потребностей, по мере существования отравляя своим негативом мир вокруг, — я, кажется и сам не понимал, что говорил.

— То есть, сами Мастера и Оружие никогда ни на кого не злятся, не лгут, не завидуют, не причиняют боли, да? — сердито прищурилась эта...

— Мы хотя бы за собой прибираем, — рявкнул я ей в лицо, и... нет, не могу больше. Гнев буквально сдавливает виски.

— Ага, себе в карман, — горько усмехнулась девушка, вставая и сжимая кулачки. — У вас на это силы есть! И знания! И обязанность помогать, иначе зачем вы вообще?! Помогать тому, кому НУЖНА ПОМОЩЬ, а не тому, кого успели в базу внести и обсчитать, сколько с него можно поиметь!

Я хотел ее ударить. Впервые хотел ударить женщину. Но...

— Вещи можешь оставить себе, карточку стажера закажешь на сайте, а Оружие... возьмешь на складе еще одно, скажешь, я развалился окончательно, — сквозь зубы выдавил я, накидывая пальто.

— Ну и вали, — Ирина резко отвернулась к окну, явно что-то еще хотела сказать, но удержалась, только мысленно злобно хлопнула дверью.

Я же хлопнул ею в реальности.

**Микаэлю 58 лет, но для оружия это не возраст. При хорошей «кормёжке» эти ребята как эльфы, живут долго и своей смертью с момента появления данной рассы умерли только совсем слабые и «гражданские». Потому, как бы внушительно этот дылда не выглядел, Мик, увы, подросток) лет 20 по нашему.*

Смотрим дальше, насильное разделение Мастера и оружия очень неблагоприятно сказывается на последнем. При этом, у него прекратилась регулярная напитка скверной. Итак, на выходе у нас подросток с расшатано психикой и...о, ужас, голодный!

Так что прошу не воспринимать героя как 50-летнего здорового мужчину нашего мира.

Глава 7

Оружие

Тоже мне, возомнила себя светочем знаний, клуша мосластая с вшивой головой. Живём мы, оказывается, неправильно, и она, которая второй раз в жизни в руках Оружие держит, да никаких основ мироздания не знает, учит меня, как с душами обращаться! Да пошла она во ржу, цвирк драный, пусть сама теперь ищет идиота, который бы ее из жопы жизни вытаскивал, да еще и постельной грелкой подрабатывал!

Это Мастер должен заботиться о состоянии Оружия, а не Оружие за Мастером сопли подтирать! Во всяком случае, во всех цивилизованных кланах это именно так. Тем более, что я ей ничего не должен!

Холодный порыв ветра растрепал волосы и раскрыл полы пальто. Бррр. Только сейчас понял, что чуть не вышел на переполненную машинами дорогу. Прохожие сворачивали шеи, оглядывались, но встречаясь с раздраженным выражением лица, подходить опасались. Ужасный мир. Мало того, что холодно, так еще и перенаселен, и отравлен.

А с чего я вообще полез со своей помощью? Она мне никто и звать никак, на секс, что ли, повелся? Да неееет, с моим настоящим Мастером было намного лучше, а уж когда и Микаэлла подключалась... Ржа, опять хочется выть в голос! Что за дикие перепады настроения!?

А вообще-то... Знаю. Я хотел хоть так расплатиться за своё бессилие. Думал, что если спасу эту девочку, то хотя бы часть вины упадёт с души. Наивный... такое ощущение, что только хуже стало. Нашел замену, называется! Уж лучше б я на том складе тихо сгнил!

С другой стороны... на полпути бросать как-то не правильно, да и я сам вёл себя не слишком соответствующе. Надо было не делать за неё всё самому, а только показать, дальше пусть сама трепыхается. И задания сама ищет, и тренируется, и энергетический баланс поддерживает, и руны рисует. Ещё лучше заказать ей пару книг-учебников и самоустраниться. А если уйду сейчас, то сдохнет ведь.

Что ж, так и быть. Остужу еще немного голову и вернусь. Но только для того, чтобы заказать ей пособие для дебилов. И... и жилет заберу. Пусть хоть что-то, подаренное Мастером, у меня останется... в нём и умирать будет не страшно.

Дорога обратно заняла, кажется, вдвое больше времени. Хорошо ещё, что, бегая днём по магазинам, я удосужился запомнить адрес — местную идентификацию у домов, иначе бы так и заплутал во сгустившихся сумерках.

Но чем ближе я подходил к дому, тем неуверенней себя чувствовал. Ирина ведь может даже на порог не пустить, обиженные женщины не отличаются здравым смыслом. Из принципа ведь во ржу пошлёт, плюя на собственную жизнь, упрется, как с этой местной академией. Ладно, во всяком случае, совесть моя будет чиста: я пытался.

Дверь в нору оказалась незапертой, что сразу вызвало подозрения. Я, словно вор, опасливо заглянул внутрь, прислушиваясь к доносящимся звукам. Ти-ши-на. Ушла, что ли? Или, осознав свою ошибку, пошла искать меня? Наверно, так даже лучше. Быстренько закажу учебники, заберу пару вещей, оставлю записку и уйду.

В комнате действительно никого не было, разве что местная боевая кошка лежала на клубке из сброшенного на пол одеяла, да занавеси на окне чуть шевелились от сквозняка.

Спрыгнув со своего насеста, кошка окинула меня выразительным взглядом и не дала подойти к ноутбуку на кухонном столе, сначала пихнула головой в голень, а потом и вовсе нагло улеглась прямо на клавиатуру. Ну да, животина, прогнавшая цвирка, вряд ли может быть тупой. А этой... колбасе выгодно, чтоб я остался. Тогда сначала жилет из шкафа...

Но стоило мне обойти спальное место, как я застыл в недоумении. За кроватью лежал не

просто клубок из одеял, а сама хозяйка норы. Девушка свернулась калачиком на полу так, что было видно лишь светлые короткие волосы, торчащие во все стороны.

— Кхм, — опешил я, — Мас... Ирина? — но клубок никак не отреагировал. Заснула на полу? С открытой дверью и окном?

— Ирина! — позвал я уже более настойчиво, но кокон даже не дёрнулся.

«Да ржа! Во что этот цвирк новорожденный снова вляпался!» — только и мог думать я, когда подхватил ее на руки, чтобы переложить на постель. Она была буквально ледяная!

— Кто спит на полу с такими сквозняками, самоубийца доморощенная! Ты ж вроде жить хотела, это я тут суицидник! — зарычал я на чуть приоткрывшую странно опухшие глаза девушку, разместив ее на лежанке. — Идиотка малолетняя!

Окна и двери я закрыл, а потом поймал себя на том, что уже снимаю рубашку. Ну да... надо ее хоть согреть. Где та штука, которой она кипятила воду?

«Какая ирония, не правда ли... тьфу, ржа!» — проносилось в мыслях, пока я делал горячий чай, а потом устраивал у себя на коленях и прижимал к себе замерзшее тело своего маленького глупого Мастера.

Раньше именно я всегда был тем, кого опекали, учили, оберегали. А теперь вот, как снег на голову, да с крыши, на меня самого свалилось это... дитяtko. И не важно, что телом взрослая, по уровню знаний — как бы не меньше, чем у меня в мои восемь лет, когда от мамкиной титьки забрали. Ну дам я ей учебники, она там ни ржи не поймёт, забросит их куда подальше и продолжит в местной академии дурью маяться. Я бы и сам их в своё время не взял, но ремень стимулировал.

Ненадолго представил, как я нависаю над Ириной с этим аргументом воспитания, пока она пытается штудировать обязательную программу, и немного нервно хохотнул в кулак. Уж слишком меня беспокоило, что она до сих пор почти не реагирует на вопросы.

Но хоть отогреться начала, и лапками за мои плечи цепляется. Ржа-а, дурацкая ситуация, глупая женщина... неправильная беззащитная неумеха-Мастер! Но почему это так странно отзывается где-то внутри? Может, это наша связь так влияет? Или нет? Всё же мой опыт в этом довольно ... однобокий. Ржа, буду думать, что это только связь, мозгам легче.

Ну и как вот это вот трясущееся бросить? Пропадет... И я хорош, наорал на ребенка, который банально ничего не знает! Перенервничал, сорвался... Ну ладно, теперь, пока весь свод правил охотников не вызубрит — никаких сла ...эм... никакого секса, во!

Ирина вдруг пошевелилась и очень тихо вздохнула, но словно хихикнула. Ммм, завтра разберёмся. А сейчас спать... восход всегда свежей заката.

Глава 8

Ириска

Сама понимаю, что зря всплыла и полезла рассказывать, как там у них все неправильно и корыстно устроено. Видела же, что Мик не на шутку перенервничал. Более того, почувствовала, что он всерьез испугался и не только за себя...

Наверное, наша связь сыграла с нами дурную шутку — я ведь тоже словила порцию и его паники, и его злости. Но ко всему прочему это наложилось и на мои собственные чувства.

Я вообще-то не люблю «принципиальных» людей с громкими заявлениями. Тех, кто в жертву своим убеждениям готов принести живых... но при этом у меня есть как раз что-то наподобие этих дурацких принципов... не знаю, такие вот штуки, которые настолько проросли через меня, что отказаться от них — значит отказаться от себя и перестать быть.

И одна из них — если можешь помочь — помоги. Просто так, как вот армяне говорят — кинь добро в воду и уходи.

Не потому, что я такая вся моральная, правильная и святая. А потому что иначе физически не получается — мне же потом дороже станет, буду вспоминать и мучиться. Могла! И не сделала... да ну нафиг. Это не доброта ни разу, это инстинкт самосохранения.

А еще я очень тяжело переносу, когда на меня кричат. Не умею кричать в ответ, сжимаюсь и жду, что сейчас ударят. Что поделат... не ходите, девки, замуж и все такое. Не хочу вспоминать. Но любой крик провоцирует у меня желание закрыться, уйти, убежать как можно дальше. Или чтобы он ушел...

Ну глупо же, понятно и прозрачно, что надо было просто поорать обоим, если на то пошло, и успокоиться. И дальше разговаривать, выяснять, объяснять, что я нутром чувствовала там, в сарае, что поступаю ПРАВИЛЬНО. Что нельзя иначе, что...

Ага, а я вместо этого обозвала всех чуть ли не падальщиками и, как обычно, закрылась.

Когда Мик хлопнул дверь, внутри словно что-то оборвалось. Стало пусто и холодно. Я еще успела подумать, что даже в мыслях это звучит ужасно банально, но и только.

В груди разрасталась режущая боль, и я удивилась — откуда? Связь мы еще не разорвали, только дернули каждый за свой конец до крови. Энергию я получила. Вполне хватит дожить... сколько-то. Откуда же боль?

Впрочем, скоро и эти мысли исчезли, я бессильно сползла на пол возле дивана и свернулась клубком, прикрывая солнечное сплетение ладонями. Там было больнее всего. Кажется, я плакала... кажется. Сосиска приходит греть меня, только если я плачу. Пихает лапами, тыкается носом в ухо, может даже лизнуть... если она снизошла со своих антреселей, значит, все действительно плохо.

Когда Мик вернулся — через час, или через ночь — я даже не смогла бы определить. Просто вернулся. Просто наполнил пустоту своими душевными метаниями, ворчанием, непониманием, отголосками ушедшей злости, страха... чувства вины, какого-то неправильно огромного для нашей ситуации. Он поднял меня с пола, тормозил, заворачивал в свою рубашку, потом в одеяло, что-то бурчал, то ли мысленно, то ли вслух, поил горячим чаем... а я просто потихоньку отогревалась, но сил не было даже нормально открыть глаза. Кажется, так и уснула у него на руках, а он всю ночь продолжал баюкать кокон из одеяла, в который меня упаковал.

Утро началось с требовательного мяуканья. Кошке наши трагедии и разногласия с примирениями были по барабану. Сосиска хотела жрать, и требовательно ходила взад-перед по... ха! Не по мне! По Михаэлю.

— Это что за... — сонно пробормотал парень, щуря глаза от яркого утреннего света. — Чего это она? — недоуменно спросил он уже меня, подхватывая кошку и держа ее на вытянутых руках, будто боялся, что та сейчас взорвется.

— Есть хочет, — я потянулась внутри кокона и с удивлением осознала, что кое-кто так и не дал мне из него выпутаться. Такое впечатление, что пресекал любые попытки и заматывал обратно. Иначе я ж себя знаю — одеяло лежало бы на полу, а я ежилась, пытаюсь натянуть подушку на всю себя.

— Умное животное, — хмыкнул он, вставая, и аккуратно опуская кошку на пол. — Сразу чувствует, кто из нас способен добыть еду, — Михаэль потянулся, зевнул и пошел к холодильнику.

— Корм в пакете слева, — вздохнула я, глядя как эта черная плюшевая предательница трется об его ноги, нетерпеливо помуркивая и преданно заглядывая в глаза.

Михаэль оглянулся на меня, и на его лице мелькнуло какое-то чувство... словно бы опасения.

— Это плохая идея, кормить ценное животное такой бурдой, — ворчливо выдал он, изучив пакет с кошачьим кормом, и снова скосил на меня настороженный синий глаз. Не поняла? Он истерики ждет или чего?

— Там есть все необходимые витамины и минералы, — хмыкнула я, кутаясь в одеяло с головой и выглядывая из него, как из скворечника, — только кончиком клюва. Мне тоже было немножко не по себе. То есть, я чувствовала, что вчерашняя ссора осталась во «вчера». Но понимала, что нам обоим необходим какой-то разговор, только вот какой?! И как его начать? Особенно если хочется, чтобы он просто снова обнял, а я бы поревела в него, и меня бы пожалели? Не за что-то конкретное, а вот просто так...

— Ты действительно веришь тому, что написано на упаковке? — Мик аккуратно отодвинул пакет подальше, а затем полез в холодильник. — Судя по составу, через пару-тройку лет такого питания у твоей кошки, как минимум, отвалились бы лапы и хвост, а ведь ты ее повязать хотела.

Парень достал сырое куриное мясо, и, пока он его строгал, Сосиска восторженно вопила и бодалась, нюхом уловив, что наконец-то и на ее улице перевернулся грузовик с мышами.

Михаэль поглядывал на нее несколько самодовольно, а потом вывалил строганину в миску и с видом победителя посмотрел на меня. Забавно, как в его глазах немой вопрос и смятение чувств прятались за демонстрацией своего превосходства.

Я подумала немного, вылезла из одеяла и как была, в одной мятой рубашке и трусиках (кто-то ночью меня еще и от джинсов избавил, хм) пошла к нему, поймала, обняла поперек груди, прижалась щекой и тихо-тихо сказала, уловив паузу между гулками ударами его сердца:

— Ты мне очень нужен. Очень-очень нужен...

Глава 9

Микаэль приоткрыл рот, явно пытаясь съязвить, но вовремя передумал. И лишь чуть позже с тяжёлым вздохом, ответил:

— Знаю...

— Не-а... ты только половину знаешь. А у меня все слова куда-то растерялись...

— Ну так рассказывай те, что остались. И лучше начни с чего-нибудь простого, но непонятного, — пожал Мих плечами, взял меня на руки и вместе со мной уселся на кровать. — А то у вас ведь тут свое устройство Вселенной.

Я тихонько хмыкнула ему в грудь. Мужчины... выдал указание и сидит, довольный.

— Про устройство Вселенной мы потом разберемся, ладно? — я снизу вверх заглянула ему в глаза и в очередной раз поразилась их нереальной синеве. — Давай сначала про устройство нас с тобой...

— Подай пример, — отвёл глаза этот партизан, при этом машинально обнимая меня крепче. Такое чувство, что ему холодно, но он боится согреться. — Вот, например, почему тебя называют такой соб... странным именем? Ирина — звучит красиво, откуда эта... Ириска?

Я быстро отвернулась, чтобы задавить подступающие к глазам слезы. Потом все же взяла себя в руки:

— Хорошо. Меня зовут Ирина, но я люблю, когда меня называют Ириска, потому что так меня называл самый лучший папа в мире. Он умер от рака, когда мне было четырнадцать.

Говорить было тяжело, хотелось спрятаться от боли, не вспоминать, не рассказывать. Но я тяжело сглотнула вязкую слюну и упрямо продолжила:

— Его могли... если не спасти, то облегчить жизнь и дать нам еще несколько лет. Но по закону он не имел права на бесплатное лечение. И на обезболивание тоже не имел права, поэтому врачи боялись дать ему морфий, их за это могли наказать. Не хотели... правила нарушать.

Наверное, он что-то понял, или голос мой слишком заметно вздрогнул, потому что Мик крепко прижал меня к себе и легонько поцеловал в висок. Помолчал... а потом тихо признался:

— А я своего отца не помню. Как и мать, в принципе. Слишком мелким меня у них выкупили.

— А хотел бы? — я осторожно повернулась и заглянула ему в лицо.

— Не знаю. Я не знаю, — он покачал головой и на секунду прикрыл глаза. — Для меня семьей стала... Мастер. А потом она погибла.

Он сказал это вроде бы спокойно, даже в глазах ничего не отразилось, а меня до косточек пробрало пустотой и отчаянием, таким... глубоким, что его нельзя даже выразить просто словами или взглядами.

Какое-то время мы сидели молча, и Микаэль машинально чуть покачивал меня в своих объятиях, словно успокаивая или... убаюкивая? А потом глухо, даже немного зло проговорил:

— Ты ведь рискнула не просто мелким нарушением закона, ты рискнула нашими жизнями. Жизнями, понимаешь? — мотнул головой он, — Даже не задумавшись и не спросив совета, — мужчина затем уткнулся носом мне в макушку. — Да и ржа с ним, если бы просто штраф или даже тюрьма. Но дикарей даже не судят, просто убивают на месте...

— Но я этого не знала! — что-то горячее, как накипь, поднялось со дна души и едва не

выплеснулось слезами. — И мы не съедали ничью душу! Наоборот — очистили и отпустили, как и положено... таким как мы?

— Никто не стал бы разбираться, — махнул рукой Мик. — Ты узнала о Мастерах меньше двух дней назад, ты еще даже не... цвирчонок в таких делах. И решила, что лучше всех все... А! ладно... — он вдруг потерял запал и снова уткнулся лицом мне в волосы, выдохнул и тихо-тихо продолжил: — Я тоже хорош. Забыл, что ты не Мастер, что ты ничего не понимаешь толком и можешь полагаться только на свои инстинкты. А они, как выяснилось, у тебя... необычные. Слишком!

Он был прав, а мне было жутко стыдно. Нашлась, блин, спасительница душ, без году неделя крутышка, «я чувствую, так правильно» и плевать на других... но... но блин! Я же ничего не делала нарочно! Там, возле умирающих собак! Оно само!

Значит, Мик прав, и вместо того, чтобы наезжать, надо было разбираться. А я дура.

— И что делать? — тихо переспросила я после паузы. — Я же не знаю, как это получилось и почему. Это именно инстинкт, понимаешь? Что-то внутри меня ЧУВСТВОВАЛО, что так правильно. И делало.

Сказала и поежилась. Что-то мне совсем не нравится перспектива занять в голове всезнающее нечто, которое будет решать за меня!

— Это, конечно, вопрос, — хмыкнул Микаэль. — И решение одно: пока мы не разберёмся, что за ржу ты там сотворила и как это контролировать — на задания я тебя не пущу. Благо, доступ на тренировочный полигон у нас уже есть. И на библиотечный сервер академии, что не менее важно. Будем надеяться, что твои инстинкты не уникальны, и мы найдем информацию о том, что это все значит и как с ним бороться. А до этого — никаких миссий! — он решительно сжал губы и резко, словно против собственной воли, выпалил: — Я не собираюсь терять еще одного Мастера!

Последние два слова полыхнули такой болью, что у меня перехватило дыхание.

— Ты потому не хотел жить? Потому что потерял своего Мастера? — тихонько спросила я, внутренне сжимаясь от страха. Резала по живому и почти с одинаковой вероятностью могла сделать хуже или лучше. Но НЕ СДЕЛАТЬ было хуже без всяких «или»...

— Я и сейчас...не слишком хочу, — в сторону сказал Мик, тяжело сглотнув, но потом вдруг слегка улыбнулся и помотал всклокоченной от всех этих переживаний шевелюрой. — Ржавел себе и никого не трогал на складе. Уже почти ушел, и тут ты свалилась на меня, как цвирк в мясную кладовую. И сразу столько проблем возникло, что ржаветь стало некогда. Просто не успеваю об этом вспоминать. Разве что вчера...

Глава 10

— Значит, я именно та, что тебе нужна! — с немного преувеличенным энтузиазмом кивнула я, и продолжила: — И это... прости, что я тебе гадостей наговорила, — потянулась и легонько поцеловала его в краешек губ. — Просто я пугаюсь и начинаю защищаться, когда на меня кричат. С первым мужем не повезло.

— С первым... — Мик удивленно прищурился и покатавал на языке это слово. — А сколько их у тебя?

— Да один и был... в восемнадцать лет сдуру выскочила за парня, который считал, что жена — это его собственность, и очень быстро начал учить меня, какой должна быть правильная супруга. Сначала криком, потом и кулаками.

Я поехала, мысленно покрепче заперев дверь в ту кладовку памяти, где жили полгода моего замужества. — Пришлось все бросать и бежать... как можно дальше.

— Сдуру... сама выбрала? — как-то недоуменно спросил сам у себя Мик.

— Он очень красиво ухаживал, кидал к моим ногам розы охапками, делал всякие сумасшедшие романтические глупости, влезал ко мне на балкон, обещал весь мир... много ли девчонке надо? Я решила, что тоже влюблена. Размечталась о прекрасной жизни...

— Ты из семьи с ним сбежала? — Микаэль явно пытался осмыслить мои слова и подстроить их под привычное ему видение мира. — У нас, обычно, мужа семья выбирает и потом за выбором тщательно следит. Это Оружие желательно по любви или симпатии... А муж — это кровь, потомство. Мастеров и так мало.

— Вся моя семья — это мама, — я тихо улыбнулась. — Она микробиолог и живет только работой. Очень далеко, на острове Сахалин, у них там лаборатория и работа по контракту на японскую фирму. Когда папа болел, мы продали все, что могли, даже квартиру. Маме пришлось обеспечивать нас и отдавать долги, но это в какой-то мере даже помогло ей отвлечься. Она и раньше любила свою профессию, а после папиной смерти вообще ушла в нее с головой. А больше у меня никого нет, и мама, и папа выросли без родителей.

— Сочувствую, — как же мне нравилось сидеть у него на руках и чувствовать себя... необычайно, непривычно защищенной! А Мик помолчал и продолжил:

— Я раньше часто думал, что жизнь в клане — это пережиток прошлого и без «родни» намного легче. Но... похоже, другая сторона медали не слаще.

— А я раньше иногда завидовала Баське, — призналась я почти шепотом, пряча непрошенную слезинку в его рубашку. — У нее целая толпа бабушек, дедушек, кузенов и прочей родни. И они все классные, веселые и добрые, несмотря на то, что временами шумные и беспардонные.

— Кстати, — вдруг оживился Мик. — Что ты там этой Баське про мужа говорила?

— Ой, не напоминай! — я втянула голову в плечи, вспомнив предвкушающие взгляды институтской тусовки. — Они меня послезавтра расчленят! Я же вчера от всех убежала и ни на один вопрос не ответила, все выходные эти гарпии будут изнывать от любопытства и строить предположения... А-А-А! Мик, вот я дура! Они же такого напридумывают... и сами в это поверят! И разнесут по институту... мамочки!

— Тогда может... поговорить с некоторыми из них сегодня, — неуверенно предложил Микаэль. — Так ты хотя бы сплетни отрегулируешь. И отвлечешься.

— От чего отвлекусь? — не поняла я, но сама идея уже пустила корни в мой мозг. — Но ты прав... наверняка ребята где-то тусят, сегодня же суббота. В клубе, скорее всего... я не люблю ходить туда, но с тобой... это мысль! Придумаем тебе легенду, всем озвучим, всем тебя покажем, и если вопросов меньше не станет, то хотя бы они не будут придумывать совсем уж дикие версии!

— Тусят? Клуб... — эти понятия явно не были ему знакомы. — А клуб чего? Рукоделия или, наоборот, каких-то боевых искусств? — Мик вопросительно изогнул бровь, и я едва сдержалась, чтобы не кинуться его целовать. Ну я же не маньячка? Или я слишком хорошо о себе думаю?..

— А историю придумать действительно надо, но боюсь, тут лучше тебе. Ты мне так и не рассказала реалии вашего мира, — покачал он головой.

— Придумаем! — поняв, что еще немножко, и я опять изнасилую несчастную Косу, соскочила у него с колен и заметалась по комнате. — Сейчас я Баське напишу... спрошу, где они висают... — последнее я вещала уже из ванной, включая душ. Это Мик у нас красавчик даже без ничего или в одних трусах. А я, если не приведу себя в порядок, буду выглядеть рядом с ним как несовершеннолетняя бомжиха.

— Скажем, что ты мой давний... слушай! — я высунула мокрую голову из ванной и захлопала на Мика большими круглыми глазами. Настолько меня саму поразила пришедшая в голову мысль. — Мы же можем сказать, что ты и есть мой муж! Приехал за мной из Владивостока и мы... э... помирились!

— А что они знают о твоём первом муже? И почему вы... то есть, получается, мы расстались? — идея явно не вызвала у него отторжения. — И как можно подтвердить эту легенду?

— А ее не надо подтверждать! — крикнула я сквозь шум воды. — Достаточно будет наших слов! Никто здесь даже не знает, как звали моего первого мужа, так что даже имя не придется менять!

Через полчаса мы вышли из дома под тихое и уже привычное бухтение Микаэля. Ему не понравилось, как я оделась. Мастера так не одеваются! Красивые женщины так не одеваются! Нормальные люди, и те...

Я не выдержала и огрызнулась, что ни тем, ни другим, ни третьим отродясь не была и других джинсов у меня нет. А на единственных сапожках с каблуками каблук как раз и сломался, в той самой подворотне. Так что джинсы, тяжелые ботинки и черная водолазка — мой стиль на этот вечер! И он вообще-то вполне подходит для клуба. Я подкрасила ресницы и губы, и сама себе понравилась в зеркале — очень стильно! Разве что помаду у Мика пришлось отбирать — он опять завел шарманку про тяжелые металлы и не хотел давать мне «портить губы гадостью из не пойми-чего».

Всю дорогу до метро мне на макушку капали ядом и обещаниями полностью сменить мой гардероб и прическу, как только... как только получим лицензию Мастера. Я легкомысленно кивала, прикидывая, что до этого знаменательного события как до Пекина на таракане, и он еще сто раз забудет или передумает.

Глава 11

Оружие

Загадочный клуб, в который мы собирались, оказался совсем не клубом рукоделия и уж тем более не боевых искусств. Хотя, можно было сразу догадаться, что это заведение далеко не для приличных леди, просто смотря на одежду Ирины. Да и достаточно того, что там собиралась быть эта «босячка» или как там ее, Бася? Такую даже не в каждый загородный трактир то пустят.

Пока мы ехали в местном транспорте, я старался распланировать наши скудные финансы. Моего мелкого Мастера нужно было не только переодеть и привести в порядок волосы, но и накормить нормальной едой, посадить за учебники и тренировки, обеспечить артефактами первостепенной важности... А с учётом таких фортелей на заданиях, мне оставалось только за голову хвататься! Так то хоть могли на охоте заработать...

И да... вернёмся к этому самому клубу. А точнее отвратительному низкобюджетному месту отдыха местных аборигенов. Музыка, напоминающая неумелое битьё барабанов у племён на задворках фиолетовой спирали и такие же танцевальные движения, разве что галлюциногенных грибов не хватает для полного соответствия. Даже одежда такая же — женщины одеты по минимуму и лица выкрашены ритуальными красками, для устрашения противника...

А я ещё бурчал на Ирину. Да она по сравнению с этими ненормально губастыми дикарками, (что они с собой сделали?! Это ритуальное или... нет, не хочу даже думать, каких только странностей в спиралях не бывает) еще очень даже скромно нарядилась, пусть и в мужское. А у некоторых из них из лифа вываливались куски какого то мягкого материала, обернутого в жировую ткань... и сзади....тьфу, ржа!

Я искренне помолился прародителям — даже представлять не хотелось, чтоб моим Мастером внезапно стала одна из... вот этого. Надеюсь, у Ирины нет желания увеличить грудь таким убийственным способом?

О... с галлюциногенными грибами, это я поторопился с выводами. Вон, лакают что то жутко ядовито-зеленое за барной стойкой, отчего глазки сразу в кучку. Не то чтобы я не уважал хорошие согревающие напитки, но местные аналоги вызывали разве что рвотные позывы.

Решено! Как только накопим денег — валим. Либо в миры зеленой, либо голубой спирали. Призму и красную спираль мы пока финансово точно не потянем, оранжевая — скорее торговая, а вот в вышеназванных есть неплохие миры-заповедники. Думаю, Ирина легко соблазнится эльфами, мерманцами или зверолюдми. Заодно и здоровье поправим.

Самое страшное случилось в тот момент, когда Ирина разглядела в толпе изуродованных каким-то злым гением монстров свою подругу и помахала ей рукой. Весь этот шабаш ведьм, увидев нас, громко завизжал, замахал лапами с огромными хищными когтями, раскрашенными в разные цвета и попёр через весь зал к нам, как неотвратимое цунами. Я как-то машинально запихнул Ирину к себе за спину и даже не успел удивиться этим странным инстинктам, всё же я не Броня, а боевой серп...

Через пару секунд выяснилось, что у страха глаза велики, и кинулись на нас не все монстры, а только штук... пять... шесть. И изуродованная изнутри среди них была только одна, остальные просто раскрашенные и с когтями. Даже Ирина Баська под слоем разноцветных красок выглядела страшновато, и когти у нее тоже оказались приклеенные. Уф! Ну, уже легче.

И вот вся эта пестрая толпа девчонок принялась тискать Ирину, очень громко пищать, стараясь перекрыть местную «музыку», и коситься на меня дико любопытными глазами.

Я уже настроился на долгий и тщательный допрос, но Ирина приятно удивила. Она не стала вдаваться в подробности, и пока нас тащили к барной стойке, небрежно так

бросила, мол, знакомьтесь, это мой муж, Микаэль, он приехал из Владивостока и мы помирились.

Понятное дело, из нее тут же попытались вытащить подробности, но в стойкости в словесных баталиях моему Мастеру не отказать. А потому, со мной тоже попытались официально «познакомиться». Баська (что ж у них тут за тяга к собачьим кличкам? У этой вот тоже оказалось роскошное имя — Барбара, зачем его уродовать?!) даже потянулась чмокнуть в щеку, как «почти родственника» и мужа самой близкой подруги. Видели когданибудь кота, уклоняющегося от рук? Я даже испугался, что рукоятка от таких акробатических трюков изогнется...

Но Ирина меня вовремя спасла, объявив, что «нефиг лапать, я ревнивая». Вроде в шутку, но глянула так, что монстро — девушки от меня отстали и дальше лапали исключительно взглядами. Разве что та, которая со вставками вместо груди, всё пыталась мне их продемонстрировать. Была б нормальная грудь, я б даже глянул, а так все время хотелось отвернуться и скривиться — это же жутко больно! И швы... ужас какой, бедные женщины, неужели местные считают вот это красотой? Так, не судить...не судить... а то у меня внезапно аж лезвие зачесалось разобраться с тем, кто это придумал. У кемьянов вон, тоже ритуально член протыкают и гордятся этим. Дикий мир....

Я так задумался, что не понял, кто и когда сунул мне в руки стакан с ядовито-желтым... э... я должен это выпить? Да ни за что! И Ирине не дам, чем мне ее потом от отравления лечить? У нас нет денег на нормального целителя!

Слава прародителям, Ирина заметила мой взгляд и подмигнула:

«Я такое не пью, и тебе не обязательно. Но лучше не отказываться, не отстанут же, а мне сейчас надо «влиться в компанию» и вбросить в их информационное куриное пространство нужную сплетню, пока сами не додумали чего пострашнее. Просто делай вид что пьешь».

Хм, может пока блокиратор и не нужен? Уж больно это полезное умение — чувствовать друг друга при таких ситуациях. Это значит, минус десять мелких кубов из расходов, угу. Хоть одна хорошая новость.

Глава 12

Вокруг гремело, галдело, смеялось, бухало, сверкало и крутилось. В этой вакханалии оказалось очень трудно сохранить концентрацию, особенно с моим уровнем восприятия. Так что тренированное с детства чувство пришлось заглушить, а это усложняло поиск возможной опасности и контроль пространства. Погрузившись в себя, я даже хлебнул бурду из бокала и чуть не выплюнул обратно — гадость редкостная, а содержание спирта как бы не 60–80 процентов.

Не успел я очухаться от столь резкого удара по вкусовым и обонятельным рецепторам, как та самая изуродованная местными обычаями подружка Ирины, вдруг схватила меня за руку и потянула куда-то со словами «Пойдем, потанцуем!» С перепугу я вцепился в стойку так, что девушка, не рассчитывая на сопротивление, просто нагнулась со своих длиннющих тонких каблучков... и упала на меня прямо своей изрезанной и надутой грудью. Ржа! А если лопнет?!

Только этим можно объяснить то, что я ее поймал чуть ли не в объятия. Слишком живо представил себе последствия, и мне стало нехорошо. А вот эта несчастная явно поняла мои намерения неправильно и повисла на мне, едва не клюнув в лицо надутыми губами. Ржаааа! Чтоб вам цвирк весь дом сожрал! Мастееееер! Где мой ревнивый мастер?! Уберите от меня эту инвалидку!

И тут, не получив даже мысленного отклика на вполне яркий призыв, я с ужасом осознал, что Ирины рядом нет. То есть, я ее чувствовал, она была где-то в метрах двадцати, даже не в этом зале. Шум толпы не давал нормально сконцентрироваться, но отключившись на миг от окружения я всё же поймал ощущения... злости, раздражения и страха! Она там с кем-то дерётся!?

Разом забыв, что боялся покалечить местную жертву моды, я буквально за шкварник оттащил ее от себя и кинулся в сторону Ирины, ориентируясь на связь. Толпа мешала, но люди, на удивление, быстро расчистили дорогу, откровенно шарахаясь в стороны. Кажется, ауру не удержал...

В коридор с местной уборной я ворвался на максимальной для обычного человека скорости, где-то на задворках сознания понимая, что палиться с ускорением не лучшая идея. Какой-то местный хмырь решил прижать Мастера к стенке, но и цвирчонок оказалась не промах, зарядив тому по голени носком тяжелого мужского ботинка. Ладно, не буду больше называть их «говнодавами», заслужили...

Мужик слегка согнулся, но разогнуться не успел. Мой кулак прилетел аборигену в челюсть и отправил его познакомиться с кафельной стенкой. А ведь я слегонца совсем приложил, практически нежно.

Так что хмырь даже сознания не потерял, зато вывернулся на меня, как загнанный в угол вонючий сертак.

— Ты кто такой, б...?! Не лезь не в свое дело, утырок! Ты знаешь, кто я такой?! — взъерился этот образчик местной фауны.

— Ублюдок, который пристаёт к моей жене? — сам сказал и сам опешил, насколько правильно это прозвучало. Да... вот она, моя. Мастер ли, или жена — не важно. Прижалась ко мне со спины, выглядывает, кидает на хмыря полные презрения взгляды и при этом фонит благодарностью и моральным удовлетворением. Видимо, достал ее этот урод конкретно... они явно не только что познакомились.

— Отвали, Швецов, — довольно спокойно и холодно сказала тихо матерящемуся противнику Ирина. — Я тебе говорила, что замужем. И ты меня не интересуешь.

— Это мы еще посмотрим... — себе под нос злобно пробормотал ублюдок, вставая и с независимым видом протискиваясь мимо нас в зал. — В институте поговорим, Самгина.

— Идиот, — ругнулась девушка, и вдруг уткнулась мне лицом между лопаток, обхватив руками за талию. Эй, она там плачет что ли?! — Спасибо...

— Пока не за что... — буркнул я, скрывая собственное удовлетворение, но всё же

развернулся и приобнял девушку, успокаивая, — Убивать нам запрещено, но морду набить никто точно не помешает. Сходить с тобой в этот... институт? Обещаю, от целителей минимум месяц не выпишут...

Иринка неожиданно еще отчетливее всхлипнула и замотала головой. Молча. Но от меня так и не оторвалась. Ее била довольно заметная дрожь.

— Так, понял. Добиваем сейчас, — я не знаю, что этот хрын должен был сделать, чтоб довести моего Мастера до такого состояния, и знать не хочу. Парой переломов этот дегенерат не отделается.

— Нет! — Ирина, наконец, оторвала заплаканное лицо от моей груди и торопливо вытерла слезы ладошками. — Ну его нахрен... не в нем дело. Просто напомнил, козел. И я испугалась...

Я покорно кивнул, но мысленно в списки инвалидов записал и ее бывшего мужа. Надо будет ночью какнибудь на «охоту» сходить, женщины уж слишком мягкие. Ну, во всяком случае, теперь есть хороший повод уйти с этого шабаша.

Сразу уйти нам не дали, снова налетела стайка знакомых раскрашенных девушек, среди которых мелькала Ирина. Барбара. Девушка постаралась повиснуть на моём левом плече (правое как раз занимала Ирина), а я был в таком хорошем настроении после хоть и маленькой, но победы, что даже улыбнулся этой детской непосредственности. Проснулось даже какое-то игривое настроение.

— Чёрный тебе идёт больше, — шепнул я на ухо покрасневшей пышке, демонстративно заглядывая в ее декольте, — И имя у тебя всё же красивое.

— Самоубийца, — пробормотала Ирина, дергая меня за рукав. — Выгонять ее из квартиры, если она сейчас в гости напросится, будешь сам!

Глава 13

— Ревнуешь, жена моя? — переключил я внимание на Ирину. Ух, самому странно, как легко выходит называть ее так.

— Охренеть, как ревную, — с обезоруживающей прямоотой согласилась девушка, показывая кокетливо хихикающей подружке кулак. Смех смехом, а слишком навязчиво висеть на мне та перестала. И остальные девушки вроде и посмеялись, но явно приняли к сведению. Побаиваются они ее, что ли? А ведь и не скажешь, что опасна, от стула пару локтей.

И хрону тому хорошенько ведь врезала. Надо будет на учебном полигоне проверить, что-то мне подсказывает, что Мастер не такой уж слепой цвирчонок в боевых искусствах.

— Ириска, ну что ты скучная такая! С чего домой, только пришли! — между тем возмущалась Барбара. — Даже не потанцевали! Руками трогать не даешь, дай хоть полюбоваться!

— Баська, а сейчас ты на нем чем висишь, ногами? — хмыкнула Ирина и вздохнула. А по мысленному каналу от нее пришло ощущение... легкой досады и такого странного нетерпения... она... хочет потанцевать? Со мной? Эм, я конечно, не против, но боюсь не смогу имитировать здешние ритуальные пляски правильно, разве что грибы... то есть вон того зеленого, бокала три залпом.

— «Не вздумай, заржавеешь сразу!» — всполошилась Ирина. — «Этой хренью только ваших зеленых крыс травить! Пойдем... медленный танец потанцуем. А потом домой».

Музыка, действительно, сменила ритм на более плавный, появилась мелодия. Местные сразу либо разбились на парочки, либо ушли к диванам и барным стойкам, а некоторые явно и прицельно искали себе партнера. Это было уже намного привычней и даже чем то напоминало обстановку на приёмах. Разве что, вместо достаточно сложных па, люди просто... стояли обнявшись и покачиваясь. Чем-то напоминало совместный транс, но в отличие от предыдущих кривляний и дёрганий — отращения не вызывало.

Барбару с моего плеча почти сразу снял какой-то рослый детина, откровенно крестьянской наружности. Но взгляд его мне понравился, он одновременно и извинялся за свою партнершу и предупреждал — мол, тронешь — пришибу. В ответ я лишь пожал плечами и одобрительно кивнул, со спокойной душой притягивая к себе Ирину.

— Уф, Мишка пришел, — почему-то обрадовалась Мастер, закидывая руки мне на плечи и прижимаясь в танце. — Все, Баська под прикрытием, потанцуем и можно идти домой. А то я со своим дурацким чувством долга и трусостью вечно потом сижу как дура и караулю эту гуляку, чтобы в такси усадить... она может накоктейлиться и тогда тушите свет, любой козел ее на что угодно уговорит.

Похоже у Ирины пошел эмоциональный откат, она говорила быстро, много и нервно. Стараясь успокоить своего Мастера я по связи послал ей волну безопасности и тепла, а затем склонился и подул ей на макушку. Ритмичные покачивания успокаивали и Ирина в кольце моих рук постепенно расслаблялась. В какой то момент я даже решил, что вот-вот уснёт... но ошибся.

Она вскинула голову и взглянула на меня затаенными поволокой возбуждения глазами. По телу сразу прошлась волна, а в голове замелькали картинки предыдущих... контактов. Не стесняясь ни толпы вокруг, ни всё еще кидающих на нас взгляды подруг, она требовательно потянулась к моим губам. Хорошо, хорошо, Мастер, сейчас наклонюсь, не пыхти так недовольно и не тяни меня за шею. Не знаю, что такое каланча, но надеюсь, это лучше, чем дрын.

Поцелуй вышел недолгим, но приятным. Нас прервала изменившаяся Музыка и совсем потерявшие стыд руки Ирины, которые я вытащил из под рубашки. Нет, я всё понимаю, но боюсь ты и сама потом будешь недовольна. И... уф... вообще:

— Никакого секса, пока уроки не выучишь, — пересиливая себя и собственные желания, всё же сказал я ей шёпотом. Вот понимаю, что сам себе яму рою, но если уж пошел на принцип... мужик я или нет?

— Чего-о?! — Ирина так удивилась, что временно перестала меня тискать.

— Пока не прочтёшь и не осознаешь основные законы призмы — секса не будет, — ммм, прям самому жалко, но на какие жертвы не пойдёшь ради общего дела. Как вернёмся, сразу закажу свод законов...сокращённый...детскую версию. Так, Мастер, вытащи руки из моих штанов!

— Вот значит ка-ак, — задумчиво протянула Ирина. И руки из штанов вытащила. И прищурилась так... что стало слегка не по себе. Ну, это же ради нашего блага, ведь так? Что-то я в своём решении уже сомневаюсь.

— Тогда пошли домой... учиться!

Глава 14

Ириска

Черти меня понесли не вовремя прогуляться до туалета. Расслабилась, дура, в этом клубе мы с Баськой бывали несколько раз и всегда все было нормально... а сегодня не было. Сегодня какая-то... прошмандовка скинула видео со мной и Миком на вацап Швецову. И этот козел, положивший на меня глаз еще полгода назад, решил объяснить мне диспозицию не отходя далеко от «параши», где я и окажусь, если буду дальше выживать. Вместе со своим занюханным кавалером.

Вот такая любовь у него ко мне оказалась. Дословно, блин... меня накрыло дежавю, это был самый настоящий жутковатый привет из прошлого, еще одна иллюстрация того, как быстро весь из себя романтичный нарцисс превращается в чудовище.

А ведь мне казалось, что я смогла забыть все, что делал со мной муж, что я теперь сильная. Даже на курсы самообороны для женщин до сих пор хожу... дура такая.

И пусть в последние три дня жизнь стремительно превращалась в сумасшедший дом и чудеса в решетке. Я была не против. Совсем даже наоборот... когда полузабытая реальность, в которой «влюбленный» мужчина, не получивший взаимности, впечатывает тебя в стену и шипит в лицо матерные угрозы, ворвалась в эту сказку, я почувствовала, что НЕ ХОЧУ! Даже если сказка страшная, даже если все непонятно и опасно... не хочу обратно.

Ох меня и трясло... уже после того, как ворвавшийся в коридор Мик отшвырнул Швецова к противоположной стене. И как мне повезло с Микаэлем, который спас меня не только от конкретного козла, но и от моих собственных монстров из темноты, от воспоминаний и вбитого в подкорку ужаса. Просто тем, что ни о чем не спрашивал, а обнял и пообещал покалечить хоть всех подряд.

Не важно, что это просто слова, хотя он-то как раз всерьез намеревался сделать то, что обещал. Не важно, что проблема от этого не исчезнет... меня отпустило. Вот так раз! По мановению волшебной палочки — и отпустило.

Ну а потом мы танцевали, целовались, все было волшебно-прекрасно-восхитительно... пока сказочный принц ррраз так! Не снял корону и не предъявил рога.

Это он меня сексом что ли шантажировать теперь будет?! Нет, вы видели?! В смысле, слышали?! А нормально, блин, сказать, что... я отказывалась учиться? Когда?!

У нас же просто не было времени на его дурацкий учебник. И учебника тоже не было, кстати. С чего он взял, что я по-хорошему не понимаю?

Недоумение сменилось веселой какой-то злостью и азартом. Секса, значит, не дадим? Воздержание форева? Пока не выучу?

Ну-ну.

В метро я помалкивала, держалась одной рукой за поручень, другой за этого... шантажиста и размышляла. А когда мы выходили из полного вагона, нарочно провоцирующе потерлась об него сначала грудью, а потом и бедрами. Вот типа нечаянно, чтобы выйти. И сделала вид, что ничего не было.

Мих очнулся от своих собственных размышлений, взглянул на меня непонятым взглядом сверху вниз и тоже сделал вид, что так и надо. Только вот то, что мысли он аккуратно прикрыл уже говорило о многом.

Дома я, не откладывая в долгий ящик, с порога приступила к страшной мсте и зверской провокации. Потому что, блин, я его все равно хотела, хоть он и засранец. И чего? Сейчас дам слабинку и буду потом всю оставшуюся жизнь за конфетку на задних лапках прыгать? Щазз!

— Ммм... что-то я устала, — потянула я, вешая куртку в шкаф, а потом прошла к двери в ванную и стала раздеваться дальше... прямо на пороге. — Сейчас сполоснусь и в постель.

В голове непонятно откуда всплыла информация о том, что совсем обнаженное тело интригует и привлекает меньше, чем полуприкрытое. Вот и раздевалась я своеобразно — так, что в результате с меня слиняли джинсы-бюстгалтер-трусики, но при этом осталась футболка из текучего трикотажа «холодок», длиной ровно до туда, откуда ноги растут, которая больше обрисовывала чем прятала. И в этой футболке я сначала задумчиво постояла на пороге ванной, а потом потянулась... так, чтобы она немного приподнялась...

— Поддай, пожалуйста, чистое полотенце? Справа в шкафу, синее-полосатое!

— Хм... — как то задумчиво выдохнул Мик, усевшийся за кухонный стол и закинувший ногу на ногу, — Сама возьми, оно в трёх метрах от тебя.

Я хитро усмехнулась. Что и требовалось доказать... не учел товарищ только одного — к шкафу можно двумя путями пробраться — пешком через диван или боком мимо кухонного столика и одного вредного лезвиеряла.

— Ой, прости... ага, спасибо... ой, извини, я не нарочно, — и невинно улыбнулась, протискиваясь обратно уже с полотенцем, да так, что в какой-то момент он если не рассмотрел, то прочувствовал все, что «прикрывала» футболочка.

Мик стиснул челюсти и проводил меня хищным, испепеляющим взглядом:

— Постарайся побыстрее, мне тоже не мешало бы помыться, прикосновения твоих подружек буквально... горят.

— Да-да, конечно, — промурлыкала я голосом злобной кошечки и мстительно оставила дверь в ванную приоткрытой. Побыстрее тебе, да? Прикосновения горят? Сейчас еще не так загорятся!

Самое смешное, что эта детская игра в страшную мстю с элементами порнографии не на шутку меня увлекла и... возбудила. А что может сделать возбужденная девушка с лейкой для душа при приоткрытой и тонкой двери? Правильно, заполнить комнату самым качественным саундтреком из немецкого кинематографа определенной направленности.

Осуществив первый этап своей страшной мсти, я завернулась в полотенце и уже приготовилась выбраться из ванны, когда в меня вдруг ударило молнией.

Вот буквально! Как током прошло от макушки до пят. Я не сразу сообразила, что пакостный ржавчень таким образом решил отыгаться за все издевательства. Подкараулил момент и кааак дал по ментальному каналу целым букетом всех своих ощущений! Никогда раньше я не испытывала такого дикого возбуждения при виде... меня же. Только со стороны. Его глазами.

Прислонившись к мокрой кафельной стеночке и отдышавшись, я с трудом собрала глазки в кучку и попыталась собрать в ту же кучку мозги. Хе... ну хоть одно положительное обстоятельство обнаружилось: теперь я уверена в собственной неотразимости на все сто.

Хм, эта войнушка в мозгах, она же работает в обе стороны, правда? А мне, чтобы до чертиков захотеть одну противную железную сволочь, даже видеть его не обязательно, достаточно вспомнить... запах... ощущение... вкус...

Тихо застонав сквозь зубы, я несколько отстраненно подумала, что такого рода сексуальный мазохизм в моей жизни приключился впервые, и куда он нас с Миком заведет, вообще непонятно. Но фига с два я сдамся первая!

Стон-рык и захлопнувшаяся менталка были мне самым красноречивым ответом.

— Ну и долго ещё? — спросил хриплый голос из-за двери.

— Заходи, я тебе не помешаю, — сексуальная кошечка во мне тоже изрядно... осипла, но я сделала вид, что все так и задумано.

— Думаешь, твоего корытца хватит на двоих? — он появился в дверях уже голый по пояс, взлохмаченный и с шалыми глазами.

— Ну, в первый раз поместились, — я из последних сил придала лицу самое невинное выражение, и добавила: — впрочем, я тебе уступлю. Мойся, а я пока приведу себя в порядок и подсушу волосы, — и вышагнула из белой эмалированной чаши на пушистый коврик. Но из ванной выходить даже не подумала, взяла с трубы полотенцесушителя маленькое полотенчико и как ни в чем не бывало стала вытирать свою коротенькую пародию на прическу, искоса поглядывая на Микаэля.

Вредный ржавень изучил обстановку, прошёлся взглядом по моей фигуре, прикрытой только полотенцем, и поспешно (слишком, хехе!) сделал вид, что его интересует исключительно гигиена. Протиснулся к ванной. Деловито покрутил краны, нагнулся и продемонстрировал мне свои ягодички, обтянутые породистой джинсой. Потом, удовлетворенно хмыкнув, начал аккуратно стягивать штаны вместе с трусами. Вернее лишь расстегнул и приспустил, а потом застыл с задумчивым видом.

Я облизнула внезапно пересохшие губы, но пока держалась стойко. Волосы сушила. Вся из себя.

— Тут повесить негде, — лукаво улыбнулся он, оглянувшись на меня через плечо. — Ты ведь всё равно выходишь, не забереешь? — джинсы опустились еще на сантиметр ниже и ко мне повернулись... кубиками.

— Не-а, хочу маску для лица сделать(белковую: P), — нахально отозвалась я, делая моську если не кирпичом, то как минимум булыжником. — Да ты не стесняйся, ну чего я там еще не видела? Не бойся, не наброшусь! А штаны вон туда положи, на полочку.

Микаэль пожал плечами и... вот блин же! Как не уговаривала себя, что я большая девочка и на меня всякие... не действуют — ни фига. Хорошо одно: на него тоже действует. И еще как!!!

Кто кого поймал в ловушку теперь вообще непонятно, но оба уперлись и буримся, как два носорога на водопой. Он отвернулся к стене и намыливается... я перестала делать вид, что занимаюсь волосами...

В какой именно момент он оглянулся и поймал мой жадный взгляд своим? В какой момент ментальный канал снова открылся и проглотил нас обоих? Когда мы перестали видеть что-то кроме глаз друг друга?

Да я даже не помню, делала ли что-то, или просто вот так сразу утонула в этом сумасшествии. Тело горело и плавилось отдельно от сознания и вместе с тем чувство единения, кажется, еще никогда не было таким полным.

Секунда... другая... стон... вскрик...

И лавина ощущений накрыла с головой.

Когда мы вернулись в реальность, отдышались и смогли более-менее осознать произошедшее — он в ванне, я на полу у стеночки, мы снова встретились глазами и я выдала первое, что пришло в голову:

— Поздравляю, мы только что совершили первый во вселенной дистанционный секс. Интересно, не положена ли за это открытие какая-нибудь премия?

— Не... — задумчиво протянул Мик, пытаясь отклеиться от кафеля. — Его еще Прародители открыли. Вроде бы когда их разлучила судьба и все такое...

— Угу, их судьба разлучила, а мы сами себе развлечение придумали, — фыркнула я. Мы снова переглянулись и... заржали. Как кони. До слез!

Глава 15

Не смотря на то, что мотивация сексом была признана не слишком удачной затеей... со всех сторон, так сказать, — за учебу Ирина всё же сесть согласилась. Что и озвучила, лежа на мне и болтая в воздухе ногами, я же, в свою очередь, изображал послушный матрасик. Хорошо хоть не на полу в ванной, а уже нормально, на диване.

— Надо вообще всю информацию изучить, — она забавно сморщила переносицу и вздохнула. — Чучундра с ушами. Это ж надо было... впрочем, результат мне все равно понравился, но ты-то! Ты сначала дал бы мне этот свой учебник. Он в Сети есть? Скачать можно?

— Можно... — немного удивился я. — По-хорошему бы лучше со свода законов начать... — подумал немного, затем всё же переспросил: — А если бы дал, ты бы предпочла эти учебники своим?

— Я тебе не какая-то малолетка-первокурсница, — важно объявила Ирина, рисуя пальцем у меня на груди какие-то неведомые фигуры. — Я умею работать с информацией. Так что справлюсь, не в ущерб одно другому. В крайнем случае, сон урежу, я умею.

Я смущенно прикрыл глаза. Ведь действительно, не имея перед глазами другого примера, я судил по себе. А точнее, по своему детству, когда гиперактивного от количества свалившейся на него скверны пацана усадить за учебники можно было только угрозами. Да и возраст и... рост моего Мастера всё же сильно обманывают восприятие. Мелкая она... но не ребенок.

— Давай прямо сейчас и скачаем, — предложила Ирина, мельком глянув на счетчик времени в углу экрана. Включенный ноутбук стоял тут же, на табуретке возле нашего ложа. — У меня еще почти три часа до урока.

— Снова уйдёшь? — я слегка недовольно скривился. — У вас ещё и ночью, что ли, занятия?

— Нет, у меня занятия по скайпу с носителями языка, в удобное для них время, — пояснила Ирина, подтаскивая поближе ноутбук. — Давай, где тут твой учебник? Я буду читать и задавать вопросы по ходу дела...

Мы решили всё же последовать моему изначальному плану и начали с подобия детских энциклопедий и того, о чём должны знать даже самые маленькие Мастера. Книги эти я, скрипя зубами из-за цены, все же заказал, и через десять минут получил от курьера.

Пока Ирина увлеченно рассматривала цветастые картинки с током энергии в парах Мастер-Оружие и возможных способах взаимодействия, я скрупулезно перебирал подобие электронной библиотеки Призмы. Покупать оказалось довольно затратно, так что скорее всего придётся читать онлайн. Заодно и самому неплохо было бы узнать, что за спонтанные желания возникают у Ирины во время миссий. Может, действительно, память крови? Но почему тогда она выдаёт такие фортеля?

— Получается, сексом заниматься не обязательно? — ошарашила меня внезапным вопросом девушка, высывая нос из книги. — А чего тогда я на тебя наб... э... так реагирую? То есть... — она вдруг смутилась. — То есть, я просто реагирую, как женщина. А не как Мастер. И ты мне нравишься, как мужчина, а не как Оружие.

— Скорее, происходит наложение, — глубоко задумался я, тоже немного... хм... смутившись, — всё же твое тело, из-за нехватки части души, требует постоянной... подпитки. Но вот, способ этой подпитки, ты, скорее всего, выбираешь уже осознанно, — я старался отвечать как можно уверенней, а сам поставил себе в мозгах очередную зарубку — посмотреть в Сети информацию и по этой теме.

— Понятно... — пробормотала порозовевшая девушка и спряталась обратно.

К моему приятному удивлению, читала Ирина очень быстро, но далеко не поверхностно: об этом говорили достаточно дельные вопросы и уточнения. Хотя, когда я вначале увидел, с какой скоростью она перелистывает страницы, то решил, что она просто

картинки рассматривает. Благо, в детских энциклопедиях они подробные и яркие.

Где-то часа через два Ирина решительно захлопнула огромный том и погнала меня ужинать, хотя была, как минимум, середина ночи: неподходящее время для еды. Но Ирину это не остановило, после остатков вкуснейшего супа и чая, пожелав мне спокойной ночи, странная женщина залезла в нишу над ванной, каким-то чудом поместившись там вместе с кошкой, и через пару минут начала общаться с ноутбуком. Причём, если мне не изменяет внутренний переводчик, — происходило это на другом языке. В какой-то момент любопытство пересилило, и я мягко скользнул в ее разум, стараясь увидеть картинку ее глазами. А... наш аналог проекции для дальних переговоров.

Сначала Мастер обсуждала с пожилым мужчиной методы... воспитания? Или преподавания? Эмм, так в своём возрасте она УЖЕ учитель? А вот фраза про «недопустимость грубого шантажа в обучении детей» — это явно пинок в мою сторону.

А через некоторое время собеседник у Ирины поменялся. Теперь это была молодая девушка ее возраста, да и язык снова был другой. Там стало присутствовать много странных шипящих звуков. Будто у говорящих не хватает парочки зубов... Но вот тема разговора заставила меня откровенно зевать, типично женская: какие-то «фильмы», книжки, косметика, мальч... о, так, это уже можно послушать.

Хм: «новый парень, ой, такооой, потом расскажу, пока рано», это, интересно, про меня? Так я ж вроде «муж»...хм... а, ладно, глаза уже слипаются.

Не знаю, сколько она еще там болтала. Я уснул. Почувствовал только, как через какое-то время Мастер, отвоевав кусочек одеяла, пристроилась ко мне под бок.

Глава 16

Будильником снова подрабатывала Ирина кошка. Топала эта животина только по мне — почуяла, что вместо куриного филе хозяйка снова накормит той трухой из костной муки, крахмала, мочи и крови с консервантами и ароматизаторами. Брррр!

Укоризненно посмотрев на нахалку, всё же привстал, стараясь не разбудить девушку. Слишком поздно она легла, а организм у нее ещё хрупкий — человеческий.

Вот тоже придумала себе повод не высыпаться. Зачем? Она же Мастер! Интуитивное знание любого языка у нее в крови.

Миров много, а языков еще больше. Если бы жители Призмы изучали каждый язык отдельно, то нам бы и тысячелетия не хватило. Мы просто с рождения учимся правильно настраиваться на нужную волну.

Сложности возникают разве что с теми языками, которые ты физически сам не можешь воспроизвести. К примеру, некоторые жители голубой спирали разговаривали с помощью эхолота. Понять-то мы их поймем, а вот «спеть» так же можно только при наличии специальных артефактов.

Если постараться, можно научиться даже с животными разговаривать, просто это обычно никому не надо.

Пока я сладко потягивался, попутно размышляя на всякие философские темы, меня слегка прикусили за пальцы на ногах. Оу, да иду я, иду. Не ругайся, сейчас дам пожрать, укротительница цвирков. Тем более, что тебе нужно поднакопить сил, скоро разводиться будем.

— Предательница, — пробурчал комок из одеяла, когда благодарная кошка, быстро смолотив мясо, вернулась ко мне на колени и принялась громко выказывать свою благодарность. — Ко мне так не приходила!

— Скорее, подлиза, — защитил я пушистую прибыль, вылизывающую мои пальцы. — Я вообще кошек не очень люблю, но полезность именно именно этой особи — неоспорима.

— А я люблю, но без взаимности, — фыркнул смешной и встрепанный цвирчонок, выныривая из одеяла и бесцеремонно хватая кошку поперек пуза. У животного мгновенно стала такая морда... на которой большими буквами написано: «ну что возьмешь со слабоумной, кроме вкусного корма, а за него потерплю... пару минут».

Короткие светлые прядки на Ириной голове примялись и торчали колючками в разные стороны, и в целом белобрысый шушрик, тискающий черного плюшевого зверя, смотрелся очень забавно.

— Ну, скорее всего — это и есть причина, — хохотнул я, — Зачем подлизываться к тому, кто и так любит. Она просто чувствует твоё отношение и пользуется на всю катушку.

— Вот так всегда! — патетически провозгласила Ирина и отпустила кошку, которая сразу сделала крайне независимую морду, отошла на другой край дивана и стала вылизываться с видом «помяли, изверги, всю прическу!»

В целом, утро прошло приятно, вот в таких коротких домашних происшествиях, с запахом свежесваренного кофе и уюта. Не думал, что в этой норе, на задворках спирали, подобное вообще возможно... Но новую мебель купить не помешало бы. И вообще, вряд ли дело именно в месте пребывания. Скорее в... присутствии определённой личности. Ну и кошки. Наверное.

Но как бы мне не нравилось это странное чувство, дела важнее. Так что я и сам собрался, и Ирину собрал. Она бухтела что-то про «коллоквиум» и «институт», не слишком громко, а потому возмущения не были приняты к сведению. Жизнь — важнее. В конце концов, с тяжёлым вздохом, Мастер согласилась и собралась ... нам сегодня обязательно надо было получить карточку стажера. Обязательно!

Ириска

Ненавижу бюрократию! А иномирную бюрократию ненавижу вдвойне!

Ххе, надо было видеть глаза девушки-секретарши, когда я с самым независимым видом (под мысленное суфлирование Мика) взяла со стойки бланки, заполнила и шлепнула перед ней на стойку оформленное по всем правилам заявление на «Карту стажера».

Микаэль опять был в своем «рабочем» состоянии. Он объяснил, что так будет лучше, сразу подчеркнет, что я даже если и стажер — все равно самостоятельная личность и Мастер. И все такое. Ну понятно — статусные пляски, они и в захолустном отделении дальнего мира статусные пляски... и он был прав. Какими бы глазами на нас не смотрели, а карточку выдали.

Правда, не сразу. Мне даже показалось, что секретарша нарочно тянет время, чуть ли не с лупой изучая заполненные бумаги. Но в конце концов она сдалась и выложила на стол этот их стажерский артефакт.

Такой золотисто-белый прямоугольник, чуть больше кредитки, с черными вкраплениями. Никаких надписей или рисунков, просто плоская... скорее все же коробочка, чем карточка, толщиной эта штука была почти в сантиметр.

— Вашу рабочую руку, пожалуйста, — секретарша опять выставила на стол то самое кусачее пресс-папье, которое в прошлый раз уже отведало моей кровушки, а сама почему-то при этом покосилась на одну из дверей.

«Все правильно, сейчас твои данные внесут в общую базу мастеров, и с этого момента ты будешь признана официально, как Мастер-стажер», — подбодрил Мик.

Я чуть напряженно улыбнулась, но покорно напоила кровью их вампирячий артефакт, дождалась, пока он сыто тилибомкнул, и поспешно убрала руку.

Карточка почти сразу сменила цвет, налилась чернотой, в которой золото просвечивало мелкой звездной россыпью. Секретарша как-то разочарованно сморщилась, а Мик у меня в голове удовлетворенно вздохнул. Значит, все в порядке.

Небрежным жестом спрятав полученное в карман, я уже развернулась уходить, когда ярко-оранжевая дверь в противоположной стене с грохотом распахнулась, словно в нее с той стороны как следует шибанули тараном, и в приемную влетела...

Глава 17

Валькирия. Самая натуральная! Длинные медно-рыжие волосы, заплетены в две толстенные косы до пояса, очень бледная кожа с едва заметной золотистой россыпью веснушек, зеленые глаза горят каким-то потусторонним огнем... одета Валькирия была в узкие черные штаны и шелковую белую блузу с коротким рукавом, стянутую кожаным корсажем на талии и перечеркнутую ремнями своеобразной перевязи, на которой, видимо, и крепилось здоровенное копьё с затейливым наконечником, которое торчало у дамы из-за плеча.

Кроме копьё у этой воительницы был небольшой круглый щит, пристегнутый ремнями в правому предплечью, а из-за голенища высоченного кожаного сапога торчал внушительных размеров ножичек.

Я смотрела на это видение во все глаза и поэтому не сразу заметила, как мой боевой серп впал в прострацию. А Валькирия, не обращая на меня никакого внимания, метнулась к стойке секретарши, впечатав ладонь в стол:

— Где? Он? — емко и внушительно выговорила она, буквально пригвождая взглядом девушку к ее креслу. Выдрочка пискнула что-то неразборчивое и втянула голову в плечи, во все глаза таращась при этом в нашу с Миком сторону. Ой, что-то не нравится мне все это...

«Ми-ик? Это кто?» — вопросительно потянула я, отступая к двери. Но не успела.

«Т...т...тётя Мариэлла» — буквально просипел у меня в голове парень, когда великолепная воительница повернулась к нам и включила своей зеленый рентген на полную мощность.

— Так, — сначала осмотру и просвечиванию подвергся Мик, потом я, потом Валькирия нахмурилась и повторила в обратном порядке.

Она сделала шаг, другой, я, наоборот, инстинктивно отступала. Черты ее лица немного смягчились, приобрели даже какое-то доброжелательнее выражение. Но судя по тому, как мысленно попрощался с жизнью мой боевой Кос, это была доброжелательность притаившегося крокодила.

— Значит, ты и есть Ирина из клана Самгиных? — она чуть прищурила глаза.

— Я и есть, — честное слово, если бы я четвертый год не училась у Галперии... в смысле у Галины Петровны Рикман, грозы и гордости кафедры иностранной лингвистики... я бы просто развернулась и дала стрекача. А так — даже голос не дрогнул! Прямо горжусь собой.

— Не бойся, малышка. Я тебе не враг, — светло улыбнулась эта замаскированная крокодилиха, и я невольно сглотнула. — Можешь звать меня Мариэлла.

— Очень приятно, — я кивнула и мысленно пнула Мика, чтобы не умирал раньше времени. Парадокс, если бы я была одна — так и тряслась бы дальше, а вот его ступор на меня подействовал как хороший отрезвляющий и мотивирующий пинок.

— Я клянусь, что причинять тебе вред не собираюсь, — серьезно сказала «тётя» и заметив мой взгляд, кинутый на Мика, поспешно добавила, — Микаэль тоже в безопасности, хотя и заслуживает как минимум хорошей выволочки. Надеюсь, он и сам это прекрасно понимает.

— Ммм... спасибо, я приму к сведению, — вот всегда со мной так — когда не знаю, что говорить или делать, включаю опцию крайней вежливости. Обычно помогает... хотя вообще — фиг ей, а не выволочки моему Мику устраивать.

За стойкой завоzilась секретарша, пряча любопытный взгляд. А еще она явно что-то хотела сказать рыжей гостье, но не решалась. Потому что эта... Мариэлла словно вообще забыла, что мы тут не одни.

— Хм, Ирина, как насчёт того, чтобы поговорить в более подходящем месте? —

Валькирия вопросительно приподняла идеальную бровь. — Я совсем недавно с охоты и успела изрядно проголодаться, если честно. Естественно, так как я — инициатор нашей встречи — то все расходы возьму на себя, тебе не о чем волноваться.

Она прямо танком наезжала, сходу отменяя все мои возможные возражения. А у меня, как обычно в такие моменты, первым делом включился дух противоречия.

И я уже собиралась вежливо отказаться, но тут вмешался Мик.

«Соглашайся» — глухо раздалось в голове. — «Тётушка... своеобразный Мастер, но очень честный и никогда не опустится до откровенной лжи. А ещё... если она чего-то хочет — она этого добьётся. Мы только время на отговорки потеряем и отношения испортим. Хотя мне-то портить уже больше некуда...» — его старая боль вновь проснулась и кажется, даже лезвие... посерело. Ой, бли-ин!

— Садани им об стол, — вдруг посоветовала мне женщина, — Нашел время загоняться.

— Спасибо, мы сами решим эту проблему, — если моя ответная улыбка и напомнила кому-то оскал моськи, которая лает на слона, то это его проблемы. Понятия не имею, что там между ними было раньше, а теперь это МОЙ... Мик. И «добрые советы» мне не нужны. Но упираться больше не стала и все же пошла с Валькирией в ее так и сияющую оранжевым неоном дверь.

Глава 18

Ух ты-ы-ы! На секунду все проблемы вылетели из головы. Ну а как по другому-то? Когда вдруг вместо банального ламината под ногами оказывается звездное небо?!

Я даже не сразу сообразила, что это просто прозрачный пол огромной космической станции, медленно плывущей мимо газового гиганта... а-бал-деть!

«Оранжевая спираль, Четыре Кольца» — тихонько просуфлировал Микаэль у меня в голове. — «Это мир, построенный на кольцах огромного газового гиганта в системе третьей по величине этой спирали красной звезды. Внешнее кольцо — оборонительное, второе по счёту — огромный рынок и торговые кварталы, третье — жилой сектор для обычных людей и четвёртое, самое маленькое и близкое к планете, — элитное. А мы сейчас в самом центре четвертого, на смотровой площадке. Наверняка Мариэлла специально открыла дверь именно сюда, чтобы сразу произвести на тебя впечатление...»

«Охренеть крутизна!» — согласилась я, вытягивая шею и разглядывая глаз бури на поверхности планеты. — «Ладно, ради одного этого зрелища я готова выслушать твою... тетю».

Долго любоваться мне не позволили. Пока я разглядывала глубины космоса, одна Микова родственница успела превратиться в четыре. В смысле к тетке прибавилось еще аж три мужика. Судя по тому, что из ее экипировки исчезли копье, щит и кинжал...

— Я надеюсь, ты еще не совсем забыл о правилах приличия, Микаэль, — выдала тетка спокойным таким голосом школьной училки на собрании. — И не заставишь твоего матера таскать тебя в руках тогда, когда уже вполне можешь и сам передвигаться.

«Выпусти меня из рук» — попросил Мик, а ведь я и сама не заметила, что мои пальцы на рукоятке косы побелели от напряжения. Как только я смогла их разжать, рядом со мной стоял уже парень. Бледный, с лихорадочно блестящими глазами, смотрящими строго в пол.

— Если ты так и продолжишь утопать в собственной вине, я ударю тебя ещё раз. — практически с рыком в голосе сказала Мариэлла.

— Но я не смог... — начал было Мик, на глазах съезживаясь и словно покрываясь ржавыми разводами даже в человеческом облике.

— Естественно, как будто пятидесятилетний юнец смог бы что-то противопоставить матерому дикарю. Тебе моя племянница жизнь подарила, а ты ее в ржу спускаешь, металлолом неблагодарный?!

— Стоп! — резко прервала ее я. — Не знаю, о чем вы, но не позволю разговаривать с МОИМ... оружием в таком тоне. Извините! — правда, ни капли вины в моем голосе не было, а Мика я поймала за руку и сжала его холодные пальцы с решимостью медведицы, защищающей своего... да нет, какой он, нафиг, медвежонок! Он взрослый, сильный, умный и решительный. И нахер таких родственников, которые пытаются убедить его в обратном!

Последние я и транслировала ему по ментальной связи. Микаэль посмотрел на меня чуть ошарашенно и испуганно, но с благодарностью.

— Ох, прости, малышка, — сложила бровки домиком Мариэлла. — Но и ты пойми, это Оружие, по-хорошему, всё, что осталось от моей горячо любимой племянницы. Я хотела его встряхнуть и хоть и грубо, но выбить из кокона собственных переживаний.

— Спасибо, но пока вы не появились, он в этом коконе и не сидел, — довольно сухо парировала я. — Мы вполне справляемся, и никто не собирается умирать. А без его помощи я уже бы тот свет обживала.

— Я знаю, — кивнула эта тетушка. — Мне доложили о твоей ситуации. И это будет одна из тем нашего разговора. Гейр, мобил уже подъехал? — обратилась она к самому

старшему из троих молчаливых «статистов», стоявших все это время у нее за спиной. Я только теперь сумела сфокусировать на них взгляд, и оценить, так сказать, модельный ряд. Блондин, брюнет и рыжий, даже как-то... м... банально. Но все трое накачанные, с правильными аристократическими чертами лица и при этом каменными мордами потомственных чингачгуков. Ни одной эмоции не пройдет! Вот наш девиз!

Кстати, Мик по нашей мысленной связи быстренько передал, что зовут этих истуканчиков Гейр, Клив и Гуннар. А мой мозг, то ли профессионально замученный германским словообразованием, то ли внезапно прозревший, машинально перевел: Меч, Щит и Копье. Угу, оригинально — умереть не встать!

Так или иначе бежать все равно было некуда, не скакать же козликом по незнакомой космической станции, с Косой наперевес. И мы с Миком без протестов сели в подплывший... капля такая приплыла, оранжевая и текучая. И открыла дверку, точнее, дырку в блестящей и мокрой на вид поверхности. Туда мы и забрались под конвоем Валькирии и остальной ее скандинавской мифологии.

Честно сказать, мне так не нравился ментальный фон Микаэля и те взгляды, которые бросала на него Мариэлла, что я даже на чудеса фантастики почти не реагировала. И ресторан меня не впечатлил, весь из себя футуристический — столики словно парили в открытом космосе, а официанты перемещались между ними не «пешком» а «летком».

Мы уселись за столик, что-то там заказали, и даже выпили какого-то сока. И только после этого микова тетушка решила все же начать разговор.

— Давай я кое-что поясню, — начала Валькирия, смотря мне в глаза. — Видишь ли, Микаэль вообще не должен был оказаться на том ржавом складе. Нет, постой, — махнула она рукой в мою сторону, — никто его у тебя не отбирает, во всяком случае насильно. Сначала дослушай.

Я пока просто промолчала. Чтобы понимать, откуда придет опасность, надо ее выслушать. А то, что опасность существует, ощущалось буквально кожей. И... менталом, наверное.

— Когда боевой серп моей племянницы проходил реабилитацию, о списании его в утиль даже разговора не было. Мы... ну, во всяком случае я, собиралась пристроить его одной из моих сестер, а то и взять на время себе, чтобы привести в порядок. Смерть Мастера для оружия ужасна, но не фатальна. И при правильном уходе и мотивации, работоспособность и психику вполне можно восстановить.

От Микаэля повеяло даже не удивлением, а скорее полным охренением. Я буквально видела, как разлетается на осколки его восприятие реальности, как в его голове роятся сотни вопросов, но он просто боится их задать. Кажется, он всерьез верил, что его считают предателем... что его сознательно бросили, выкинули, списали. Вот блин!

Я нашла под столом его заледеневшую руку и сжала. Мне ли не понять... ответное пожатие было слабым, но оно было!

— Я еще разберусь, почему отличная, в перспективе, конечно, боевая коса оказалась на сыром складе в третьесортном мирке. Увы, но разобрать на органы дикую тварь, убившую мою племянницу, мне тогда показалось важнее, чем самой проследить за его восстановлением, — кажется, женщина действительно об этом сожалела, потому что один из «чингачгуков», копьё — Гейр, вдруг аккуратно провёл ладонью по ее плечу. У них, явно, тоже происходило ментальное общение.

— С другой стороны, все, что ни делается, к лучшему, так у вас говорится? Ведь не окажись там Микаэля, вряд ли ты смогла выжить. Я посмотрела — ни у кого из той ржавчины просто не хватило бы сил закрыть прореху в твоей душе.

И я опять промолчала в ответ, только кивнула. А что говорить-то? Но от меня на этом этапе никаких слов и не требовалось, поскольку Мариэлла явно удовлетворилась моей реакцией и продолжила уже более уверенным тоном:

— Когда я подняла всех на уши и нашла, куда отправили Микаэля, выяснилось, что ты уже забрала его и оформила опекунство. Повторю ещё раз — к тебе по этому поводу

никаких претензий, — она отпила сок и продолжила. — Но ты же понимаешь, что я постаралась найти о тебе всю возможную информацию. Клана Самгиных нет и никогда не было. И Мастера с именем Ирина Самгина тоже не существует. Ни в одной базе, ни в одном мире, ты нигде не зарегистрирована и формально... — тут она даже снизила тон голоса, словно стараясь говорить помягче, — не имеешь права на опеку. Понимаешь, что это означает?

Глава 19

Ментал буквально обожгло мгновенным страхом, и я не сразу поняла, что страх этот не мой. Я еще просто не успела испугаться. Это были чувства Микаэля, это его рука стиснула мои пальцы до боли. А еще там, в его голове и душе, помимо страха было много чего... и вот так сразу распознать, пропустить его чувства через себя не получилось.

— Поэтому я, как глава клана, которому принадлежал Мик, приняла решение, которое устроит всех, — Мариэлла, судя по всему, сочла наше молчание обнадеживающим знаком. — Микаэля я, как и планировала, передам одной из моих сестер. Там ему живо вправят мозги, и... впрочем, это частности. А ты станешь приемной дочерью нашего клана, мы решим проблему с тем дикарем, что покусился на твою душу, привяжем к тебе подходящего, чистокровного и проверенного мужчину-оружие, и ты проживешь спокойную, счастливую жизнь в клане. Родишь детей, и...

— Спасибо, но, боюсь, это решение меня не устраивает, — твердо перебила я уверенно вещающую женщину. И взгляд не отвела, когда недоумение в ее глазах сменилось досадой и даже, кажется, сдерживаемым гневом.

Микаэль как-то странно застыл рядом со мной, и судя по всему, тараканы в его голове устроили настоящую битву стенка на стенку. А поскольку их там было до фига как много и все разные, четко опознать их не удавалось. Но одно я уловила — никакого однозначного ликования по поводу возвращения в клан мой Кос не чувствовал.

— Ты понимаешь, что я просто могу заявить свои права на недееспособное оружие, принадлежащее нашему клану? И заберу его? — внешне спокойно проговорила Мариэлла, но то, как напряглись ее «чингачгуки», говорила само за себя. — И ты либо пойдешь с нами, либо погибнешь. Пока ты не Мастер, пока у тебя нет лицензии или как минимум карты...

— Стоп еще раз, — кто бы знал, чего мне стоило это внешнее спокойствие! Впрочем... Мик знал, он не мог не чувствовать меня так же, как я сейчас чувствовала его. — Извините, уважаемая, но у вас неверная информация.

И я, изо всех сил стараясь двигаться неторопливо и уверенно, достала из кармана и выложила на стол карту стажера, которую получила буквально за две минуты до того, как в мою... нашу жизнь ворвалась эта Валькирия.

Судя по всему, как все замерли, никто от меня этого не ожидал. Ну, кроме Мика. А еще мне стало понятно, почему гримза в офисе тянула время и что она хотела сообщить не снизошедшей до нее Мариэлле.

Какое-то время над столиком висела прямо-таки космическая тишина, а под нашими ногами в пустоте разворачивалось кольцо новорожденной галактики, словно подчеркивая сюрреалистичность происходящего.

— Что же... — первой нарушила тишину Мариэлла, вставая из-за стола. — Простите, дети, но я вынуждена обратиться в совет и аннулировать этот фарс, — она небрежно кивнула на мою стажерскую карту. — Ты, Ирина, покалеченная полукровка без части души и мало-мальского знания жизни, Микаэль — невменяемый мальчишка со склонностью к суициду. Я не дам вам угрожать друг друга. Не хочу иметь на своей совести этот груз. Увидимся в комиссии по аттестации. Счет я оплачу, не беспокойтесь. И провожу вас до того места, где вы изволите обитать, чтобы иметь возможность вас найти в любой момент. Надеюсь, Микаэль, ты объяснишь своему Мастеру, — ух, сколько сарказма она вложила в последнюю фразочку! — что скрываться бесполезно.

Пов Мика

Это так странно, когда весь мир рушится, а затем вновь собирается из осколков. Только картина этого мира совершенно другая. Только что ты думал, что ты предатель, что те, кого ты называл семьей, искренне тебя ненавидят, причем заслуженно! И выбрал уйти

самому.

И вдруг реальность врывается в твою жизнь длинными рыжими косами тёти Мариэллы и переворачивает всё с ног на голову.

Оказывается, ты не презираемый и не брошенный всеми страдалец, а глупый ребёнок, который не понял чужой заботы о его жизни и здоровье. Тётя всегда была прямолинейной и никогда не стала бы врать, потому не доверять ей теперь у меня не было никаких оснований. Странно чувствовать одновременно облегчение и... стыд за собственную глупость.

В моей голове царил сумбур. С одной стороны хотелось преданным щеночком бежать в сторону такой привычной, беззаботной, и приятной жизни, к которой я привык с детства. С другой на меня смотрели глаза моего нового Мастера. Такой маленькой, беззащитной, и в то же время упрямой, веселой, умной. От одной мысли, что нас разлучат, почему-то сомнения поднимались в груди.

Да и не стоит врать себе, мне понравилось быть самостоятельным. Самому решать не только за себя, но из-за своего мастера. Быть нужным, заботливым, сильным. Рядом с ней, такое ощущение, что становишься не только оружием но и... мужчиной, что ли?

Но всё же, может, Мариэлла права? Главная проблема Ирины — это отсутствие кусочка души. Вдвоём мы вряд ли сможем поймать дикаря. А её жизнь точно стоит дорожке моего желания быть самостоятельным. Может, еще удастся уговорить тётю оставить нас в паре...

За этими мыслями я даже не сразу осознал, что моя Мастер резко и категорично отказалась от помощи, а в ее душе прямо таки взметнулся гейзер горечи, отрицания и твердой, как скала, убежденности, что больше никто и никогда не будет решать за нее. Кроме того, кому она сама доверилась...

Карточка стажера не стала нашим спасением, нет. Но она давала нам время и возможность обдумать ситуацию более тщательно и решить ее... вдвоём. Неделю, вряд ли больше.

Я настолько ушёл в себя, что не сразу заметил, как Гейр «постучался» ко мне в мысли:

«Покажи координаты» — как всегда сухо и по делу, но в этот раз он отступился от собственных же традиций: — «В семье беспокойно. Наша Мастер слишком честна и прямолинейна, к тому же, много времени уделяет охоте и не интересуется внутриклановыми играми. Она плохо разбирается в политике. Возможно... тебе лучше не возвращаться и попробовать жить без поводка». Лицо его осталось непроницаемым, но мысленно я чувствовал подбадривающую улыбку. Гейр... он мне отца заменил. Ведь хоть и выглядит этот истукан еще молодым парнем, ему уже за тысячелетие наберется, как и его Мастеру.

Глава 20

А потом мы с Ириной как-то внезапно остались одни... в своей норе. С минуту мы просто стояли недалеко от порога, приходя в себя, а через пару мгновений Мастер порывисто обернулась, обняла меня поперек груди и уткнулась в меня носом. Потом подняла на меня голову и... улыбнулась. Хотя я чувствовал, что ей совсем не весело, а все так же страшно и непонятно, но улыбка тоже была настоящая и искренняя... вот как так? Женщины...

— Эй, там, Мишка на Севере... не спи, замерзнешь! Что делать будем?

— Я... пока не знаю. Смотря какой путь мы выберем, — я обнял ее в ответ и замотал я головой, но тут же почему-то переспросил: — Почему на севере? И почему медведь?

— Конфета такая есть. Я ее с детства больше всех люблю, и она здорово помогает, когда все совсем плохо, — Ирина вдруг смешно, как шуршик, облизнулась, отпустила меня и прямо в ботинках прошагала к кухонному уголку.

— Вот, на... как раз две последние. Съешь и решение само найдется, примета такая! — она вручила мне большую шоколадную конфету, на обертке которой был нарисован странный белый зверь во льдах. — Ты у меня тоже Мик. Мишка. Лекарство от всех проблем...

Я повертел лакомство в руках, не совсем понимая, как обычная сладость может решить проблемы, но всё же аккуратно раскрыл шелестящую обертку. Мастер следила за мной с какой-то детской непосредственностью, как будто в ожидании чуда. А ещё, по каналу ментальной связи, я четко почувствовал, что конфеты действительно последние. И покупает она их поштучно, именно для того, чтобы заедать настоящую боль. На простое удовольствие денег нет... и никогда не было.

Ирина тем уже запихнула свою конфету в рот, и, судя по ее блаженной физиономии, действительно считала, что жизнь стала проще.

— Мастер, — обратился я к ней практически официально, — а чего хотела бы ты? Есть у тебя какая-то заветная мечта?

— С чего ты это спросил?

— С самого детства я жил в клане, вся моя жизнь, все моё существование было давно расписано за меня. Я просто не знал иного пути и думал, что это и есть моя мечта. Сейчас все это воспитание буквально кричит — подчинись! И все станет как раньше. Но, кажется, что-то внутри меня против. Я пока ещё не разобрался...

— Ешь, — Ирина вздохнула, отобрала у меня конфету, сама развернула и поднесла сладость мне к губам. — Ешь, а потом поговорим. У меня много чего накопилось... сказать. А если я что-то понимаю неверно, ты меня поправишь.

Конфета действительно оказалось вкусной. Мягкой, и в то же время хрустящей. А еще неожиданно было вот так... с Мастером. Как с равной, как с партнером, а не... Я ведь даже не замечал этого, не воспринимал, что наше поведение нетипично, ведь ситуация совсем другая. И Мастер вроде и не Мастер. Уу... сам путаюсь.

Но тётушка Мариэлла наглядно напомнила, как должно выглядеть общение Мастера и Оружия. И выглядело всегда... но раньше это казалось единственно верным. А теперь?

Мы еще какое-то время сидели на ее колченогом диване и наслаждались сладким послевкусием. Потом Ирина подвинулась ближе, прижалась к моему боку и неожиданно серьезным, четким голосом заговорила:

— У меня пока не полная информация. Но из того, что я вчера узнала ясно одно: твоя тетя предлагает нам клетку. Золотую, комфортную, но клетку. Я не Мастер, и стать им мне не позволят — заставят рожать от выбранного ими производителя.

Она была права, я и сам знал, как это бывает, но пока слова не сказаны вслух, себя еще можно обмануть. А Ирина не оставила на это даже шанса:

— Твоя дееспособность тоже под вопросом, и гораздо выгоднее оставить тебя в этом статусе навсегда. Я не знаю... — она рвано выдохнула, но тут же упрямо нахмурилась и продолжила: — Я не знаю, что лучше для тебя. Но я сама скорее умру быстро, чем буду медленно тухнуть в чужой клетке.

— Значит, вернуться — не вариант, — я вдруг чётко решил все для себя, и от этого сразу стало легче. Если раньше я ещё сомневался, будет ли для Ирины наш одинокий союз лучше, чем счастливая и беспечная жизнь в клане, то после ее пояснения... Да и самому хотелось понять, смогу ли я так же... летать. — Тогда, у нас есть единственный вариант. За эту неделю ты... нет, мы обязаны сделать из тебя полноценного Мастера.

— Ты знаешь, как это сделать? — на полном серьезе переспросила девушка, заглянув мне в глаза. Не усомнилась даже, не обозвала идиотом... просто решила и теперь ждала от меня того же.

— Ты должна набрать достаточное количество скверны, чтобы претендовать на пятую ступень. Если ты успеешь стать полноценным Мастером до того, как Совет аннулирует твою карту стажера, уже никто и ни к чему не сможет нас принудить. И опекунство станет законным.

— Значит, будем набирать, — решительно кивнула моя малявка, и это даже не выглядело смешным. Эта будет набирать... и не сдастся.

Глава 21

Оружие

— Все не так просто. Сотню мелких заданий, как я вначале планировал, мы по-любому сделать не успеем, — нахмурился я, — можно заменить десяток мелких одним средней сложности, ведь чем сильнее тварь — тем скверны больше. Но... это слишком опасно. А еще нам понадобится нормальное снаряжение, на которое у нас нет денег.

— Справимся, — Ирина поджала губы. — Подготовимся как следует. У тебя есть опыт, ты сумеешь меня защитить, если что. И подсказать. Обещаю, что буду беспрекословно слушаться и не буду зря рисковать.

Вот честно, сам не ожидал от себя такого, но я банально покраснел. Ее вера в меня буквально заставляла душу петь и будущее уже не казалось настолько серым, а ситуация безвыходной. Сможем. Вместе — сможем. Я улыбнулся, кивнул и неожиданно для себя самого потянулся за поцелуем. Ирина ответила так, что на некоторое время все проблемы просто вылетели у меня из головы.

— Мммииииоооуруруру! — раздалось вдруг у нас за спиной, и мне под локоть просунулась черная плюшевая морда. Кошка странно топталась по кровати, прогнув спину и выгнув в сторону хвост. — Мяруруру!

— О, блиииин! — застонала Мастер и уткнулась лбом мне в плечо. — Прощай, спокойствие! Сосиска вышла на тропу войны! В смысле, на тропу секса...

— Мда... хотя... а вот нам и деньги на артефакты, — засмеялся я, беря на руки ласкающуюся животину.

— За неделю мы даже кота найти не успеем, — возразила Ирина, с недовольным видом ероша кошачью шерсть.

— Ну значит, на будущие артефакты, — почему-то ощущение, что мы обязательно справимся, никак не хотело покидать меня, — а пока давай-ка воспользуемся тренировочным полигоном. Я научу тебя мной сражаться!

Ириска

Изверг железный! Зачем я только согласилась... мамочки. У меня никогда в жизни так не болели... не болело ВСЕ!

А вредный ржавень, притащивший меня на «полигон», еще и покрикивал, и даже подгонял какой-то палкой. И все приговаривал, что чем сильнее я уломаюсь, тем больше скверны потом он сможет пропустить сквозь мое измученное тельце и от этого оно всячески волшебным образом окрепнет и заматереет. Метод болезненный, архаичный, сто лет не используется... но нам деваться некуда, даже ритуалы предков в ход пошли.

Как только я доходила до предела и падала от изнеможения, меня обнимали, гладили по голове и вливали скверну, немного, но достаточно, чтобы через какое-то время начать все по новой.

Кончилось тем, что я потеряла счет времени, а потом в какой-то момент окончательно упала, растянувшись на пыльном полу заброшенного полигона бескостной лужицей. И только тогда железный садист прекратил издевательства, превратился обратно в заботливого Мика, бережно собрал меня в кучку, взял на руки и понес... в ванну. Родную, домашнюю, восхитительно тесную и ничем не напоминающую о фантастическом садизме в моей жизни.

А потом Мик сделал мне массаж... такой... что я пищала и визжала на всю Ивановскую, радуясь одному: в старом сталинском доме стены толстые, и ни один сосед не прибежит спрашивать, зачем мы убиваем много-много кошек.

Больно, блин! Мышцы и так противно ныли, а он в них пальцами! И даже кулаками, и... если у меня где-то там в мутных осколках сознания и мелькали некие ошметки фривольностей, то после подобной «нежности» они даже пикнуть не смели. Не знаю уж, что там думал Микаэль, разбирая по косточкам мое обнаженное тело, может, и хотел чего. У меня даже на ментальное общение сил не осталось, и единственная мысль, которая еще плавала в еще бодрствующем кусочке мозга, на цензурный человеческий переводилась примерно так:

«Будешь трахать — не буди».

Последнее, что я запомнила, перед тем, как мутные воды сна унесли меня в никуда, это сдержанное хрюканье истязателя и его ментальный хмык:

«Действие должно быть двухсторонним», — это если вежливо, а если нет, то: — «Некрофилией не страдаю, смертушка моя. Подпись: Твой Кос».

Если бы я не уснула, я бы подумала, что он не страдает, он наслаждается!

Утро началось непозволительно поздно. Рассмотрев за окном старую знакомую, весело каркающую на нечастое питерское солнышко, я заполошно подскочила, пытаюсь сообразить, почему не верещал будильник и что у нас сегодня первой парой. Потом наткнулась глазами на сидящего носом в ноут Мика и бессильно упала обратно на подушку.

Ну да... мы же вчера договорились, что идем на задание. Инст подождет... блин! Хорошо хоть Галперия у нас только по четвергам в этом семестре. Остальные лекции тоже надо посещать, но авось вылезу на прошлых заслугах. Зря я, что ли, больше трех лет пахала на зачетку, как проклятая? Пусть теперь она на меня немножко поработает.

— Утро доброе, — кивнул Мик, кинув на меня быстрый взгляд через плечо. — Кошку я уже покормил, кофе на столе стоит. Вставай, умывайся... — и уже намного тише, — жрать хочу...

— Да, мамочка! — хихикнула я в ответ и сладко потянулась. Потом еще потянулась... ИИИИ! Не больно! Ничего не болит! Ура!

По-моему, Мик даже со своей ментальной прослушкой не ожидал, что я радостно взвизгну и брошусь обниматься. Чуть ноут не уронил. Но меня поймал.

— Ненормальная, — буркнул он, но сразу улыбнулся, поцеловал меня в макушку, в щеку, в шею... и спихнул на кровать. — Давай, приводи себя в порядок. На вчерашнюю тренировку и дальнейшее восстановление месячный запас скверны ушёл. Чем скорее возьмёмся за работу, тем лучше.

Я сразу перестала прыгать и пищать, как радостный щенок. Вгляделась в него и прикусила губу — Микаэль выглядел... не то чтобы плохо. Но круги под глазами мне очень не понравились, как и подрагивающие на клавиатуре пальцы.

Вот пес инопланетный знает, откуда что взялось. Но три секунды прострации родили в моем мозгу уверенность, что поступать надо именно так. Встать, поймать, бесцеремонно развернуть к себе и... не, мне всегда нравилось с ним целоваться. Но это был не просто поцелуй. Что-то я такое сделала... такое. Да сама не знаю! Но правильное.

Глава 22

Когда мы друг от друга оторвались, Мик выглядел слегка ошалелым, но заметно посвежевшим, как после пары ночей хорошего сна.

— Так... — меня схватили за плечи и чуть отстранили от себя. — Давай условимся, что ты постарайся удерживать свои инстинкты, — Микаэль тяжело вздохнул. — Я благодарен, что ты поделилась энергией, но... поверь, бодрый Мастер на задании важнее, чем бодрое Оружие.

— Так у меня не... кхм... не ubyло, — я сама слегка удивилась этому факту. — Как бы не наоборот. Ладно... яичницу с сыром будешь?

— В данный момент я съел бы даже ту вашу мешанину из когтей, кожи, внутренних органов и кучи синтетических веществ. Похоже, голод человеческого тела немного... накопился.

— Бедный мой, голодный! — посочувствовала я, нашаривая возле дивана тапочки. — Сейчас все будет, шеф! Не извольте беспокоиться!

После обильного и сытного завтрака Мик заметно расслабился, и уже не трещал по клавишам ноута с такой яростной целеустремленностью, словно по врагам из пулемета строчил.

— Смотри, Ирина. Я нашел несколько подходящих для первого раза заданий в твоём мире, но...

— Но? — переспросила я, с трудом удержавшись от порыва вылизать тарелку. Оголодала чего-то внезапно.

— Судя по предыдущим заданиям, для нас это чревато, — Мик очень серьёзно посмотрел на меня и вздохнул. — Ты слишком сильно жалеешь и переживаешь, отчего происходят те самые... неопределённые вещи. Твои эмоции могут отвлечь от основной задачи — уничтожение твари скверны. А это уже опасно. Задание мы берем... не по рангу. Но выхода нет.

— Может, мне заранее валерьянки выпить? С корвалолом? — выдвинула я предложение. — Они на меня здорово действуют! Буду как в танке. Или как танк!

— Ага, такой же заторможенной и неповоротливой, — не одобрил мою идею Мик. — Нет, седативные на охоте — не лучшее решение. Будем учиться контролировать твои эмоции, но... не сейчас. Сейчас мы телепортируемся к «улиткам».

— Э? — удивилась я. — Каким таким улиткам? В смысле? — и только потом сообразила, что на самом деле Мик сказал что-то другое и на совершенно странно-диком языке, но неизвестно откуда взявшийся в моей голове переводчик подобрал единственную подходящую аналогию — «улитки», ну или «слизни».

Я вдвойне озадачилась и зависла. Улитки и сами по себе странно звучат в плане места назначения, так еще и неизвестный гаджет вдруг обнаружился в мозгу. Нет, я только за... мне всегда языки легко давались, в отличие от той же математики. Я даже по-китайски научилась понимать всего после третьего дня подработки на оптовом рынке... но там я именно что научилась. А тут ррраз так, и «гугл-транслит всегда с вами!»

— У нас ментальный канал открыт почти на полную. Даже если я начну говорить на какомнибудь Керри'штр'аноме, а ты на латыни — мы друг друга поймём. Точнее, поймаем образы и получим максимально точное значение по знакомым аналогам.

— А! — я не поняла, то ли обрадовалась, то ли разочаровалась, что халява отменяется. — Так это твой гугл-транслит. Тогда понятно.

— Ты тоже так можешь, только пока не осознаешь, — улынулись мне. — Мастера охотятся в сотнях миров, это практически врождённый навык.

— Вооооо! — вот теперь точно красота. — Быть мне полиглотом, как мечтала! А можно подробнее про улиток?

— Можно... даже нужно. Итак, мир Ф-д 9012, само название которого мы даже воспроизвести не сможем, потому что у нас слизь из конечностей не выделяется, находится на Фиолетовой спирали...

Ну вообще, зря я радовалась. Нет, мир гигантских одуванчиков мне даже понравился. Сразу вспомнились приключения Карика и Вали, а еще смешная детская комедия про то, как чокнутый папаша-ученый превратил своих детей в лилипутиков.

Но я еще в детстве понимала, что гигантский муравей — это хорошо на экране. А в реальности, когда этот бронетанк с усами пронесся мимо, едва не запрыгнула на одуванчик вместе с Косой.

«Маскировка!» — проткнутой шиной зашипел Мик. — «Он тебя не видит и не чувствует, пока ты из нее не высываешься!»

— Вот именно! — возмущенно просопела я, отряхивая с ботинка какую-то... эммм... субстанцию. Зеленую и липкую. — Затопчет и не заметит!

— Отлично, телепорт сработал вплоть до миллиметра, — почему-то обрадовался Мих. — Сейчас вылезет.

— Кто вылезет? — черт, я, похоже, влипла. В прямом смысле этого слова — шарахнувшись от гигантского муравья, угодила в зеленую слизистую лужу, в которой тут и там виднелись осколки... панциря?

— Мик? — слабым голосом позвала я. — Только не говори, что я стою... в трупке?!

— Ладно, не скажу, — слегка дёрнулась коса. — Не шелкай клювом! Потом пожалеешь этого дурного наркомана, смотри, формируется уже!

— Вашу Машу, да через Наташу! Maerde!

Мне было с чего ругаться. Призрачная тварь формировалась прямо вокруг меня! Вы когда-нибудь были внутри гигантской улитки с крокодильими зубами? Незабываемые ощущения!

— Не спи, идиотка! — Мик в моей голове орал и матерился, было бы время, я бы заслушалась. — Эту ты мной так просто не проткнешь! В сторону и волной, как учил!!!

«Скверная» улитка тем временем явно обнаружила, что где-то в ее недрах завёлся беспокоящий фактор и... вывернулась зубастой пастью наизнанку. В смысле — вовнутрь. Ко мне.

Это подействовало лучше всяких Миковых воплей, я сама завизжала так, что даже тварь опешила и захлопнула пасть. Шарахнувшись сразу метра на три в сторону, я еще успела подумать, что тренировки прошли не зря, фиг бы я раньше таким кузнечиком прыгнула... а потом на автомате выставила Косу перед собой и...Ой! Волна! Получилось!

— Да куда ж ты! Ржа! — заорал Мик, прокрутившись у меня в руках. Ну да, промазала... а может, улитка слишком шустрая оказалась. Уклонилась от волны и кааак... плюнула в меня!

Глава 23

— Мама! — ну вот я так и знала, что одуванчика мне не миновать. Одно мгновение! И я на макушке. То ли взбежала по гладкому стеблю, то ли допрыгнула, то ли вовсе взлетела, не помню. С Косой, главное, наперевес! Вот что тренировки животворящие с приличными переводчиками делают...

Оглядевшись в пушистом соцветии гигантского растения, я выдохнула и осторожно вытянула шею — где вражина? Вдруг следом лезет? А нет... не лезет. Наоборот! Плюется, верблюд с раковиной, а сам норовит юркнуть в заросли и смыться вместе с нашим гонораром. Ну нет! Фигушки! Зря я, что ли, в труп влипала?! Мерде, как-то все слишком не серьезно у меня в голове... защитная реакция? Так, сначала дело сделаем, подумаем потом!

— А ну стой! — боевой вопль карликовой Смерти разнесся над одуванчиковым миром, когда волна силы сорвалась с кончика Косы и прицельно разнесла призрачный панцирь злодейской твари в ошметки. — Ой, блин!

— Ненормальная... Ржа, с кем я связался?! Не ори так! Ты Смерть или пожарная сигнализация?!

— Ладно, не буду, — адреналин гулял по крови, как вернувшийся из кругосветки моряк по родной деревне — с песнями, плясками, пьяными воплями и вообще «отойди, бо зашибу ненароком». Но буквально следующий вопрос, возникший в моем мозгу, заставил этого дебошира притихнуть:

— А как я отсюда слезу?

— Молча! — буркнул Мик, но уже через секунду принялся инструктировать:

— Осторожно, полоумная... ржа! Ну что ты делаешь?! Ты еще в зубы меня возьми! Убьешься к медным демонам! Напомни мне потом, что нам нужны ножны для фиксации! Ладно, так уж и быть, бросай. Тварь больше не опасна. Надеюсь, пару минут сможешь выживать одна...

— Твари я больше не боюсь, — согласилась я, свешиваясь с лохматого соцветия и осторожно разжимая судорожно стиснутые на древке пальцы. Коса мягко шлепнулась в траву, а я еще раз оценила собственную прыгучесть и резюмировала: — А вот высоты опасаясь...

Слезать по гладкому, упруго-живому стеблю оказалось крайне неудобно. Я два раза чуть не сорвалась, но как-то умудрилась обнять ствол ногами и потихоньку поползла по нему вниз, перебирая лапками. И уже почти слезла, когда мимо на полной скорости промчался еще один, мать его, грузовой бронемуравей. Который снес меня с одуванчика просто воздушным потоком. Прямо в какие-то мясистые заросли с колючками.

— Fuck! — колючки с чмокающим звуком сломались подо мной, выделяя массу противно воняющей желтой слизи, которая на глазах проела рукав куртки, потом водолазки и потекла по коже, оставляя странные фиолетовые ожоги, почти мгновенно вздувающиеся волдырями. Больно было — аж во рту сладко и в глазах темно. А потом эта же боль пронзила бедро. Хана джинсам...

Мика

— Это было очень недальновидно с вашей стороны, идти на задание в чужой мир без набора прививок и запаса противоядий, — уже более получаса отчитывала меня Старшая Целительница, пока Ирина отлеживалась в растворе медицинской скверны — медэски по-нашему.

Я лишь хмуро кивал на все эти доводы. Дебил со ржой вместо мозгов... решил на нервах сэкономить, чтоб она не волновалась, а теперь вот я сам чуть от волнения не сдох. Этот цвирчонок угодил в местное ядовитое растение, которое вызывает аллергическую реакцию в виде ярких зеленовато-фиолетовых пятен по всему телу и достаточно резко

поднимает температуру. Хорошо, что скверну мы собрать успели.

Я чуть не развалился от страха, когда Ирина, не успев отряхнуться, резко упала в лихорадке. Психанул, плюнул на все, даже на незыблемое правило, что Оружие во время миссий обязано быть только в боевой форме, подхватил эту мелочь и ломанулся в ближайшее отделение Хранителей. Те, видя мой дикий взгляд, даже регистрацию спрашивать не стали и по доброте душевной дали воспользоваться аварийным порталом в одни из Целительских покоев Призмы.

Всё оказалось не так страшно, как выглядело. Даже если бы Ирину не лечили скверной, прошло бы само через пару суток. Но обнаружилась другая проблема — у Мастера не было основных прививок и печатей. Если бы были — то никакой иномирный куст ей бы и не навредил.

Сам я смутно, очень смутно помнил, что после выкупа мне их ставили целую кучу, но банально в силу возраста не принимал это всерьез. Мне казалось, они есть у всех, по определению.

— Тем более, когда у вашего Мастера такие проблемы с душой! Куда смотрели ваши родственники! — продолжал распинаться целитель. — Вы хоть понимаете, что рассеивание продолжается? Ваша связь закрыла прореху, но это же не значит, что надо носить по миссиям, не думая ни о чем! Она даже Оружие теперь сменить не сможет, любой рывок за связь ускоряет рассеивание души в разы!

Я стиснул зубы. Я всё-всё это понимаю! Да если б у нас была возможность, если бы была скверна, если бы было время! За это задание мы относительно неплохо заработали бы, но судя по всему, всё уйдёт на срочный вызов, оплату немедленного лечения и прививки с печатями. С учетом налога и официальных цен нам только на это и хватит. Снова ни артефактов, ни учебных пособий, и ни капли скверны про запас.

Налог всегда берут зверский, но тут не на что роптать. На этой энергии построена вся поддерживающая система из целителей, кузнецов, артефакторов, хранителей и многих других. Тому же «бобру» платят именно с налогов, ведь будучи постоянно на посту, он не ходит на охоту.

— Через десять минут можете ее вытаскивать, — целитель поняла, что слушают ее не очень внимательно и таки отстала, — потом оплатите через стационарный терминал, хотя я бы всё же рекомендовала ещё пройти недельный курс для укрепления души в новых капсулах.

— Возможно, позже, — отмахнулся я, понимая, что началась «реклама». Но на заметку взял.

Глава 24

Оржие

Выждав нужное время, достал девушку из «колыбели». Ирина еще не очнулась, но выглядела заметно посвежевшей, а лихорадочный румянец и пятнистая раскраска исчезли без следа. По-хорошему, ее бы сразу домой — отсыпаться. Но раз уж мы всё равно на Призме в районе целителей, лучше сразу и все прививки поставить. А то это сейчас мы сюда по аварийному порталу охотников попали, а потом ведь покупать придётся. Еще бы хорошо сразу новый скрыт купить, взамен испорченного... за доставку в захолустный мир платить не придётся, выйдет раза в полтора дешевле.

Только... я взвесил на руках своего Мастера. Не на плече же мне ее таскать, пока я покупаюсь. Это еще хорошо, что медэске одежда не помеха, и выдали мне моего цвирчонка хоть и в дырявых штанах и без одного рукава, но одетую. Может, посидеть на кушетке в приемной, пока она проснется, а там решим по обстоятельствам?

— Ну не ворчи! Я уже пообещала, буду осторожнее! Чё ты как старый пень скрипишь, я ж знаю, ты ещё десятерых таких, как я, укатаешь! — раздался вдруг тонкий, но не детски наглый голос откуда-то из коридора, а потом входная мембрана открылась и в приемную ввалилась... ввалились... эм, ввалилось наше отражение.

Ну, в смысле, здоровенный темноволосый бугай-оружие с мелким белобрысо-розово-полосатым цвирчонком на руках. Только мой цвирчонок смирно дрых у меня на плече, трогательно посапывая мне в шею, а малявка из этой парочки ерзала, крутилась, звенела, как первый весенний комар над болотом и явно пыталась вывести свое оружие из себя.

Бугай на это реагировал... никак не реагировал, в общем-то, просто тащил это недоразумение, сохраняя невозмутимо-мрачную рожу. А когда она особенно удачно подпрыгнула, еще и слегка шлепнул поганку по заднице свободной рукой, явно что-то высказывая по ментальной связи.

Полосатая чудинка не успела ответить, она увидела нас с Ириной. И на секунду застыла с приоткрытым ртом.

— О, так ты не сдох! — выдала она радостно и потянула ко мне лапки в полосатых... чулках. Я серьезно опешил:

— Мы... знакомы? — на всякий случай даже отодвинулся подальше и попытался заглянуть в лицо ее Оружию. Но тот лишь тяжело вздохнул и сжал своего Мастера покрепче.

— Ну, я о тебе слышала! Ты ж этот, этот... Мир? Кир? Ну, который с двумя сисястыми мамашками ходил! — заявило это недоразумение.

— Микаэль, — поправил ее бугай глубоким, глуховатым баритоном, прошел мимо меня к кушетке и сгрузил на нее свою ношу. — Не обращай внимание, парень, моя Мастер слегка ненормальная, — сказано всё это было с интонацией постигшего смысл жизни старца.

— Я умная! — возразила полосатая и демонстративно надулась. Но при этом продолжала с любопытством и вроде бы с легким вызовом коситься на Ирину в моих руках.

Хм, а я их тоже вспомнил. Вернее, вспомнил слухи, ходившие среди Мастеров. О том, что мелкая прогульщица и заядлая пакостница, которая лишь по недоразумению родилась Мастером, покусилась на «святое», привязав к себе легендарное Оружие, когда-то работавшее в паре с первыми потомками прародителей.

Этот мужик действительно был легендой. Первое Оружие, научившееся сражаться со скверной без Мастера и трансформировать не всего себя, а лишь часть. Таких во всей Призме хорошо если трое, и со всех уже песок сыпется. А этот бодрый, как обожравшийся скверны цвирк, о чём прекрасно говорил и его облик. Не парень, но

мужчина в полном расцвете сил.

Я не успел ничего ответить, потому что у меня на руках завозилась Ирина, вздохнула, открыла глаза и почти сразу наткнулась взглядом на зефирно-полосатую шевелюру вытянувшей от любопытства шею малявки.

Ирина моргнула, прищурилась, поудобнее пристроила голову мне на плечо и светским тоном сказала:

— Привет!

— Ух ты! — непонятно чему обрадовалась зефирка. — Ржу мне в зад! Клевая стрижка! А мне патлы Кекс обрезать не даёт!

Ирина пару секунд похлопала ресницами, потом оценила «Кекса», и понимающе кивнула:

— Тоже зануда?

Я обиженно уставился на Мастера. Я — зануда?

— Не-пе-ре-да-ва-е-мый! — произнесла пискля по слогам. — Но, вообще, они, древние развалины, все такие. А твоего как раз эти развалины и воспитывали.

— Не, это у них врожденное, — вздохнула Ирина, искоса глянув на мою надутую физиономию и вдруг подмигнула. — У всех мужчин, независимо от возраста!

— Хм, а может, ты и права! Кстати, давай знакомиться, я — Жанна, а это Кекс. Так и зови, а то имя у него зубодробительное и непроизносимое!

— Кетцалькоатль, — представился мужчина, глядя на нас в упор непроницаемо черными глазами с интересным разрезом. И мы как-то сразу поняли, что Кексом его позволено называть разве что малявке.

— Очень приятно, меня зовут Ирина, — кивнула моя Мастер и вежливо поинтересовалась: — Кетцалькоатль — это пернатый змей?

— Это летающий топор! — весело «проинформировала» нас Жанна. Но глаза у нее при этом оставались совсем... эм... не соответствовали они образу зефирной идиотки, слишком внимательно смотрели, серьезно.

— Томагавк? — догадалась Мастер, и, хотя выражение невозмутимого древнего лица ни на миг не изменилось, я заметил, что он тоже как-то словно насторожен, и ждет... чего?

— Да, томагавк — моя изначальная форма. И вполне возможно, что я являюсь прообразом одного из божеств вашего мира. Многие из наших светились перед смертными, особенно поначалу.

— Круто! — оценила Ирина и нетерпеливо заерзала, заглядывая мне в лицо: — Может, ты меня уже отпустишь?

— Нет, — коротко отказался я. — Сейчас придет лекарь и мы отправимся на процедуры и прививки.

— Какие еще прививки? — обалдела Мастер, и сделала попытку вывернуться из моих объятий. Пришлось прижать и шикнуть:

— Необходимые. Сиди смирно, что ты как маленькая. Ты обещала доверять мне.

— Ты права, это врожденное, — наблюдавшая за нами зефирка прищурилась и немного ехидно ухмыльнулась. Ее Легендарный даже бровью не повел, изображая из себя... себя. Легендарного. Вообще, если честно, было странное впечатление, что парочка немного переигрывает, пытаясь нас... шокировать? Я бы, наверное, шокировался. Раньше. И мой прежний Мастер... она бы точно не одобрила этот цирк. Про Мариэllu я вообще молчу.

А Ирина только вздохнула и пожала плечами:

— Ничего, противоположности притягиваются. Как вы, например. Вы изумительно подходите друг другу.

Нда. И кто кого шокировал? Даже Кетцалькоатль вполне заметно приподнял бровь, на его каменной физиономии это смотрелось выражением крайнего удивления. А зефирка так просто рот открыла.

— Че, серьезно?!

Глава 25

Оружие

— Ну да, а что в этом такого? — теперь удивилась Ирина.

Самое интересное, что говорила моя Мастер совершенно искренне. Я вообще заметил, что врунья из нее никакая. А реакцию странной парочки я понял буквально через пару секунд, когда они между собой переглянулись, оценив правдивость Ирины.

Они же изгой в «обществе» нормальных, правильных мастеров. Фрики, клоуны... привыкли к косым взглядам, неодобрению и высокомерному сочувствию. Жанну, наверняка, шпыняют всю дорогу, на Легендарного косятся, подозревая в маразме. Еще бы, подобрал какую-то недоделку вместо достойных мастеров.

Зависть, она такая... недобрая. А если не зависть, то просто раздражение, что кто-то посмел не соответствовать ожиданиям.

И тут мы, такие же странные, два недобитка. Кетцалькоатль наверняка видит, что я пацан, но с потенциалом, а Ирина слабосилок с покалеченной душой. Но при этом мы не пытаемся строить из себя... да ничего не пытаемся. Нам бы выжить.

Так что, вежливо кивнув новым знакомым, я уже примеривался, как бы аккуратно протиснуться с Мастером на руках в створки, но мембрана снова открылась с той стороны, являя нам очередного последователя бюрократии. Клерк был невысокого роста, с заметными залысинами... в общем, типичный работник канцелярии.

Окинув приемную взглядом и слегка запнувшись глазами о Жанну и Кетцалькоатля, он целенаправленно обратился к моей мелкой.

— Ирина из рода Самгиных, так? — у него даже голос был какой-то... канцелярский, сухой и потрескивающий. — Очень сожалею, но ваша карта стажера в системе подана на обжалование, и на данный момент вы находитесь ... в неопределенном статусе.

— Что это меняет? — набычился я, подозревая недоброе.

— Полная вакцинация и комплекс защитных печатей стоят четыреста малых кубов скверны. На вашем счету на данный момент, учитывая последний взнос за миссию, нет даже сотни. Мы очень сожалеем, но наша клиника сочла невозможным оказывать эту услугу в кредит без поручителей и при наличии сомнительного статуса вашей карты.

— Мы соберём нужную сумму, это займёт не более нескольких суток, — попытался возразить я. Ржа, как это мерзко и непривычно, зависеть от денег! Тем более, от такой мелочи по моим прежним меркам!

— А можете и в дикари податься, — обрубил мои возражения этот... тц, увеличительное стекло! — Или просто убьетесь на следующем задании. А страховки у вас тоже нет. Поверьте, я вас прекрасно понимаю, но везде есть свои правила, молодой человек.

— Пошли домой, не убегут эти прививки от меня никуда, — тихонько, мне на ухо, сказала Ирина. — Обходились же без них и еще пару дней обойдемся.

Ага, только я ж за эти два дня весь на нервы изойду, глупый ты цвирчонок! Ты ж от любой царпки можешь ржу дать, оказывается!!!

— Подождите, молодой человек, — глуховатый баритон Легендарного раздался так неожиданно, что все вздрогнули, включая этого... шприца одноразового. Мы как-то забыли о этой парочке, погрузившись в новые проблемы. А вот они за нами все это время наблюдали с интересом.

— Надеюсь, моего поручительства будет достаточно для того, чтобы вы оказали полный комплекс услуг нашим друзьям?

Клерк вздрогнул, покраснел от напряжения, но выдал:

— Нужно тогда ... ваше подтверждение в системе.

— Без проблем, — коротко кивнул летающий Томагавк, а его полосатая зефирка подмигнула Ирине.

— Не дрейфь, подруга! Сочтемся как-нибудь!

Ребята нас очень выручили. С одной стороны вроде и ничего особого, ведь для них это ничего не стоило, но сам факт. Надо будет им чем-то оплатить. Не деньгами.

Заодно, теперь, пока Ирина будет проходить все процедуры, со спокойной душой смогу прогуляться по местной барахолке. Скверны я накопил в себе вполне достаточно для обмена ее на парочку артефактов. Разве что сегодня вечером буду очень голодным... и сонным... и хорошо бы Ирина после прививок этого не заметила. А то начнет опять делиться, я же не устою. А вдруг ей это вредно?

Глава 26

Ириска

Вот же блин, мало того, что куртке капут, джинсам капут, так еще и в долги залезли. Нет, я не дура, конечно, и поняла тревогу Мика. Для него-то все эти прививки были само собой разумеющимися, ему в голову не пришло, что Мастер может быть не привит еще в детстве. Ну стереотипы они такие стереотипы... мы все по ним, как по граблям, скачем.

А когда понял, что я как тот индеец в Северной Америке, могу мокасины отбросить от любого иномирного насморка... вот блин! Мне и жалко его было, такое у него стало лицо, и приятно... черт возьми! Значит, что-то я для него уже значу!

И поэтому спасибо ребятам. Они странные, но симпатичные, и вовсе не обязаны были нам помогать. Даже в такой, по их меркам, мелочи. Главное, не просто заплатили за нас, это было бы, наверное... ну, как милостыню подать неумехам. Нет, этот древний пернатый томогавк очень четко обозначил: мы просто помогаем как равным, мало ли что в жизни бывает, мы не сомневаемся, вы сами справитесь с этой проблемой, как только у вас появится время.

Умный мужик, недаром древний.

Вот только эта их вакцинация, поленом ее по коромыслу! Почему меня никто не предупредил, что это такая пренеприятнейшая процедура?! И Мик смылся, главное, типа стерильность, не буду мешать специалистам, все дела... а у самого рожа перекошенная глубокими думами и в ментале явно какая-то пакость задумана.

Но я и мякнуть не успела, как меня раздели и запихнули в какую-то пыточную машинку. Причем это злостное устройство первым делом прижало меня к себе мягкими губчатыми поручнями и укололо в задницу! Fuck!

Ненавижу уколы... и татуировки ненавижу! А мне их тут как принялись рисовать иглой по всяким местам, так я аж взвыла, разом вспомнив целый интернационал трехэтажного мата. Не, конечно, анестезия была честь по чести. Но сам факт! Что еще за картинки на заднице и во всяких других стратегических местах?! Вон у Мика не щеке никакой треугольник не наколот, а мне зачем?!

И только выбравшись из шайтан-машины и не обнаружив в зеркале никаких интересных узоров на собственном теле, я сообразила, что наколки сделали чем-то невидимым. Уф-ф-ф... это, оказывается, печати. Как раз помогают от аллергии на инопланетные кусты и пчел, там. Или комаров.

Так стоило по этому поводу успокоиться, нового привалило! За дверь из процедурной выходил нормальный, только озабоченный Мик, а когда я вывалилась в коридор, там обнаружилась какая-то замученная мумия панды с голодным блеском в глазах.

— Что они с тобой делали?! — перепугалась я, кидаясь ощупывать свое Оружие.

— Всё в порядке, — попытался отмахнуться от меня Мик, — зато у нас теперь полный артефактный набор. И скрыт новый. Тебе больше не придется кутаться в саван. И у этого даже эффект полной нематериальности присутствует!

— Ты... — сообразила я. — Ты псих?! Из себя скверну откачивал?!

— И что? Главное, что теперь ты если и попытаешься убиться, так только о тварь скверны, а не об весь окружающий мир, — серьезно ответил он.

— O-oh dios! — я вытерла неизвестно откуда взявшийся на лбу пот. Что-то жарковато... — пошли домой, коммерсант. Прямо тут тебя лечить я стесняюсь...

— Не нужно делиться. Ты главное, следующую миссию не чуди, — попытался схохмить он. — А то мне так в спячку придется впасть. Как этим твоим... «медведям на сервере».

— Те, которые на севере, не спят, — отмахнулась я.

Дома было хорошо, только жарко. Да блин, это же у меня температура! Вот не было печали... хотя нормально, дедушка, обслуживающий пыточную машину, предупреждал, что будет такая реакция. А мне еще эту панду сушеную кормить, а потом любить. Так, Ириска, собралась в кучку и поползла, поползла... в сторону холодильника.

Миков поход по магазинам обеспечил нас на какое-то время хорошими продуктами, но, как выяснилось, одного раза недостаточно. В смысле, слопали мы уже все, что он тогда купил.

— Извини, но будем есть тяжелые металлы, — огласила я вердикт через пять минут ревизии. — Зато их целая пачка!

Скидочные сосиски из Ашана и у меня давно не вызывали энтузиазма, но с макаронами, горчицей, кетчупом и майонезом... всё смешать, но не взбалтывать. Вполне себе еда. И, главное, много! А голодный упырь, в которого превратился мой железный прынец, сегодня не привередничал. Еще бы, голод не тетка!

Я успела слопать две сосиски и тарелку макарон, а мое дикое упыристое пандо — остальные двенадцать и кастрюлю. То есть, не саму кастрюлю, конечно, а ее содержимое, но я бы уже ничему не удивилась. Ибо метал как не в себя, никакие химические добавки ему не мешали. Зато мумифицированность слегка расправилась.

Потом это пошатывающееся нечто, сонно моргая, попыталось на руках оттащить меня в постель. Э? А-а-а... выгляжу больной. Угу. Кто бы говорил... в результате на диван мы рухнули вдвоем. Как спиленное дерево и обезьянка. И дерево тут же попыталось отползти. Щазз!

Во-первых, он был приятно холодненький, а мне было просто дико жарко, но при этом потряхивало. Во-вторых мне в бедро уперлось нечто, весьма недвусмысленно намекающее на мою привлекательность.

Дерево всполошилось и ускорило — в смысле отползать.

— Только этого нам сейчас и не хватало... — прошелестело оно неодобрительно.

— Куда! — возмутилась я, и сцапала непослушное брёвнышко поперек того, до чего дотянулась.

— Ирина, не усугубляй своё и без того ржавое положение, у тебя жар.

— А у тебя холод, — согласилась я, блаженно прижимаясь горящим телом к приятно-холодному. Пофиг, что мы одетые, даже через тряпки чувствовалось.

— Тебе сейчас не стоит делиться энергией, — меня снова попытались отпихнуть. — Завтра у нас новая миссия, помнишь? Ты должна быть в форме!

— Можно подумать, ты не должен, — я ни в какую не хотела отпустить от себя приятно-холодящее тело и в конце концов просто вскарабкалась на него сверху, обхватив ногами и руками, чтобы оно меньше брыкалось. Мурррр... хорошо... щас еще поцелуем...

Брыкающееся бревно в конце концов сдалось, и я добралась-таки до его губ. Самая горячая часть переполняющего меня жара через этот поцелуй словно перелилась в обреченно промычавшего что-то протестующее Мика... я почувствовала, как он под мной согрелся и даже успела провокационно потереться о него всем телом...

А больше ничего не успела, потому что за секунду до того, как мои глаза закрылись, я увидела, что и бревнышко мое тоже сыграл в засыпающего на бегу котеночка.

Глава 27

В общем, оба мы отрубались как-то разом, в момент. Хех... зато сны мне снились ого-го какие страстные! И не только мне. В какой-то момент я и вовсе осознала, что грезим мы одинаково, прямиком по ментальному каналу. Вот так прямо во сне и поняла, что сплю, причем один сон на двоих, а значит, во сне можно такоооо... ух!

Скажем, мне никогда не нравился минет. Ну противно было, и... не знаю. Ради «любимого» вроде и можно, но вот ни фига не клево. А во сне я с Миком такое вытворяла, что самой стыдно было просыпаться. Но разве можно запретить себе мечтать? Да и он со мной... так оно все было жарко, так нежно, так остро... Что утро пришло внезапно и не вовремя.

Выяснилось, что я так и лежу на Мике сверху, обнимая всеми конечностями, и состояние наших тел свидетельствует о том, что мы... эм... как бы сказать поделикатнее... короче, не все то сон, что кажется!

— В душ вместе пойдем? — шепотом спросила я, пряча отчаянно покрасневшее лицо у него на груди.

— Если только ты хочешь продолжения, — хрипло ответил Микаэль, — только боюсь, мы оттуда не выйдем. В ближайшие несколько часов, так точно. А у нас миссия...

— Мммаоууууу! — согласно провыла Сосиска, бесцеремонно вспрыгивая мне на спину когтистыми лапами. — Мммуууааааа!

— Ой, блин! — взвыла я, скидывая с себя засранку, всюю распевающую призывную песню для окрестных котов. Самое веселое, что я во сне слышала страстные вопли тоже возжелавшей секса кошатины и... не просыпалась! Хотя весь наш прежний опыт совместной жизни говорил, что Сосиске легче дать, чем объяснить, почему котята в январе — не самая лучшая идея.

Весь романтический настрой поломала, щетка сапожная! Пришлось вставать, готовить завтрак и ходить в душ по очереди. Сосиска все это время так и завывала, баньши озабоченная.

— Ужас какой! — прокомментировал мои пояснения высунувшийся из душа Мик. — Seriously, теперь эти вопли как минимум на неделю?! Хм...

Он выбрался из ванной, весь из себя вкусно-влажный и в одном полотенце, и пошел потрошить свой чемодан с трусами. — Может, ей кота с Призмы поискать? Но за случку с такими либо алиментного котёнка отдадут, либо платят... прилично. А у нашей кошки, как и у нас, документов нет, потому котёнком не примут, особенно действительные проверенные производители.

— И денег у нас нет, — кивнула я, раскладывая по тарелкам гренки и наливая кофе. — Так что кота — если только сами поймаем. Правда, можно еще кошачий вибратор купить... но я не готова гоняться с ним за кошкой по антресолям.

— Чего?! — Мик аж кофе подавился и уставился дикими глазами сначала на Сосиску, потом на меня.

— Есть такая штука у профессиональных кошатников, — засмеялась я. — Если породистую кошку стерилизовать нельзя, а она орет чаще, чем ей можно беременеть, хозяин может с помощью вибратора имитировать ей кота... но эта фигня стоит дороже натурального, так что нафиг.

— Тьфу на вас, — сказал Мик, переварив новости. — Извращенцы... давай лучше делом займемся. Я уже подобрал нам следующие возможные миссии. Тебе осталось только выбрать.

— И когда только успел, — вздохнула я, но послушно пошла тупить в ноут.

— Возможно, тогда я поспешил, решив, что охота в незнакомом для тебя мире будет лучшим вариантом. С другой стороны, прививки мы вроде сделали, а краткую

информацию по месту я могу скачать. Так что я хотел бы спросить у тебя, — слегка нахмурился Микаэль, — какую бы миссию ты выбрала, в своём мире или чужом?

— Да я на все согласная, — офигеть, наконец кое-кто поинтересовался моим мнением, а не просто поставил перед фактом. Самое прикольное, что мне пофиг. — Только в четверг обязательно на пару часов в инст надо, а все остальное время располагай мною, как хочешь. Ты опытнее, ты в любом случае знаешь больше. А желание-нежелание мое пока отодвинем в сторону, сейчас главное результат.

— Ну тогда... слетаем в вашу Италию? — улыбнулся Мик, разворачивая ко мне ноутбук и показывая окно с заданием. — Если верить вашим сайтам, там сейчас сезон охоты на белых трюфелей. Это что за звери?

— Это не звери, это грибы! — засмеялась я. — И охотятся на них со свиньями.

— После вибраторов для кошек я уже ничему не удивляюсь...

Глава 28

Следующие несколько дней были похожи то ли на волшебную сказку, то ли на триллер в дурдоме. Италия, Австралия, Москва, Мозамбик... планета каких-то биороботов... кто бы мне раньше сказал, что я буду так много путешествовать! Жаль, полюбоваться достопримечательностями времени не было.

А уж причина, по которой мы посещали все эти прекрасные места... в Италии это оказался насильник, попавший под автобус во время погони за очередной жертвой... в Австралии мошенник, в свое время обокравший нескольких стариков. Про Москву даже вспоминать не хочу, как, впрочем, и про остальные случаи.

Главное, я так и не научилась не пропускать эти души через себя. С одной стороны это было очень тошно, а с другой... я еще раз убедилась, что каждый дурной поступок грызет человека изнутри, каким бы внешне благополучным он не выглядел. Люди могли забыть того, кто их предал, обманул или обокрал. Но не тех, кого предали, обманули или обокрали они сами.

Каждый помнил. Каждый. Все лица, все подробности, все чувства. Даже если такой человек был уверен, что забыл, и что совесть — это такая придуманная страшилка для дураков.

Все это оказалось интересно, захватывающе, тяжело, горько и крайне утомительно. Мик подсчитал необходимое количество скверны, которую мы должны набрать для допуска к аттестации, разделил ее на количество дней, потом прикинул хрен к носу... и обрадовал меня тем, что спать больше шести часов нам нынче не по карману.

Мы мотались по этим миссиям, как проклятые, а между ними надо было успеть поесть, поспать и посетить этот чертов тренировочный полигон, потому что сложность заданий плавно нарастала — как-то там мое умное Оружие выстроило систему набора баллов, чтобы не угробить меня сразу — и поэтому мне требовалось изучать всяческие приемы, отрабатывать навыки и тут же применять их на практике.

При такой нагрузке я даже про инст забыла. Мне сам Мик напомнил, что я обязательно собиралась туда попасть и именно в четверг. Но я сидела на лекции с таким лицом... или, скорее с таким видом общей заморенности каторжанки со стажем, что даже железная Галперия впечатлилась и отослала меня домой, своей волей объявив, что уладит все в деканате, а я должна непременно отдохнуть пару недель. И как «хорошая девочка», могу даже не приходить в следующий четверг, она уверена, что я все наверстаю.

А-афигеть не встать! Вот не зря я четыре года выполняла все ее зубодробительные задания с пылом законченного ботана! И ведь хоть бы раз похвалила... а тут вдруг оказалось, что все она видела и оценила. Приятно.

Жаль только, что выспаться мне все равно не светило. Во-первых, темп миссий никуда не делся, а во-вторых эта озабоченная Сосиска выбирала для своих страстных песен самое неподходящее время — когда я пыталась заснуть.

К следующему понедельнику я была похожа на не первой свежести упыренка. Впрочем, Мик выглядел не намного лучше.

Мы возвращались домой с очередного задания, и меня слегка подташнивало. Больно уж противный «клиент» попался. Его раскаяние я переварила, конечно, но на душе было все равно гадко. До чего может довести людей нищета... нет, у нас вот тоже проблемы с деньгами. Все, что зарабатывалось, со свистом улетало на покрытие долга перед клиникой, себе мы оставляли самую малость, на еду и на поддержание-реабилитацию Мика, как Оружия. Но мы не умирали с голоду и не выбирали, обокрасть ли чужого ребенка, чтобы свой не умер с голоду.

Мик, всмотревшись в свежую зелень моего лица, предложил выйти из телепорта где-то поблизости от дома и немного пройтись. Я с готовностью согласилась. Вот только топографию нашего района кто-то не учел при открытии портала, и гуляли мы теперь не по проспекту, а дворами мимо помоек. Да и ладно...

Точнее, ладно было, пока в очередной подворотне не раздался дикий грохот, потом залиvistый хриплый мат и оттуда нам навстречу не выскочил всклокоченный и насмерть перепуганный бомж.

— Чужой! — орал неопрятного вида седой бородач, кидаясь нам чуть ли не под ноги. — Люди, спасайтесь! Там чужой! Монстр! Инопланетный!

Глава 29

Я, уже наученная горьким опытом спасения в подворотнях, шарахнулась от него подальше, а вот Мик заинтересованно повернул голову и «принюхался».

«Скверна чувствуете, но ее слишком мало... животное какое-то» — раздалось у меня в голове.

Бомж, продолжая орать, кинулся куда-то вглубь дворов. Я посмотрела ему вслед, а потом опасливо покосилась в темный провал подворотни.

— Нам же туда не надо?

— Как сказать... — вздохнул Мик. — Если это тварь скверны, которая сумела сбежать от охотников, то ликвидировать ее — наша обязанность, как первых, кто на нее наткнулся. Опасности я не чувствую, тут ее не больше, чем у тех собак, со второго твоего задания.

— У меня просто с недавних пор фобия на темные подворотни, — проворчала я, крепче прижимаясь к Миковой куртке. — А что, бывает, что тварь скверны убегает? И куда она девается потом?

— Бывает, убегает, а бывает, что ее никто и не ловил. Особенно мелочь. Всё же Мастеров очень мало, — Микаэль пожал плечами. — Эти твари либо цепляются к слабым или совсем маленьким детям, подловив их в момент злости и обиды, либо сливаются друг с другом, образуя тварюшку покрупнее. Обычно это случается во время войны, когда смертей много, тварей много, за всеми просто не успеть.

Мик прищурился в темноту и как-то болезненно скривился, но продолжил:

— Если искатели прозевают слияние такой твари, она станет почти разумной. И уже сама будет провоцировать всплески скверны, чтобы подпитать себя. Погромы, массовые казни, войны... не на пустом месте начинаются. Вот такой замкнутый круг, люди порождают скверну, люди и страдают.

— Как-то очень пафосно звучит, — я с еще большей опаской всмотрелась в темноту, размышляя над услышанным.

— Это из учебника... — немного смутился Мик. — А если по-простому, то люди и прочие существа сначала рожают очень маленькую скверну. Потом цепляют на нее другую, побольше. Потом, если душу не очистить, такая тварь будет стремиться стать сильнее, и провоцирует... и растет. А потом Мастерам приходится устраивать массовый рейд против отъевшегося монстра. Мы, кстати, тоже будем обязаны участвовать.

— Догадываюсь... ты точно уверен, что здесь она маленькая?

— Запах едва заметный. Если ты постарайся и перестройшь восприятие, как я тебя учил, — сама почувствуешь. Благо, никому еще не встречалась тварь, умеющая маскироваться... наверное.

— Ну спасибо! Ладно... пошли посмотрим? — решила я наконец.

Но никуда мы так и не пошли, не успели просто. В подворотне загремело, завизжало, взвыло парашодной сиреной, и прямо нам под ноги метнулась... ААААА!

— Опять?! — мрачно спросил Мик, даже не пытаясь снять меня со своей шеи. — Ирина, цвирк, конечно, не самое приятное животное, но опасности от него для нас нет.

— Он просто страшный, — не менее сумрачно констатировала я, сползая с него, как с дерева. — Тьфу, пропасть!

Цвирку на мой плевок вслед было наплевать, а вот выбравшийся из подворотни здоровенный, грязно-белый кот с наглой мордой смерил меня оранжеево сверкнувшими глазами с пренебрежением потомственного аристократа, обнаружившего в своем поместье неучтенную крестьянку.

— Сам такой! — обиделась я. — Мик? Пошли домой, это не скверна, это просто

вредитель. Мик?!

— Кот... — мой спутник как-то хищно посмотрел животину. — Кот, который прогнал цвирка...

— Нафиг! — совершенно искренне замотала я головой, еще раз встретившись взглядом с помоечным властителем. — Только его нам в комнате и не хватало!

— Но... — парень практически облизнулся, — Сотни средних кубов... долг закроем... мясо купим... много!

— Да фиг ты его поймашь! — я уже с некоторым сомнением покосилась на величаво умывающегося у стены кошака. — Это же не просто кот, это... ветеран борьбы за жизнь! Да он таких, как мы, между задних лап сто раз видел!

Мик посмотрел на меня прищуренными глазами и присел на корточки, играя с котом в гляделки.

— Пообещай ему много мяса и бабу, — не удержалась я от сарказма.

— Да подожди ты, — отмахнулся Мик, и... перешел в ментал. Ух ты! Э... а я почему не догадалась?

Разговор вышел весьма интересный, надо сказать. Главное, я все поняла...

«У нас есть еда» — Мик в красках представил куриную грудку. Кот только фыркнул и представил вкусную, только что убитую крысу с тёплой кровью, снабдив картинку ощущением пренебрежения.

«У нас есть кошка» — не отставал Мик, демонстрируя портрет Сосиски, призывно оттопырившей попу и загнувшей хвост кренделем. Но Кот показал гарем из разноцветных прелестниц, особенно отмечая одну, длиннолапую, что одной левой забивает голубя.

— А наша зато цвирка прогнала одной левой! — не утерпела я, напрочь потеряв связь с реальностью и на полном серьезе разобидевшись за Сосиску.

Мик лишь кивнул и в подробностях представил, как наша Барамунди бьется с инопланетной крысой, а затем умывается и потягивается.

Кот впервые за все время отвлекся от своей кошачьей гигиены и посмотрел в нашу сторону с легким интересом.

Короче, Мик его таки уломал. И гордо нес на плече. А я шла и бухтела — тоже мне, принц с помойки. Я своей родной кошке столько мяса в жизни не обещала.

Домой мы ввалились уставшие, голодные и слегка пропахшие помоечными котами. Я еще успела подумать, что Сосиска скорее всего не одобрит никаких кавалеров на своей территории, но кошка спала где-то на антресолях и вообще не соизволила спуститься к обнюхивающему углы гостю.

Я пожала плечами и пошла разогревать ужин. А Мик первым делом устремился к ноуту. Я краем глаза заметила, что на экране мигало окно нового сообщения. Вот в него мой Кос и уткнулся.

— Рррржа! — неожиданно зарычал он примерно через минуту, да так, что мы с котом подпрыгнули. — Проржавевшие куски металллома... и что нам теперь делать?! — а эта фраза прозвучала как-то даже обреченно.

Глава 30

Оружие

— Да чтоб им на дне озера вечно валяться, — не мог успокоиться я, читая пришедшее буквально несколько минут назад сообщение. Эти... эти бюрократизированные ржавые мотыги решили перенести аттестацию в связи с непредвиденными обстоятельствами. Ага, знаю я эти обстоятельства, зовутся тетей Мариэллой и взяткой должностному лицу!

— Что случилось? — Ирина отставила кастрюлю и подошла, заглянула мне через плечо.

Я молча ткнул в экран, читай, мол, а сам обхватил голову руками и задумался. Похоже, накрылась наша свобода медным тазом. Три оставшихся задания мы вряд ли сможем выполнить за сутки, у нас всё и так было расписано буквально по минутам, чтобы мы без особых рисков смогли набрать минимальное количество скверны для аттестации.

А теперь...

— И что теперь? — в унисон моим мыслям переспросила Ирина, а сама как-то успокаивающе погладила меня по плечам.

— Мы не успеем, — обреченно ответил я, закрывая ладонями лицо. Неужели столько усилий в пустую?

Где-то в груди малодушно пожал плечами покорный маленький мальчик, мол... ну и фиг с ним, будем жить с кланом. Ты, во всяком случае, пытался. А Ирина...

А Ирина о чем-то очень напряженно размышляла, так, что ментал гудел и потрескивал.

— А если взять одно задание, но сразу такое, чтобы скверны хватило? — переспросила она через пару секунд.

— Можно... если ты хочешь самоубиться, конечно, — ага, конечно, она и не обычных заданиях умудрялась находить опасность буквально везде! А на сложном, да еще и вот так, не отдохнув толком, не выспавшись! Пусть даже не думает, я не смогу жить еще и с ее смертью на душе... — И меня заодно добить.

— А какой у нас выбор, — очень серьезно переспросила Ирина. — Ты же помнишь лекаря? Нам нельзя разделяться, а в клане об этом никто слушать не станет. А даже если и станет... Мик, знаешь, я предпочту один шанс из ста с тварью, чем ни одного в клане. Я там не выживу.

Ее настрой заставил меня опешить. Почему-то, судя по ощущениям, жизнь с кланом казалось ей...абсолютным рабством, которое она считала гораздо хуже смерти. И даже то, что сильная семья легко вернёт ей украденную часть души, не являлась для неё аргументом. И сейчас она искренне считала, что лучше умереть в бою, чем жить... так. Тем более, что в бою был ещё шанс... и... прожив эту сумасшедшую неделю с ней, мыкаясь без денег, уставая, как ржавый цвирк, решая кучу дурацких проблем, отвечая за нее и за себя... разве я не думаю так же?!

— Хорошо. Я поищу задание на вечер. Но ты... ложись спать. Сейчас. Я накрою тебя пологом, чтоб ни свет, ни звуки не проникали. Тебе нужно выспаться минимум часов восемь, — тяжело вздохнул я, щурясь в экран. — Иначе ни на какой акт суицида мы не попремся.

— Тогда сейчас оба быстро едим, потом ты ищешь и вместе ложимся, — внесла свои коррективы девушка. — Твоя усталость на серьезной миссии не менее катастрофична, чем моя!

Что ж, смысл в этом был, так что хоть и со скрипом, но я всё же согласился. Но перед этим...

— Скверны у нас немного осталось, я старался, чтоб был хоть небольшой, но запас на всякий случай, — покатал в ладони несколько мелких кубов и парочку средних. — Так

что давай съедим кое-что... необычное. — заговорчески улыбнулся я, ища в поисковике один интересный сайт доставки готовых блюд. Что ж, даже если это будет наш последний вечер, мы проведём его на полную катушку.

Ирина посмотрела на меня с интересом, а потом как-то лукаво усмехнулась. В ее ментале пропала тревога, словно она махнула рукой — будь что будет. А сейчас...

А сейчас мы поужинали при свечах. Ну, я не совсем понял прелесть этих палочек из искусственного жира, дававших слишком мало света, но все же признал — в их мерцающем сиянии Ирина выглядела особенно привлекательно. Особенно, когда переделалась... точнее, разделась в такое необычное белье с кружевами, которое больше показывало, чем скрывало.

— Мы собирались спать, — на всякий случай напомнил я слегка охрипшим голосом, когда девушка в очередной раз потянулась через стол за бутылкой цветочного вина из одного аграрного мира. Руку я перехватил и налил светло-зелёный напиток в ее бокал.

— За удачу, — серьезно предложила Ирина, легонько дзынькая своим бокалом о мой. — И за нас.

— Да будет так, — кивнул я, практически залпом выпивая вино, чтобы смочить пересохшее горло. Уж слишком отчётливо под этими прозрачными лоскутками виднелись... да всё виднелось, ржа! Проще сказать, чего мне не было видно... ага, зато воображение на пару с воспоминаниями дорисовывало.

Ну и... не железный я. Не весь, во всяком случае! Так что можно сказать, провокация удалась: Ирина была аккуратно схвачена, не слишком аккуратно поцелована и совсем уж неаккуратно брошена на кровать!

И, главное, только идиот бы не понял, что она именно этого и добивалась. А по ходу дела еще выяснилось, что моему Мастеру все покоя не давал тот наш общий сон. После которого она так мило светила ярко-алыми ушами, убегая в душ.

Возможно, я бы и сравнил то, что происходило между нами, с тем, что было давно и подернулось странным туманом полуреальности. Хотя, говорят, нельзя сравнивать своих женщин... но мне и не дали такой возможности. Может, моя Мастер и не была такой умелой и раскованной, но она была сумасшедше нежной, жаркой, искренней, живой, возбуждающей! И... моей.

Хорошо, что я полог успел поставить. А то сегодня мы бы обязательно перебудили всех соседей в этом человеческом муравейнике. И кошек напугали бы. Наверное.

На задворках сознания промелькнула мысль о Сосиске и ее неожиданном кавалере, но тут же пропала. Какие, к рже, коты, какие кубы... сейчас вся моя жизнь — вот она, в ее маленьких пальчиках, в опухших губах, в светящихся нежностью глазах.

Даже жаль, что спать нам все-таки надо. Ведь завтра... Да к ржавым демонам! Не отдам! Наизнанку вывернусь, но мы справимся!

Глава 31

Выбирать задание пришлось в районе четырёх часов утра, но за счёт того, что легли мы рано, чувствовал я себя бодрым как никогда за последний месяц. Ирину, на всякий случай, оставил поспать под пологом еще немного, всё же бодрость Мастера важнее, чем Оружия. Хотя бы за счёт того, что именно Мастер держит оружие в руках.

Задание нашлось на удивление быстро, что было даже немного странно. Перемещаться тоже особо не надо было, город был наш. При желании даже можно не пользоваться телепорт, тратя скверну, а доехать на здешних аналогах транспорта. Заодно, может отвлечемся от всего... этого.

То, что наш поход буквально самоубийство — я старался не думать. Всё же, хотелось верить, что удача на нашей стороне — сколько уже было возможностей рассыпаться во ржу, так живы же.

Это Ирина по неопытности воспринимала всё, как интересное приключение, а у меня буквально на каждом задании чуть душа в астрал не выскакивала. Хорошо хоть, незаметно от Мастера прикупил маленький блокиратор, позволявший прятать не все чувства, а лишь определенные. Не хватало ещё, чтобы она на задании ощутила мой страх и неуверенность, сбилась с настроев, испугалась, растерялась...

Кокон из одеял под пологом слегка завозился, и я тяжело вздохнул. Так, ладно, задание я выбрал, но время осталось. Попытаться что ли приготовить завтрак? Эм... не... я тогда точно спалю нашу хатку бобра. Разве что кофе. Кофе и бутерброды.

Пока готовли, о мою ногу потерялся грязновато-белый кот, не лапаясь, а скорее обозначая своё присутствие и, как оказалось, сообщая о том, что уходит на охоту. Но при этом отметил, что логово годное — тёплое и мягкое, кошка тоже годная — красивая и злая, всё как он любит. Так что пошел кавалер за подарком для несговорчивой дамы. Форточку велел не закрывать.

Я только одобрительно хмыкнул ему в след, следя за тем как пушистый кошачий зад мелькнул в оконном проеме.

— Прямо мамонта пошел ловить, такой важный, — прокомментировала с кровати Ирина. — Мммм, как кофе пахнет. Ты самый лучший!

Не стал отвергать неоспоримый факт и просто ответил на эти утренние нежности. Жаль, долго так продолжаться не могло — время поджимало. Так что буквально пол часа спустя мы вышли из дома, уже серьезные и сосредоточенные. Как я и предположил — порталом решили не пользоваться, каждая капля скверны на счету.

Вот и получилось, что наша маленькая Смерть со своей косой ехала к «клиенту» на обычной электричке. Такими темпами, глядишь и постучаться придется...

Ириска

По дороге Микаэль рассказывал мне подробности и выдавал последние инструкции. А я ежилась и старалась заранее не впасть в панику. Дело в том, что я как могла, прятала от Мика в самую глубину сознания один странный факт: ну не получалось у меня не пропускать души через себя! Не потому что я упрячилась и не следовала его инструкциям, а потому... что инстинкт оказался сильнее. И он во весь голос вопил — так ПРАВИЛЬНО! Так НАДО!

У меня вообще на миссиях включался какой-то аварийный режим, я даже сама не всегда могла объяснить, почему действую так, а не иначе. Но, главное, всегда правильно, если судить по результату.

Вот только была у всего этого веселья и обратная сторона. Проживать с душой всю ее скверну оказалось... больно. Понятно, душе было гораздо больнее, и я в который раз

подумала, что персональный ад есть у каждого. Но и мне доставалось...

А сегодня предстояло вообще нечто жутковатое. Мик как сказал, так у меня коленки и ослабели.

— Сегодня, примерно в одиннадцать сорок пять по местному времени умрет мужчина, хотя скорее дед, у него уже давно были проблемы со здоровьем, причём по его собственной вине, — на мой вопросительный взгляд Мик пояснил, — обычно таких людей называют... антикварами, да? Или коллекционерами... В общем, в коллекции у этого любителя древностей и искусства собралось слишком много вещей, полученных далеко не законным путём.

Мои глаза расширились... надеюсь, это не то, о чем я подумала?!

— Нет, самостоятельно он никого не убивал, но из-за его интриг и попыток получить желаемое пострадали а то и погибли даже не десятки, а сотни людей. Да еще и наложились то, что многие «кровавые» предметы сами по себе несут в себе часть скверны предыдущего владельца. У вас такие вещи еще иногда «проклятыми» называют.

— А сколько ему лет? — холодея от неприятного предчувствия, переспросила я.

— По вашим меркам очень много. Девяносто восемь. Даже удивительно, что старик столько протянул... хотя бывает, что скверна не только портит жизнь, но и удерживает душу в загнивающем теле. Как помнишь, с тем псом.

Устный счет никогда не был моим коньком, но тут я справилась, и, облизнув пересохшие губы, уточнила:

— А про блокаду Ленинграда в его биографии что-то есть?

— Есть, — кивнул Мик. — Тогда все и началось, насколько я понял. Этот дед работал на какой-то продовольственной базе, и...

— Понятно, — я уткнулась лбом в холодное стекло и закрыла глаза.

— Я тебе сто раз говорил. Сто раз! Прекрати так делать! — Мик сначала встряхнул меня за плечи, а потом обнял. — Мы выживем. И нас ждёт долгая, свободная от обязательств жизнь. Но если ты будешь пропускать через себя все горести каждого объекта охоты — ты превратишь свою жизнь в ужасное существование. Умоляю, Мастер... перестань...

— Да не могу я! — вырвалось из самой глубины души. — Думаешь, мне самой нравится?! Но я не могу!

Я развернулась и уткнулась лицом в его куртку, пряча внезапные слезы. Как хорошо, что я не одна... и... что именно он со мной... и... так. Хватит ныть. Я не могу его подвести, ведь сама втянула в эту дурацкую гонку.

— Я не знаю, поможет ли это... — серьезно проговорил Мик, — слишком занят был всё это время, чтобы искать объяснение твоим... способностям. Но надеюсь, когда мы, наконец, закончим эту гонку, достаточно будет купить тебе мощный артефакт, блокирующий ментал от внешнего воздействия. И станет легче.

— Ага, — согласился я, уже устыдившись своей слабости. — Я справлюсь, не беспокойся.

— Выходим, — Мик еще раз покрепче прижал меня к себе, а потом подтолкнул к разъехавшимся дверям электрички. — Потерпи, это единственное настолько сложное задание. Даже на экзамене будет проще!

Глава 32

Ириска

— Зато долг закроем, — я шмыгнула носом и послушно вышла на серый от дождя перон. На порыжевшем от времени указателе чуть подтекшими буквами было написано «Зябликово». Милое местечко с крайне немилым обитателем...

— Скрыт! — скомандовал Мик, когда мы спустились по рассыпающимся от времени бетонным ступенькам в реденький лесок за платформой. И как только на мне оказалась лёгкая тёмная накидка, превратился в Косу.

По раскисшей осенней улочке между старыми деревянными дачами, пустыми и унылыми, мы добрались до добротного кирпичного забора. Единственный в поселке новый дом был отстроен как средневековая крепость — под лозунгом «Враг не пройдет! И не пролетит».

— Через забор? — я с сомнением подняла взгляд на утыканную противотанковыми ежами стену из красного кирпича. — Или все же в калитку постучимся?

«Помимо будущей твари я чувствую там еще несколько небольших сгустков — видимо охрана или родственники. Так что лучше потратиться на нематериальность, так потеряем и меньше времени и меньше нервов»

— Угу, — я уже научилась прицельно пользоваться нематериальностью нового скрыта, сосредоточилась и пропустила строго отмеренную порцию скверны из Косы в плащ. Секунда, и кирпичный забор остался позади, я прошла сквозь него, как нож сквозь масло. И, не отключая режиме невидимости, пошла к двери в дом.

Умиравший старик лежал на втором этаже, в большой, очень светлой комнате с панорамными окнами. Примечательно, что когда мы поднимались сюда, глаз то и дело цеплялся за развешанные по стенам старинные картины, гравюры и прочие радости коллекционера. Дом больше был похож на музей, чем на место, где кто-то может жить. Довольно гнетущая тут была атмосфера.

А вот в комнате, где доживал свои последние часы владелец всей этой сомнительной роскоши, не было ни одной картины или статуэтки. Белые стены, светло-серый ламинат на полу, кровать, тумбочка, стойка с капельницей. И много воздуха.

«Почти пятьдесят кубов набрал», — поделился со мной немного нервный Мик, пока я в нерешительности стояла на пороге. — «И это с предметов на лестнице. Что за мания у людей собирать в своем доме столько чужого горя и боли? В чем удовольствие?»

«Не знаю», — я пожала плечами и подошла к дремлющему старику. — «Никогда этого не понимала».

Хриплое дыхание с кровати постепенно становилось все тише и реже. Странно, почему он умирает один? Наверняка ведь есть прислуга, сиделка, судя по капельнице. Наследники... а он один.

Внезапно старик на кровати поднял сморщенные, лысые веки с фиолетовыми прожилками и уставился на меня в упор. Закашлялся. И просипел:

— Наконец-то! Где ты шлялась так долго?!

«Ну ни ржа себе заявочки! Знаешь, а давай вот возьмём, покажем ему неприличный жест и сделаем вид что уходим? Подохнет-то он и без нас...»

Я отрицательно покачала головой. Меня уже не удивляло, что старик видит меня через скрыт. Это означало, что его время действительно пришло. И каким бы он не был мерзким... издеваться не хотелось. Потому что ему было страшно. Очень страшно умирать. Просто жить ему было еще страшнее.

В комнате ощутимо пахло чем-то знакомым, душным таким, сладковато-пряным. А, это

ладан. И свечка с иконкой на тумбочке. Пытался грехи замолить? Смешно... как мне уже объяснял Мик, скверна из души действительно может уйти сама, рассеяться без следа. Если искренне раскаяться. Самому, без посторонней помощи, без битья лбом об пол и прочих ритуалов самообмана. Это не наш случай, увы.

Я подошла к изголовью и буквально окунулась в дикий страх этой души, льющийся в меня из стариковских глаз.

— Не бойся, это больно, но недолго, — зачем я его успокаиваю? — Жить — больнее.

Морщинистые веки медленно опустились и тело на кровати как-то по особенному вытянулось, почти мгновенно перетекая из живого существа в пустую, скомканную оболочку. А я отступила на пару шагов и напряглась.

«Так, кажется нам лучше покинуть дом... ржа! Ржа!!! Я идиот! Если тварь не лезет из самого человека, значит она...» — Мик не успел закончить.

— Уже вокруг нас — с ужасом прошептала я.

Глава 33

Ириска

Зеленовато-тухлый туман, едкий, как кислота, медленно, даже лениво сгущался в комнате. С первого взгляда вроде и не так все страшно, но попробовав сдвинуться с места, я с ужасом поняла, что этот туман скорее похож на вязкий кисель, он липнет, замедляет движения, засасывает, как трясина. И душит.

«Бей» — услышала я сквозь страх, — «да рубани же мной, не стой сусликом!»

Рубани? Куда? В туман? Черт, ну как он себе это представляет?!

«Проруби себе из него проход!»

Точно! Там... вот в той стороне — окно, надо до него добраться. Правда, «рубануть» что-то чем-то в помещении, где каждое движение дается с трудом, словно приходится преодолевать огромную толщу воды, очень... сложно. Особенно если не дышать.

Как в замедленной съемке я видела собственные руки, уже привычно перехватывающие древко поудобнее, ушедшее в замах лезвие... зеленые пряди тумана обвивались вокруг него, стараясь затормозить, связать, вырвать Косу из моих рук... черта с два!

Резкий взблеск лезвия отозвался диким шипением и ледяным ударом холода по нервам, зато я сумела вдохнуть. В ядовитом тумане появился узкий просвет, где-то далеко-далеко, за окном, как за тридевять земель, мелькнул слабый луч осеннего солнца, и я, не раздумывая, кинулась в ту сторону.

Шаг, еще шаг — несмотря на то, что туман расступился, все равно было тяжело, словно навстречу дул очень сильный ветер. Коса в моих руках потяжелела, Мик как будто вдруг потерял чудесную способность облегчать мне жизнь. Проход к окну стремительно сужался, зеленые стены сдвигались, уплотнялись на глазах, покрываясь блестящей слизью. Пол зарастал такой же слизистой «травой», больше похожей на щупальца хищных лиан. Они шевелились, жадно тянулись вверх, так и норовя оплести ноги, не давая сделать шаг.

От отчаяния я перехватила Мика как косу-литовку, лезвием к земле, и сделала широкий замах. Один, другой... срезанные щупальца расплывались новыми порциями тумана, вокруг визжало и шипело... но заветное окно приближалось.

Наконец, скосив очередной куст ядовитой дряни, я в последний раз замахнулась и что было силы врезала лезвием Мика по стеклу. Осколки звенящим дождем посыпались на улицу, а следом вывалились мы.

Вот где вспомнился с благодарностью полигон и синяки по всему телу. Падать меня Микаэль все же научил. Так что, перекувыркнувшись через косу, я всего лишь смачно проехала по осеннему облысевшему газону, собрала на себя всю грязь с него и проехала на попе почти до забора.

Выдохнула, оглянулась... ой, мамочки!

Огромный, жуткий призрачный спрут, медленно шевеля щупальцами, выползал из окна. Часть его конечностей быстро трансформировалась в длинные плети с зазубренными гарпунами на конце, а другая часть протянулась в дальнюю от нас часть двора, опутывая деревья и явно готовясь рывком утащить противно дрожащее желейное тело прочь.

Первым моим порывом было сделать то же самое. Руки в ноги — и в другую сторону. Но...

Нельзя. Нельзя! Эта гадость, она же столько бед натворить может, подумать страшно. И это даже важнее того, что если мы не остановим монстра, никакой свободы нам не видать.

Мик в моих руках снова стал легче — видимо, вернул концентрацию и молчал —

чувствовал, как я собираю все свои невеликие силы в кулак. Не хотел сбивать. Я медленно поднялась на ноги, опираясь на Косу, и прикусила губу. Надо было решаться...

Зеленый спрут уловил мои намерения, с окрестных деревьев посыпались скукоженные остатки листы, когда он угрожающе зашипел. Не успела я прицелиться — все же Мик на расстоянии эффективнее бьет — как две зеленые плети метнулись в нашу сторону, угрожающе блеснув зазубренными крючьями-гарпунами на концах.

Заорав с перепугу, я отбила один из них лезвием, а второй рукояткой, и рванула в сторону. Черт, надо оторваться на расстояние дистанционного удара, но при этом не дать чудовищу сбежать. Страшно... только думать об этом некогда, потому что в нашу сторону уже летят еще несколько новых плетей с гарпунами.

«Молодец... ты умница, всё сможешь, только не останавливайся, двигайся» — шептал на периферии восприятия Михаэль.

Я прыгала по скользкому газону, как ошалевшая блоха, парируя удары монстра, потом все же умудрилась и сбила пару щупалец прицельной Миковой волной на подлете. Выдохнула и даже взбодрилась — метод оказался действенным. Несколько режущих волн даже попало в основную тушу спрута, заставив того бешено взреветь.

Поняв, что так просто сбежать не удастся, чудовище вдруг резко прыгнуло нам навстречу, и выстрелило кляксой липкой слизи.

Один раз оно промазало, второй раз я сама увернулась, а потом Мик, явно впечатлившийся новой тактикой и уже втянувший в себя часть скошенной скверны, вдруг сделался в моих руках совершенно невесомым и бешено заорал у меня в голове:

«Щит! Крутящийся! Как я показывал!!!»

Тогда, на тренировках, у меня не получалось раскрутить трехкилограммовый длиннющий дрын в одной руке так, чтобы он слился в гудящий круг. А тут вдруг получилось — то ли с перепугу, то ли потому, что Мик теперь вообще ничего не весил. Но зеленые кляксы успешно отлетали от этого гудящего, полупрозрачного щита. Под его прикрытием я попятилась, стараясь занять выгодную позицию для «выстрела».

Я уже почти справилась, почти... но не заметила, что эта дрянь, отвлекая меня кляксами, протянула по земле тонкие, как нитка, щупальца. И вот эти самые «травинки» в какой-то момент ринулись на меня снизу, как ядовитые змеи, впиваясь в тело, и...

«Усталая, измученная старуха в драном черном платке, тощая настолько, что сквозь кожу на лице явственно проступают кости черепа. Сморщенное, желтое личико младенца, мелькающее у нее за пазухой. Это соседка по лестничной площадке, дочь какого-то профессора. Сколько же ей лет было? Двадцать пять? Ишь как за блокадную зиму пооблезла, интеллигентская краля, недобитый класс. У них же и квартира не квартира была, музей, и никаких чертовых соседей, отдельный клозет. И картины на стенах. А теперь чего? Последнюю приволокла? Импрессионисты? Ну ладно, на пият грамм хлеба потянет. Что, сдохла через три дня? Ребенка в детдом? А в их квартире еще осталось что-то... да и сама квартирка. Щенка надо оформить как неизвестного и из домовой книги выписать. Помер и помер, нету наследников».

Я вскрикнула и свободной рукой выдрала из ноги впившегося червя чужой памяти. Но на его месте тут же возник другой.

«— Сама понимаешь, Михална, расстрельная статья у твоего сынка. Вольно ж ему было шпионить. Признанку-то он вишь, подписал. Че? Кровь на бумагах? Дык а че ты думала, целовали его на допросе, что ли? А ну не вой! Давай, показывай, чего ты там приволокла, какое такое фаберже. По-соседски-то, может, и порадею. А то поедут твои внуки в спецраспределитель под Воркуту, как дети врага народа, сама понимаешь»

Я не выдержала и закричала, выдираясь из переплетения этих змей. Картинки давней подлости и боли мелькали все быстрее, заслоняя реальность. В какой-то момент даже Мик едва не выпал у меня из рук...

А потом я поняла, что сопротивление бесполезно. И единственное, что я могу сделать, это...

Не сопротивляться. Пропустить все сквозь себя. Опять. Всю эту мерзость, все кошмары жадного, безумного старика, в последние годы видевшего в своих картинах не деньги и не красоту работы старинных мастеров, а глаза жертв. Тех, кто умер в блокаду от голода, сгинул в лагерях после войны, потерял дом и даже имя... всех.

— Дура! — отчаянно заорал Микаэль. — Не смей! Сторишь!

— Мик... — жалобно всхлипнула я. — Прости... так надо...

И впустила в себя чужую жизнь. Вот только в этот раз волна захлестнула не меня одну... Где-то, уже вдалеке, раздался яростный рык моего Оружия. А затем пришла призрачные досада, стыд и...

Я не знаю, как он это сделал. Но я больше не была одна в этом сумрачном мире кошмаров... Волны боли, смерти, голода, отчаяния и бессилия перед чудовищной несправедливостью захлестывали с головой, но нас было двое. И совершенно волшебным образом чужая скверна бурлила вокруг, проходя сквозь нас, но словно не касаясь души. Мы видели, слышали, осязали... но не тонули. Наши чувства остались с нами, и эта мерзость не могла их затронуть... было просто жалко их всех, и дурного, жадного мальчишку, по-настоящему дорого заплатившего за свое болезненное стремление к чужой красоте в том числе.

Вынырнули мы из этого омута так же резко. Несколько секунд я стояла неподвижно, стараясь перебороть звон в ушах и усмирить цветные фейерверки в голове.

— Ты самая чокнутая, долбанутая, безответственная и непослушная Мастер на свете! — голос Мика буквально звенел у меня в ментале, сопровождаясь шквалом его эмоций, которые вдруг уж очень резко сменили вектор: — Но, похоже, самая везучая! Ну не ржи себе... Тут это... мы, вроде как, победили. Глаза открой.

Я послушалась. Огороженный кирпичным забором двор был пуст. Рваное осеннее солнце отражалось в совершенно целом стекле второго этажа. Я стояла у как-то полузасохшей декоративной туи, опираясь на древко.

И тишина... словно ничего не было.

— Это... как? А где оно?

Мне по мыслесвязи прилетела потешная картинка Мика, похлопывающего себя по раздувшемуся животу.

— В надежном месте, ик, — постарался схохмить он, — давно я таких объемов не глотал... Всё же на охоте с прежним Мастером большая часть скверны шла Микаэлле.

Я слегка напряглась, ожидая привычной боли от его старых воспоминаний, но нет. Только тепло и легкая грусть.

А еще моя Коса светилась. Видимо, от переизбытка энергии.

— Ты не лопнешь? — обеспокоилась я, глядя, как стальное лезвие на глазах покрывается узорами булатной стали и обрастает какими-то боевыми выступами.

— Нее-аает, — раздался в ответ зевок сытого кота. — Только, кажется, эволюционирую. Знакомая чесотка... я, кстати, нечаянно всю скверну втянул. Вообще всю, и из дома тоже. Так что теперь эти их картинки безопасны для наследников.

Легкий звон привлек наше внимание и на мою вытянутую ладонь опустился солнечный зайчик очищенной души. Я улыбнулась и подкинула ее вверх, как мячик. Лети!

— Ну что, домой? — спросила я, проводив искорку света глазами, пока она не растворилась в небе. — Может, ты своими нога...

Резкая боль в спине заставила меня вскрикнуть, а потом я стала падать, так и не поняв, что случилось.

— Ирина! — испуганно закричал Мик и мне по мыслесвязи прилетело изображение знакомого до боли лица из подворотни, со впалыми щеками и острыми, нечеловеческими чертами.

Глава 34

Оружие

Не знаю как, но мы выжили. Мало того, судя по количеству скверны, буквально распирающей меня, еще и победили. А ведь в какой-то момент малодушно хотелось бросить всё и активировать телепорт, позволив твари убежать...

Да, у меня был аварийный телепорт. И если бы всё покатило совсем цвирку под хвост, или очередной удар был бы добивающим... то плевать я хотел бы на убегающую тварь, штрафы, клан и «золотую клетку». Я не собираюсь терять еще одного Мастера, тем более, что целители подтвердили — нас теперь фиг разделишь. А уж тётке заключение лечебного центра показать я всегда успею, специально, в тайне от Ирины, заказал выписку из нашей карты.

Я не скажу, что победа досталась нам легко. Нам повезло, да, но легче от этого не стало. А уж когда я подхватил поток воспоминаний вместе с Ириной... я, если честно, готовился чуть ли не к разрыву души. Ведь Мастер так мучилась одна, просматривая картинки чужой жизни.

Но все оказалось не так уж страшно — смотреть было мерзко, неприятно, но не более, чем наблюдать театральное представление. А уж то, что Ирина рядом, и понимание, что моё присутствие ей действительно помогает, и вовсе смиряли меня с окружающей нелицеприятной картинкой. Скверна — она в любом мире скверна и от хорошей, праведной жизни не появляется.

Зато результаты! Я даже предположить не мог бы, что пройду вторую эволюцию в свои пятьдесят с цЕпочкой! Видимо, дикий стресс и обилие скверны сделали своё дело. Интересно, какие новые свойства я приобрету? Проходя первую эволюцию, я мечтал о внушительном виде (не, ну извините, мне тогда лет 30 было!) и мощных атаках на расстоянии. Потому из серпа и стал массивной косой, атакующей «волнами». А чего я хотел сейчас?

— Ну что, домой? — спросила Мастер, восхищенно провожая взглядом очищенную от скверны душу и отвлекая меня от попыток самопознания. — Может, ты своими нога...

В нос ударил резкий запах разложения, а за спиной девушки материализовалась из скрыта фигура с занесённым кинжалом. Мой крик опоздал, я просто не успел среагировать вовремя!

Ирина вздрогнула от удара и упала на меня сверху, полностью закрывая обзор.

Что?! Нет, неужели снова!? Снова потеряю Мастера!? И опять, опять ржавый, взявшийся ниоткуда после убийства твари дикарь!!! А никем иным эта тварь с оружием в руках быть не может. За что, Прародители?!

Из-за шока я не сразу почувствовал, как скверна внутри меня будто сворачивается в тугий комок, натягивается, как пружина. Удар сердца, и вокруг нас закручивается купол, отбрасывающий снова замахнувшегося на Мастера дикаря. Это... похоже, это и есть результат эволюции. И ведь правда, моим желанием было — защитить мою мелкую, ни о чём другом я тогда не думал.

Теперь самое время телепорт... сейчас... Ржа!

Не работает. Не работает! Похоже, тварь хорошо подготовилась, где-то рядом глушилка. А ведь тогда... в тот раз она тоже была! Но дикарь же другой?! У них что, подряд какой-то по охоте на Мастеров?!

— Прексрасс-сно, — раздался самодовольный, сиплый голос отлетевшего на несколько метров дикаря. — Но ты и сам понимаешь, что в лучшем случае отложил вашу гибель лишь на пару минут. Не трать уже мою скверну, щенок. Может быть, тогда я тебя не

добью.

«Нашел, что пообещать — как можно более уверенно постарался хмыкнуть я. — Агитатор из тебя так себе».

Хорохориться-то я хорохорился, а сам судорожно проверял состояние Ирины. Дорогой плащ, сочетающий в себе скрыт и способность к нематериальности, снова спас. Плотная материя, пропитанная энергией, заставила кинжал соскользнуть, ударить в лопатку вместо сердца. Рана хоть и болезненная, но не глубокая и не смертельная. Непонятно только, почему Мастер не реагирует, словно сознание потеряла.

— Держать щит и бить одновременно ты не можешь, — констатировал дикарь пару минут спустя и подарил мне на редкость мерзкую ухмылку. — Но и слишком долго ждать мне некогда. Сиди за своей стеной, ржавый дурачок, твоя девка и так у меня на крючке. Душа мастера — еще ни одно оружие не получало такой вкусной еды, даже от кусочка мой кинжал стал почти легендарным по силе!

Так это те самые, что покалечили Ирину? И теперь пришли закончить начатое... И ведь, похоже, плотно пасли, раз подловили в самый неподходящий момент, когда мы уже изнурены и вымотаны хваткой с превосходящей нас тварью скверны.

Дикарь даже не стал подходить ближе, просто перехватил свое оружие, направив лезвие на лежащую у моих ног Ирину. И скомандовал:

— Открой канал и тяни! Ее душа сама перетечет в тебя!

Что? Это вообще возможно!? Ирина, просыпайся же, Мастер! Этот выродок прав, я не могу держать щит и отбиваться одновременно! Нам надо бежать!

«Пошел на хрен, педофил грёбаный. Я на убийства не нанимался, сраный ты Дамблдор!» — а это вообще чей голос? Это... его Оружие?

— Делай, что велено, щенок! — взъярился дикарь и даже я почувствовал, с какой силой он хлестнул менталом по сознанию кинжала.

Не знаю и знать не хочу, что у них там происходит, но не воспользоваться случаем — это надо совсем мозгом заржавать. Пока аж побелевший от злости дикарь перенес все свое внимание на строптивый кинжал, надо хватать Мастера и бежать... но как!? Ведь только приму человеческую форму, как щит пропадет.

Глушилка не должна покрывать слишком большую площадь, десять-двадцать метров радиус — не более. Так что если постараться отпрыгнуть и бешеным сайгаком? с Ириной на плече пробежать буквально немного...

Думать было некогда, дикарь уже практически сломал сопротивление молодого (а голос был явно пацанский) Оружия. Так что, как только вихри энергии пропали, и произошла трансформация, я подхватил Ирину на руки и сиганул в сторону открытой калитки. Всего несколько шагов... главное, успеть! А там скроюсь в лесу. Есть надежда, что расстояние не позволит кинжалу высосать ее душу...

Но дикарь среагировал слишком быстро. Секунда, и он все же переломил волю строптивного мальчишки, как тонкий прутик о колено.

— Попались, цвирчатки, — улыбнулся он полной странно-заостренных клыков пастью и метнул кинжал. Тоскливый стон его Оружия прокатился по менталу, но сопротивляться пацан уже не мог.

Единственное, что я успел сделать, это развернуться и закрыть Ирину собой. Ржавый это щит, из человеческой плоти, особенно для Оружия скверны, понимаю... но хоть так. Хоть так...

Глава 35

Только вот вместо ожидаемой боли по менталу прилетело эхо очередного мальчишеского вскрика-всхлипа и звон металла.

— Не помешаем? — смутно знакомый мужской голос прозвучал неожиданно, откуда-то сбоку.

Мозг соображал туго, но развернувшаяся в ментальном пространстве картинка заставила облегченно выдохнуть.

— Нет, Кетцаль, вы очень вовремя! — ответил я, судорожно утыкаясь в макушку своего Мастера и сжимая ее дрожащими руками. Откуда тут взялся Легендарный и его Зефирка? Да какая, к рже, разница? Они действительно вовремя.

— Загоняй его, Кекс! — раздался радостный вопль полосатой девчонки, и где-то за моей спиной послышались звуки борьбы, яростный мат дикаря, по менталу волнами пошли искажения — кажется, тварь пыталась сбежать, но его собственная глушилка на этот раз сослужила службу не ему. А ведь единственное его Оружие — кинжал, сбитый томагавком, отрикошетил и улетел куда-то... по ощущениям, чуть ли не за забор, и там тяжело постанывал.

Итог был закономерен. Эманации насильственной смерти не заставили себя ждать. Скверна так и хлынула. Но это уже не наша охота...

А мы, кажется, выжили... хвала прародителям, мы выжили... второй раз за сегодня, ржа!

Спустя несколько минут...а может час, ведь пытаюсь прийти в себя, я потерял счёт времени, мне на плечо легла ладонь Кетцалькоатля.

— Пошли. Отнесёшь свою к целителям. — спокойно сказал он. — Задание подтвердишь.

Я кое-как поднялся с земли и постарался поднять Ирину, не смотря на подгибающиеся ноги. Стопы и вовсе одеревенели и ныли. Рука легендарного переместилась с плеча на спину, и в меня потёк обильный ручей скверны.

— Не надо, — попытался отмахнуться я, — Вы и так помогли...

— Не будь наивняшкой! — раздался сбоку звонкий голосок Жанны, — мы не помогли бы, если б нам не было это выгодно!

— Выгодно... — голова всё еще кружилась и плохо соображала.

— Ага, — продолжила девушка. — Ты когда рассказал Кексу про откушенную душу своей девахи, мы сразу смекнули, что это пугало за оставшимся вернётся. А потом залезли в базу, глянули примерный уровень и размер награды, — пожала плечами полосатая, — В общем, мы решили, что за такие барыши можем немного и за вами пошастать! И не прогадали, щучка наживку заглотила!

— Держи. Ваша доля, — Легендарный протянул мне несколько десятков средних кубов, — 20 % за работу в качестве наживки, — с едва заметной улыбкой пояснил он. А я всё не мог определиться, благодарить мне или негодовать. С одной стороны — нашим бедственным положением просто воспользовались, с другой — подстраховали и спасли. Ведь мы и без них пошли бы на эту самоубийственную миссию. Так что:

— Спасибо. Удачной вам охоты, — слегка поклонился я, подхватывая своего Мастера и готовясь активировать телепорт к целителям в Призму.

— И вам! — ответила Жанна. — Всё-таки сбежавшего подранка вам придётся отлавливать самим, не маленькие! Да и на эту кухонную утварь заказов не было! — шутливо отпартовала она, повергая меня в шок.

— Сбежавший? — удивился я. — Но разве...

Договорить я не успел, Легендарный с Мастером мелькнули, телепортируясь. А я абсолютно искренне покрыв парочку всеми известными мне ругательствами, вот же... ржа... ненавижу эту логику древних развалин! То ли помогли, то ли использовали!

Ладно, сейчас главное Ирину к целителям отнести. И пусть только попробуют теперь что-то про неблагонадежность вякнуть — Карточка Мастера-Охотника уже почти у нас в кармане, и скверны хоть залейся!

Ириска

Я пришла в себя от того, что меня кто-то целовал. Эм? Я же... меня же... это что было?! И кто меня целует прям после битвы?! Хотя, что значит кто-то? Целовать меня имел право только один... Кос.

И целовал он меня так... что прямо крылья отрастали, и я едва не взлетала в воздух от переполнявшего блаженства и чувства, что весь мир наполнен радостью и ликованием, правда, я не могла сразу вспомнить, чему именно радуюсь...

Я открыла глаза и улыбнулась, обнаружив себя у Мика на коленях, а вокруг уже знакомую приемную лекарского отделения оранжевого сектора. Странно только, что я не помнила, как мы тут оказались. Мы же пошли на охоту?

В следующую секунду я испуганно вцепилась в Мика обеими руками и встревоженно спросила:

— Что?! Тебя ранили?!

— Меня?! — в свою очередь удивился Мик. — Почему меня должно было ранить?

— Ну не меня же? — я прислушалась к собственному организму и не обнаружила в нем ничего криминальнее легкой слабости. Нигде не болело, даже не тянуло, и... ну я же помню охоту. Вроде бы. Помню, что Мик слегка обожрался, оброс дополнительными выступами под лезвием и из просто железного стал булатным, если я хоть что-то понимаю в металлургии.

То есть, ни фига не понимаю, но картинка в инете видела.

А потом? Мы собирались уже пойти домой, когда...

— Что это было?! — помертвевшими губами спросила я свое Оружие, вспомнив резкую боль в спине и невозможный стылый холод, внезапно сомкнувшийся над моей головой, словно воды омота, в который я рухнула с камнем на шее.

— Один старый знакомый пришёл по твою душу, а то его Оружие не закончило трапезу, — с мрачным каким-то удовлетворением поведал Мик и добавил. — Жаль, не я его прикончил.

Чтобы долго не расписывать словами, он ментально подтолкнул в мою сторону картинку прошедшего боя, и я тоже едва не закричала зубами.

— Вот сволочь! Вот скотина! Туда ему и дорога! — я тоже злорадно возрадовалась, и одновременно выдохнула с огромным облегчением.

Страшное лицо из подворотни до сих пор снилось мне в кошмарах. Это днем я храбрилась, грозно намекая сама себе, что вот как дойдут у нас руки, да как поймает мы этого гада, да каааак...

Ага. Если бы я знала, что гадский сволочь еще и сам на меня охотится, я бы сдохла от страха уже давно.

А теперь он мертв, и... плохо радоваться чужой смерти, да? А мне плевать! Туда ему и дорога еще раз! Я Томагавку еще и шампанское выставлю, как встречу!

— Кинжал успел смыться, — заметил Мик, покрепче обнимая меня и переживая со мной весь мой отходняк от несбывшегося страха. Господи, я сама не понимала, оказывается, что все это время жила с диким напряжением внутри. А теперь оно... исчезло. Как будто сняли в плеч приросший от долгого ношения груз, и я вдруг смогла выпрямиться и вздохнуть полной грудью.

— Далеко не уйдет, — продолжил тему Мик, и я подумала сразу о нескольких вещах: во-первых, там, в подворотне, парень-кинжал казался мне достаточно взрослым — ну, лет восемнадцати, как минимум. А голос, ругавший педофила, был совсем пацанячий. Во-вторых... и в третьих!

— Слушай, так получается, что за нами втихую может проследить вообще кто угодно, и мы даже не заметим?!

— Ну, карточку стажера достаточно легко отследить, с Мастером уже будет намного сложнее. Если я правильно понял, то у вас тоже есть подобные аналоги — паспорт и телефон.

— Да нет, при чем тут карточка! Как этот дикарь узнал, где и как нас ловить во плоти? И Томагавк сказал, что они следили... то есть, они точно были где-то поблизости! Заранее!

— Ну так место жительства у нас постоянное, в одном мире и ничем не защищено. Достаточно следилку повесить. Мы с этой тренировочной лихорадкой и грузовой дредноут у нас за окном бы не приметили.

— Весело, — оценила я новость и завошкалась, пытаюсь сползти с его колен. — Хорошо, что эту падлу грохнули, простите мой французский... но мне не нравится тенденция. А обнаружить и снять эту следилку можно?

На самом деле я думала, что не все так просто. Мик почти не рассказывал о своем первом Мастере и ее гибели, но... ментальный фон сам по себе — информационное поле, в котором есть все. И мне очень не нравились некие совпадения. А впрочем... да к черту! Мы победили, а страхолюдина сгинула навсегда, это главное!

— А моя спина... — я пошевелила лопатками, убедилась, что от ранения не осталось и следа и уточнила: — Мы опять должны тучу денег?

— А? Нет, — Микаэль хмыкнул и потянулся. — У нас большая часть долга уже была покрыта предыдущими миссиями, оставалось немного. А за лечение легкой раны по сравнению с комплексом прививок и печатей берут цвирковы слёзы, — тут он искренне улыбнулся. — А вообще, денег у нас теперь много. Скверны я и сам сохранил немало, так ещё и Кетцаль часть награды за голову дикаря подкинул. А за них платят намного больше, чем за тварей скверны....

— То есть, мы теперь богаты? — уточнила я, замирая от предвкушения. — И мы победили? Вопреки всему? — радость легкими пузырьками всплыла со дна души. — Мик... у нас же аттестация только вечером, да? Пошли сходим куда-нибудь, а? В другой мир! Пожалуйста! Ты же обещал, как деньги появятся! Давай... не знаю, давай покутим? Надо же отметить победу!

Глава 36

Ириска

— Богатыми нас не назовёшь, особенно по прежним меркам, но да... деньги у нас теперь водятся, — рассмеялся Мик, и встал с кушетки. — Думаю, мы вполне сможем прикупить что-то ... для себя. Уговорила. Пошли кутить, моя победительница злобных тварей!

Я едва не подпрыгнула от радости, отложив на потом все проблемы и непонятки. Нам нужна психологическая разгрузка и точка! Мик мне столько раз рассказывал про радужный рынок, я столько раз стонала от предвкушения и истекала слюной... но пока у нас не было денег и был долг, мы договорились держать себя в руках. И были. А теперь могли и оторваться!

— Осторожно, на шиарика не наступи, — в сотый раз предупредил Мик, когда я, восторженно оглядываясь, ступила на разноцветные плитки центральной локации. Помещение было похоже на огромную башню-библиотеку, спиралью уходящую куда-то вверх, в бесконечность. Вдоль «стеллажей» с разноцветными узкими нишами, напоминающими гигантские книжные тома на полках, вел пологий пандус, тоже уходящий в перспективу. А посередине круглого зала высилась циклопическая колонна лифта.

— Смотри, куда топаешь! — в очередной раз тихонько одернул меня Мик, отдергивая от какого-то странного кустика в горшке. — Извините, пожалуйста, она впервые на рынке, — он расплылся в вежливой улыбке и «кустик» снисходительно кивнул зеленой макушкой, — Ну что ты головой вертишь, под ноги кто смотреть будет? Упадешь! А мы только от целителей! Ммм... так.

И с этими словами он просто подхватил меня на руки, чмокнул в макушку, чтобы не брыкалась, и неспешным шагом двинулся к дверям лифта, давая мне всё рассмотреть.

Я радостно хихикнула, поудобнее устраиваясь у него на руках. Забо-отливый. Мур-р-р! Самое интересное, что никто из многочисленных окружающих... существ, на нас особо внимание не обращал.

— А куда мы идем кутить?

— Хм.... ты голодная?

— Ну средне так... — я прислушалась к организму и помотала головой. — Можно сначала погулять!

Мик кивнул, и мы пошли гулять. В лифт! А на шиариков он не наступал, хотя маленькие мохнатые мячики всех цветов радуги так и шныряли по затейливой мозаике пола во всех направлениях. И сердито шипели на тех, кто не смотрит под ноги.

— Так, давай я тебя отведу в одно место... оно мое самое любимое. Я... — Мик неожиданно сглотнул и на секунду отвернулся, но потом снова посмотрел мне в глаза. — Я там был очень счастлив. Хочешь? — спросил он у меня, подходя к огромной разноцветной стойке у сферического входа в лифт.

— Хочу... — зачарованно кивнула я, как-то резко утонув в его глазах. Настолько глубоко, что даже не увидела, что там был за лифт, не поняла, как долго мы ехали и пришла в себя, только почувствовав свежее влажное дуновение и запах моря. Нет, неправильно! Запах океана! Как дома... как в детстве.

Тоска резанула по сердцу и тут же отступила, растаяла. Потому что две наши одинаковые боли вдруг отразились друг в друге и... погасли.

Мы устроились на золотисто-белой мелкой гальке у самой кромки воды, и ленивая кошка-волна то и дело подкрадывалась к самым ногам, чтобы хулиганисто и щекотно

лизнуть босые ноги и удрать с веселым шипением обратно в зеленовато-прозрачную глубину.

А мы сидели на расстеленной Миковой жилетке (той самой, парчовой, которую он берег, как зеницу ока), тесно обнявшись, и смеялись ее проказам. И даже ни о чем не говорили. Сначала мне казалось — вот он, момент, когда можно столько рассказать о себе и столько узнать о нем, но... вдруг оказалось, что самое главное друг о друге мы уже знаем. И нам так хорошо от этого... просто хорошо вдвоем, а слова не нужны.

Воспоминания могут быть счастливыми, а могут нести боль. Поэтому, наверное, мы, не стовариваясь, решили их отпустить, чтобы пришли новые. Где мы вдвоем и море. Это море теперь наше.

Кстати, а на жилетке, оказывается, очень удобно заниматься любовью... правда, ей это на пользу не идет, но Мику было все равно, а мне и подавно.

Мы попрощались с океаном, только когда окончательно стемнело, а из-за горизонта высунулся край очень упитанной сиреневато-дымчатой луны. Может, и не ушли бы, но мой предательский организм в какой-то момент слишком громко напомнил о том, что любовью сыт он не будет. Мик сразу всполошился и поволок меня ужинать.

— Хочешь в тот ресторан, что мы посещали с тётей? — мой заботливый Кос снова подхватил меня на руки, похоже, ему просто нравилось так делать.

— Да ну нафиг этот пафос! — отмахнулась я, вспоминая. — Обожаю выбирать всякую вкуснятину на рынке! А еще там всегда бывают классные забегаловочки, где за нормальные деньги кормят вкуснее, чем в ресторане. Пойдем туда?

— А что именно ты бы хотела попробовать, может, морепродукты? — спросил Микаэль, проходя со мной на руках сквозь «двери» лифта, как сквозь воду, и слегка ударяя пальцем по голограмме, выбирая нужный оттенок. — Чего из еды больше хочется?

— Всего и побольше! — я жадно потерла лапки, немного подумала и добавила: — Но лучше мясного.

Кабина лифта оказалась большой и красивой. Если кому нравятся зеленоватые наплывы на стенах, странные сосульки на потолке и кокетливо вспыхивающая посреди всей этой архитектуры реклама. Что-то типа: «После нашего крема ваше лезвие будет блестеть и поражать остротой, самые лучшие Мастера будут у ваших ног!» Или «Увеличение главного калибра на двадцать делений всего за десять средних кубов!»

— Ого, — я озадаченно почесала затылок и смущенно хмыкнула. — А что, у вас дети в лифте не ездят?

Задумавшийся о чем-то своем Мик недоуменно моргнул, поднял глаза на объявление, а потом хмыкнул:

— Тьфу на тебя, ты у меня какая-то озабоченная! Это для стрелкового Оружия!

— Угу, для него самого, — похоже, мне нравится дразнить Мика?

Ой, нравится! Особенно когда он, убедившись, что никому до нас нет дела, скорчил в ответ смешную рожу, а потом взял и поцеловал!

Похоже, мое мрачно-пафосное, аристократичное до мозга костей Оружие постепенно мутирует в нормального человека. И это я его испортила. Тра-ля-ля!

В коричневый сектор мы вывалились, хохоча, как две гиены. И долго приноживались, стоя на круглой площади в окружении десятков маленьких кафешек, выставивших свои столики, а то и жаровни прямо на площадь. Наконец, нашли самый вкусный запах мяса и устроились под увешанным разноцветными фонариками деревом, заполучив в свои хищные лапки целое блюдо восхитительного печеного мяса, наструганного тонюсенькими пластами, с хрустящей островато-соленой корочкой по краям.

— А что там? — насытившись и разомлев у Мика под бочком, я с любопытством махнула рукой в сторону узкого извилистого проулка, ведущего влево от площади и тоже освещенного фонариками всех цветов радуги.

— Один из входов на Радужный Рынок, — Мик устроил подбородок на моей макушке и как-то на редкость удовлетворенно вздохнул.

— Ух ты! — легкий флер усталости и сытости мгновенно слетел с меня и я встрепенулась. — Ми-и-к?!

— Сейчас?! О Святая Наковальня! Женщина! Почему ты еще не лежишь без сил и не оставишь старое ржавое железо полежать спокойно рядом?! — шутливо взмолился Микаэль, но встал и подал мне руку. — Пошли, мой Мастер. Раз уж у нас сегодня такой день... эксплуатируй меня до конца!

Это он немного того... погорячился. В смысле пустил козу в огород. То есть меня на рынок!

И началась оргия... в смысле, через два часа, когда в нагрузку к пятому десятку пакетов и пакетиков мы нагрузили на Мика еще и ловушку для цвирка, мое доблестное оружие взмолилось о пощаде.

А мне так не хотелось уходить... да мы еще десятой части не осмотрели (кое-кто ворчал, что и не осмотрели бы даже за сто лет, рынок миров огромный, кажется, даже бесконечный), не понюхали, не попробовали и не поболтали с продавцами за жизнь!

Мик только страдальчески закатывал глаза, когда я зацеплялась языком за очередной говорящий кустик, продававший растительные специи. А мне зато делали скидки, и какие! Плюс заодно выдавали кучу рекомендаций, какие листики в какое блюдо сыпать, и доставали из-под прилавка особо свежие соцветия, лично сброшенные хозяином лавочки на праздник созревания.

Мы с кустиком по имени Ш-Ш-Ш вообще подружились и почувствовали себя родственными душами, я ему обещала привезти подкормку для кактусов. А больше ничего не пообещала, меня Мик утащил едва ли не волоком, прямым в сектор Шиаршиков.

Шиаршики — это оказались такие специалисты по технике и артефактам, у них среди разноцветного меха скрывалось очень много мельчайших держалочек, хваталочек, иголочек и щупов. Эти универсальные отвертки носили в своем мохнатом пузе полный комплект всякого уважающего себя швейцарского ножа. Чтобы и ложка, вилка, и открывашка, и фонарик, и космический лазер в одной меховушке. И цены за свою универсальность драли, как натуральные лысые гоблины, а никакие не пушистые няши!

Мы купили у них новый скрыт взамен испорченного дикарем, ловушку для вредителей... и свободные деньги кончились. К тайной радости моего Оружия, который, кажется, слегка окосел от моей способности к шопингу.

— Теперь вкусняшку для Сосиски и домой?

— Главное, чтоб не вибратор, — согласился отдувающийся грузовой Кос.

— И кто из нас озабоченный? — хмыкнула я и хищно устремилась в сектор зоотоваров. — Ш-Ш-Ш поделился, что там есть специальные витаминные мясные колобки с функцией движения! Больше ста видов на выбор!

— О Святой Молот! — проворчал Мик, но перехватил пакеты поудобнее и поплелся за мной. — Ну ничего, надеюсь, Сосиска всё отработает. Минимум, шесть котят! Минимум!

Глава 37

Когда мы, увешанные пакетами и пакетиками, как две новогодние елки, ввалились, наконец, в родную дверь, то обнаружили там полные... треш угар и содомию. Хотя нет, последнего не было. Была просто оргия по-кошачьи.

И ладно бы эти хвостатые любовники предавались любви! Нет, эти ушастые

извращенцы явно уже натра... кхм, пресытились вволю и теперь развлекались тем, что в восемь лап гоняли по разгромленной комнате распроклятую зеленую крысу!!!

— Бл.....ааааа! — взвизгнула я на чистом русском языке, разом позабыв о своих способностях полиглота. — МИК! Я на тебя с авоськами не запрыгну, заberi их у меня!!!! Ай, твою ж кабину через грузовик! — замученная кошками тварь метнулась мне прямо под ноги, заставив еще раз взвизгнуть и подпрыгнуть.

— Ну, как вариант, я могу отдать тебе ещё и свои двадцать пакетов, а потом поднять тебя вместе с ними на руки, — невозмутимо хмыкнул парень откуда-то из-за моей спины. — Ты же хотела цвирка для тренировки? Вот, даже никуда ходить не надо.

— Сам дурак! — я плюнула на все, бросила пакеты прямо на пол и в два скачка добралась до дивана. Цвирк между тем, отвратительно вереща, метался между закрытой дверью в ванную и кухонным шкафом, а две чертовы кошки с боевыми азартными воплями подростков-баскетболистов носились следом, время от времени подбадривая свою игрушку ударом когтистой лапы по хвосту.

— У тебя ж вроде на мобильнике камера есть, — вдруг зачем-то вспомнил Михаэль, невозмутимо поднимая ногу и стряхивая с нее попытавшегося взбежать по джинсам цвирка. — Давай снимем. Будет доказательство для покупателей, что производители проверенные.

На диване я чувствовала себя в относительной безопасности от домогательств зеленого и зубастого, поэтому через пару секунд даже осознала, что именно Мик сказал, и полезла по карманам в поисках мобилы.

— Нам повезет, если покупатели поверят, что это не видеомонтаж и не компьютерные спецэффекты, — заметила я минуты через две съемки, после того как все три действующих лица веселым паровозиком пробежались по стене с ковриком, потом по стене без коврика, потом раза четыре туда-сюда перепрыгнули через спокойно собирающего брошенные пакеты Мика.

Михаэль же, казалось, не обращал на творившийся вокруг дурдом никакого внимания. Сначала отнес в холодильник еду, потом довольно долго расставлял по шкафчикам специи, ловко отпихивая ногой наглое зверье, если они уж слишком часто в него врезались. И только минут через десять этого цирка, когда все участники порядком притомились и немного снизили скорость, он закончил хозяйствовать. Огляделся, ухмыльнулся и за шиворот вытащил из пустого пакета пытавшегося скрыться там цвирка.

Крыс висел, как дохлый, даже хвостом не дергал, и был запихнут (а лучше засунут) в клетку без всякого сопротивления. А вот парочка влюбленных охотников еще нашла в себе силы поинтересоваться холодильником, но Кос был начеку и поймал излишне любопытных кошаков за шкварник.

— Это он Сосиске свадебный подарок поймал, — поведал мне Оружие, потискав белого кавалера за внушительные пушистые бока и явно перекинувшись с ним парой мыслеобразов. — Она оценила.

— Еще бы! Я тоже оценила.

В клетке инопланетный монстр, бессильно рухнувший на бок и свесивший фиолетовый язык до самого пола, уже не казался таким страшным.

— Но долго ценить некогда. У нас аттестация через три... кажется, часа? Поесть успеем?

— Успеем, — кивнул Мик, — мы трети в очереди, можно даже немножко опоздать... но, лучше не надо. Всё же мы не клановые...теперь.

Оружие

По-хорошему, правильнее было бы отдохнуть и выспаться перед аттестацией, а не шастать по рынку, но после такого объема скверны меня едва не подбрасывало от избытка энергии, как и Ирину, а Мастера целители не только заштопали, но еще и убрали следы переутомления. Вот я и решил, что сбросить пар и поднять настроение — не такая уж и плохая идея.

Да и сам я немного соскучился по той атмосфере, которая царит на улочках радужного рынка. Когда мы закупали артефакты с Кетцалем, мне было не до этого. Тогда я думал о том, как бы нам выжить, оплатить долги... ну и самому не свалиться с ног от недостатка скверны.

Сейчас было всё по-другому. Мастер фонила истинным восторгом и интересом, совала свой любопытный нос во все уголки и лавки, с удовольствием торговалась. Я даже не ожидал, что у нее это так легко получится, ведь того же представителя растительной расы (которого она называла кустиком) она точно увидела впервые, да и шуаршей она восприняла спокойно.

А ещё в одном из магазинов, пока Ирина отвлеклась, я, наконец, прикупил пару приличных женских вещей и... эльфийский бальзам мгновенного роста волос. Стоил он дороже обычного, причем заметно, но я уже предвкушал, как заруюсь пальцами в длинные косы Мастера.

Дома под шумок бальзам был благополучно перелит в банку из-под местного шампуня, как раз после экзамена Ирина точно в душ пойдёт. И за ночь всё отрастет. Будет приличная коса до пояса, как и положено аристократке. А к моменту торжественного вручения карты Мастера и вовсе до колен! Наконец я смогу без стыда смотреть на ее прическу!

Правда, зная уже немного Иринин характер, я слегка опасался реакции, но... кто не рискует, тот скверну не ест.

Комиссия встретила нас холодными взглядами, будто уже провинившихся. Хотя пришли мы даже раньше остальных, даже раньше парочки экзаменаторов, да и скверны мы набрали слегка больше положенного. Эти серьезные леди и лорды даже пару раз перепроверили наши результаты, осмотрели с ног до головы, долго шушукались и нехотя согласились, что проверке — быть.

Эх, надо было сразу Ирину уговорить помыть голову, вон как женщины осуждающе качают головой на ее прическу...

А через некоторое время стала ясна и причина такого отношения. В помещение широким шагом зашла тётя Мариэлла, которая, видимо, и была седьмым экзаменатором.

— Ну что, вопрос решен? — на нас она взглянула мельком, словно не заметила, а обратилась прямо к председателю комиссии. — Недостаток скверны ясно показывает, что этим детям еще рано давать самостоятельность.

— Кхм, не руби с плеча, Мари, — несколько смущенно отозвался представительный Мастер с седыми висками. — Скверны они набрали с избытком. Судя по всему, в последний момент, но эти детки справились. Хотя я и не совсем понимаю, чего ребята так бегут от твоей благосклонности, — ехидно улыбнулся он.

— Что? — Мариэлла в два шага достигла стола и схватила с него файл с нашими результатами. Прочла, побледнела и подняла на нас глаза... ой, ржа... че щаззз буууудет...

— Говорил я тебе, мягче надо быть с подрастающим поколением, да хитрее, — продолжил председатель. — Ты ж наверняка в своей любимой манере на них вывалила свою опеку, вот и лезут дети из кожи вон, чуть не убились.

Судя по тому, как рефлекторно сжались теткины пальцы, она явно представляла в них мое ухо. Ржа, прямо вот появилось малодушное желание спрятаться за спиной Мастера, рефлекс буквально с пелёнок!

Тем более, что на Ирину это никакого впечатления не произвело, она вообще с самого начала стояла с каменной физиономией. Ну, это плюс, так аристократам-Мастерам и положено. Один только я знаю, что она жутко нервничает.

— Малолетние идиоты! — прошипела тетка, отбрасывая файл. — Придурки! Ты! — она подняла на меня пылающий яростью взгляд, а от ее голоса все внутри завибрировало.

Нет, нормально?! Почему сразу я?! Я вообще Оружие! Хотя нет, не так, это было наше совместное обдуманное решение, во!

— Ты о чем думал, когда повел ребенка на такую сложную миссию, мальчишка?! Тем более, имея риск столкнуться с дикарем?! — Мариэлла тем временем продолжала орать так, что хотелось зажать горящие уши. — Если так не хотели разделяться, достаточно было со мной поговорить, а не геройствовать! Для чего я вам вообще свои контакты оставила?!

Эм... да? Правда, что ли? То есть... мы могли торговаться!?

— Кхм, — тихий голос моего Мастера непостижимым образом перекрыл теткины вопли. — Мы благодарны вам за заботу, но и впредь намерены принимать решения самостоятельно. Я была бы вам очень признательна, если бы мы прекратили пустые пререкания и перешли к делу.

Глава 38

Оружие

Ух ты! Откуда что взялось? Я скосил глаза на Ирину и был вынужден признать — вот так, выпрямившись, чуть приподняв подбородок и глядя прямо в глаза оппонентам, моя Мастер без всякой косы и в старых джинсах на минуту показалась мне настоящей аристократкой!

— Мари, давай не будем задерживать кандидатов, — вмешался председатель. — Они всё же преуспели в своём деле, так что имеют право на допуск к экзамену. Потом поговоришь с ними, либо как с проигравшими, либо как... - тут нас снова окинули пристальным взглядом, — с равными. Такое упорство заслуживает если не одобрения, то уважения.

— Хорошо, — на удивление быстро успокоилась тётя, поглаживая древко копья. Не знаю, что сказал ей Гейр, но спасибо ему. В очередной раз. — Тогда последний вопрос, почему у твоего Мастера всё еще нет куска души, раз дикаря уже убили?

Обращалась она именно ко мне, так что:

— Его оружие успело сбежать, — стиснул зубы от негодования я. — Но без Мастера и подпитки скверной далеко не убежит.

— Какие мы грозные, — впервые за сегодня улыбнулась тётя, — Что ж, не будем срывать экзамен, остальные кандидаты тоже уже явились. Пойдемте в зал жребия.

Зал жребия только назывался так пафосно, на самом деле это была небольшая комната со столом, над которым висели голограммы небольших кристаллов, ровно три штуки — по количеству кандидатов. Каждый Мастер просто подходил и выбирал один из кристаллов-заданий на удачу. Чем больше молодые охотники добыли скверны к экзамену, тем раньше они выбирали.

От волнения я даже не разглядел, что за мастера сдавали экзамен вместе с нами, хотя, кажется, это были выпускники академии, досрочно сдавшие практику. А вот в очереди мы были как раз третьи, так что выбора как такового нам не оставили — над столом висел лишь один кристалл.

«Просто протяни руку к голограмме и получишь ментально информацию о задании, — мысленно подсказал я. — Только не забудь сразу мне перебросить».

Ирина молча кивнула и сделала все четко, последовательно и быстро. Я вообще заметил, что в пиковые моменты моя Мастер становится на редкость немногословной, но очень решительной.

«Ржа! — через секунду выругался я. — Самоубийца! Самое ржавое задание из возможных!»

«Почему?» — деловито переспросила Ирина.

«Да потому что у самоубийц сразу вылезает не одна тварь, а несколько относительно мелких. Ведь именно своим суицидом они обычно вредят всем близким людям. А ещё эти твари либо нападают скопом со всех сторон, либо сразу разбегаются — к своим будущим хозяевам, душить их болью и горем. В общем, проблем масса, а скверны — чуть».

«Понятно. Так, мир не наш, но спираль желтая. Какой-то... маркиз. Элио торн Шауно и тра-та-та еще пятьдесят титулов. Какой-нибудь престарелый владетель небось... ой, нет! Мик! Да ему всего шестнадцать!»

«Ну так такие в основном и самоубиваются. Этот... как его, юношеский максимализм, так?» — задумчиво протянул я, — «Потому и говорю, у самого скверны-то и нет особо, а вот своей смертью он ее и создаст».

«Скорее всего скверны там как раз... он же не на пустом месте самоубиваться собрался.

Ладно, пошли... на месте разберемся».

Я согласно кивнул и преобразовался в Оружие, которое Ирина уже привычно поймала. Звякнули фенечки-артефакты, кристалл с заданием успешно поделился координатами, и вид перед нашими глазами резко поменялся...

Ириска

— Мда, — сказала я, оглядываясь. — По декорациям это скорее похоже на «Звездные Короли», чем на «Три мушкетера». «Маркиз» в этой обстановке вдвойне странно звучит. Мик... мне не по себе. Он же пацан еще!

«Скажи спасибо, что пацан. Дети тоже умирают. Но обычно скверны у них не много, да и та — наносная. И дети быстро забывают боль и обиды, в отличие от взрослых. Так что детьми как раз стажеры и занимаются, просто... помня о твоей проблеме, я не брал на них задания».

— Правильно делал, — я поежилась и обогнула какую-то фигню в центре комнаты, похожую на голографический центр управления... чем-то там. — Дети не должны умирать, это неправильно. Наверное. Я... понимаешь, ты ведь тоже... а если бы не случайность и меня в тот день не занесло в подворотню? Мне подумать страшно, — я даже передернулась вся от этой мысли.

А Мик промолчал, но как-то так... не просто промолчал. О чем-то он там думал, о своем...

Юный самоубийца нашелся на балконе. Если можно так назвать стеклянный выступ в стене небоскреба, возвышающегося над огромным футуристическим городом едва ли не на километр. Мальчишка стоял на перилах и белыми от решимости глазами таращился в пустоту под ногами.

От него волнами расходилась какая-то запредельная чернота. Я еще никакой скверны не касалась, а отчаяние и боль почувствовала, как свои.

О блин!!!! Идиот! Придурок малолетний!

История была стара, как мир, и так же банальна. Первая любовь, травля в школе, ничего не понимающие в юных метаниях взрослые, и как венец всего безобразия — сегодня в элитном аристократическом лицее толпа веселых шутников направленным излучением чего-то там растворила на парне одежду прямо во время перемены, в коридоре. И пока несчастный метался, пытаясь руками поймать исчезающие на глазах штаны, кто-то шибко умный все это снимал, а потом еще и выложил в общую сеть...

И ОНА там была. И смеялась вместе со всеми, и...

Время словно остановилось. Скверна уже привычно-зелеными волнами облаком колыхалась вокруг загнавшего себя в черное отчаяние пацана. И это все была не его скверна, она... жрала его снаружи, впиваясь в душу мерзкими отростками, терзая ее и доводя до грани. А прямо напротив люа в ауре горела странная метка, как печать. И эта штука пульсировала, мигала в такт колыханию скверны. Я даже зажмурилась на секунду от боли. Что ж ты делаешь, идиот... что вы все делаете?

Не знаю откуда, но я словно увидела кусочек будущего. Изломанное тело на дорожном покрытии, толпу вокруг, брызнувших в разные стороны зеленых призраков. А как их много! Много-много больше, чем сейчас клубится вокруг мальчишки.

Вот один впивается в сходящую с ума от горя мать, вот другой несется по новостным каналам к затеявшему эту травлю ровеснику. Нет, он не накинется на него сразу — совесть в подростковом возрасте еще частенько спит... но страха и нежелания отвечать придурок хлебнет по полной. А тварь затаится в его ауре и вернет свое сполна лет через... через много. Когда проживший жизнь взрослый человек сполна осознает, что он натворил. Когда разбившийся молодой идиот будет приходить в его сны каждую ночь...

И не к нему одному. Та девочка, ради которой все это затеяно. Те дети, которые просто смеялись, ни о чем не думая, те учителя, что упустили...

На каждого найдется своя тварь.

Он уже шагнул в пустоту, глупый мальчишка. Почти шагнул.

И эта странная метка... почему она мерцает?! Она сбивала с толку и туманила разум. Меня пронзило таким диким ужасом, что не передать. И разорвало на две истекающие кровью части. Одна из них кричала и рвалась остановить безумие, а вторая... Вторая застыла в отчаянии с одной мыслью — я не могу снова рисковать Миком. Я не могу подвести его!

А дальше случилось то, чего я никак не ожидала: Мик резко дернулся в руках и резко скомандовал:

— Останови его! — и когда я в шоке застыла, прикрикнул: — Ну же! Быстрее!

Я рвано выдохнула, резко задавила сомнения и прыгнула к парапету:

— Стой, идиот!

Схваченный сзади за странный серебристый комбинезон подросток вскрикнул и упал. Только не в бездну за перилами, а на стеклянный пол балкона. Шмякнулся как следует, всеми костями, аж задохнулся от неожиданности и взвыл от боли — кажется, чем-то крепко ушибся.

— Что, не нравится?! — свирепо спросила я, наклоняясь над распростертым пацаном и откидывая капюшон скрыта. — А там, внизу, было бы еще больнее!

— По морде ему дай, — посоветовал Мик. — Хорошо в себя приводит. Может, сумеет сам рассеять скверну.

Мальчишка таращился на меня перепуганными, но уже живыми глазами с пола и не мог даже звука из себя выдать, а все призрачная тараканья свора скверны, что свила гнездо в его душе, вдруг вскипела неприятной зеленовато-серой пеной и выплеснулась в ауру. Парень выгнулся и закричал от боли и ужаса, а я, опять на одних инстинктах, буквально упала на него сверху, словно закрывая собой от чего-то страшного.

— Мик! — не знаю, чего было больше в этом крике — страха, мольбы? Просто я знала — он мне нужен, именно сейчас, именно здесь и вот так... странно. Нужна его поддержка, его... единение?

Парень продолжал извиваться подо мной, когда я все же поймала его лицо в ладони, сжала, и... поцеловала. В лоб.

Его тело обмякло, а на нас с Миком обрушился водопад скверны, стремительно хлынувший через меня в мое Оружие. Все случилось так же, как тогда, с гигантским спрутом. Мы вместе прошли через эту маленькую и такую еще глупую мальчишечью жизнь и... забрали из нее то, что могло ее прервать.

Глава 39

Ириска

«Охренеть, ржа! — как-то изумленно-обречённо вздохнул рядом со мной Микаэл. — Целовать-то зачем было?»

— Не знаю, — растерянно просипела я. — Так получилось...

— Ты... ангел? — вдруг спросил неудавшийся самоубийца, и я обнаружила, что он вполне осознанно тарачится мне в лицо полными восторга глазами. Ой, мама!

— Чучело она, а никакой не ангел, — буркнул Мик устало. — И ты дурак. Нашел из-за чего с балкона прыгать. Да таких школ и таких принцесс у тебя в жизни еще миллион будет, какой ржи из-за каждой убиваться?

— Не надо? — как-то странно переспросил мальчишка, зачарованно глядя на торопливо отползающую меня и на мою Косу. — Я... не буду!

— Поразительные выводы! — в ворчании и шипении Оружия явственно проступили нотки ехидства, но я чувствовала, этим он пытается замаскировать свой страх? Нет, не так. Мик думал о последствиях, но не столько боялся, сколько намеревался стоять стеной за наше решение.

«Прорвемся, любимый», — мысленно прижалась к нему и поцеловала. — «Уходим? Метка смерти из его ауры пропала».

— Увидимся лет через двести, пацан, — улыбнулась я на прощание. — И попробуй только раньше умереть!

«Ну вот, напугала беднягу», — вздохнул Мик опять мысленно. — «пообещала, что Смерть придет через 5 лет».

«Почему пять?!»

«У них планета ближе к Солнцу, в году намного меньше дней, да и годом обозначается отрезок скорее в неделю...»

«Не, он все правильно понял», — я поежилась и накинула скрыт. — «Встроенный переводчик сработал как надо. Пошли сдаваться?»

«Пошли. Знаешь, что самое смешное? Формально мы выполнили задание — душу очистили, скверну поглотили. Не дали ей возможности разбежаться и наплодить новой. Вот только этот твой поцелуй. У меня крышу сносит иногда от твоих чудачеств».

Оружие

Мы опять вляпались. Seriously так вляпались. Эх, хотя когда у нас было всё как у нормальных Мастеров-то? Мы всё время ходили по грани. По грани традиций, по грани морали, по грани закона. А потому... всё закономерно.

А ведь казалось, что вон она — та полная «свобода» о которой с таким придыханием говорила Ирина. Ради которой мы неделю пахали на последнем издыхании, ради которой пошли на эту самоубийственную миссию с коллекционером, ради которой пережили нападение дикаря.

Остался буквально шажок и....ржа! Я уже и сам сомневался, сделали ли мы всё правильно и действительно сможем ли оправдаться! Тогда, чувствуя ее боль и буквально рвущуюся напополам душу, я не сомневался. Тем более и тому парню судьба давала шанс...

Если бы не мигающая метка Смерти, показывающая спорную судьбу, то всё было бы иначе. Так что сидим теперь, «правильные и честные» и ждём суда, от имени которого выступила экзаменационная комиссия.

Мы ведь поглотили скверну, не дали ей умножиться в Призме. Так что максимум посадят под строжайший домашний арест... хм, в клане, да. Но если дадут высказаться, может, и не последует никаких санкций.

Мои мысли прервала тётя... появилась неслышно, как тень, и отозвала меня в сторонку поговорить.

— Микаэль, ты вырос в клане, и я прекрасно понимаю, что такая дурь даже не пришла бы тебе в голову, — начала она. — Теперь ты осознаешь, что эта смеска не имеет права на Оружие?

Я вскинулся, чтобы защитить Ирину и пояснить, но меня остановили резким взмахом руки:

— Ты всегда был послушным и ответственным. Я уверена, ты объяснил ей, что она нарушает наши незыблемые законы, так?

Мариэлла требовательно заглянула мне в глаза, и я нехотя утвердительно кивнул, но... мне опять не дали открыть рот.

— Получается, твоё мнение ее не интересует, — печатала тётя каждое слово. — Ты для неё не авторитет. Эта девчонка слишком легко идёт на поводу у своих желаний.

— Ирина не хотела ничего дурного, — не выдержал я. Тетка явно перегибала древячко — это она мне рассказывает про Ириныны мотивы? Мне? После того, как я их не просто ощущал, а аж костным мозгом прочувствовал? — Тем более, что метка Смерти мигала! У пацана еще был шанс, и этим шансом стали мы!

— А ты попробуй это доказать высокой комиссии! Даже если и так, в вашем положении вы обязаны были сдать экзамен без нареканий. А теперь все только утвердились в вашей некомпетентности, кто знает, что вы вытворите в следующий раз! Детство в древячке играет, розовые цвирки про «мир во всем мире» вокруг хороводы кружат!

Она взяла небольшую паузу, а потом проникновенным голосом продолжила:

— Я думаю, ты должен знать: ты всё ещё числишься недееспособным.

А я ведь уже и забыл этот прискорбный факт. Действительно, ведь по документам я — нестабильное оружие со склонностью к суициду, опекаемое Ириной. Но рядом с моим Мастером я не чувствовал себя опекаемым. Наоборот...

— А потому, никто не станет тебя ни в чем обвинять. Ты можешь просто вернуться домой. В клан, — слегка улыбнулась Мариэлла.

— Нет, — судорожно замотал я головой. — Мы с Мастером связаны намертво, она просто умрет без меня. Я... я могу показать заключение врача!

— Это устаревшие данные, — тетка покачала головой как-то даже слегка недоуменно. — Никто не знает, что произошло с ее душой после убийства дикаря, но рана на ауре затянулась, словно зарубцевалась, и даже начала восстанавливаться. Медленная и мучительная смерть ей не грозит, даже если вашу связь разорвут. Более того, лекари готовы эту смеску на руках носить, лишь бы разобраться, так что... не пропадет она без тебя.

— Это... это как?! — ошалел я. — Разве это вообще возможно?! Это же...

— Да. Целители той клиники, где вы лечили ее после ранения в спину, сами до сих пор в шоке и жаждут ее обследовать, даже если им придется миллион кубов ей выплатить, — тётя резко приблизилась. — А ты ей больше ничего не должен. Одно твое слово, и опеку переформируем в мгновение ока, а как отдохнёшь, вернём тебе полный набор прав. И ты сам выберешь себе в клане нового Мастера.

Я даже сглотнул от удивления... сам? Не поставят перед фактом, не привяжут насильно, а сам?

Это слегка выбивалось из картины мира.

— Хочешь сказать, что вернувшись, я смогу самостоятельно выбрать себе Мастера? — недоверчиво переспросил я.

— Да, ты знаешь, я держу слово, — четко кивнула Мариэлла.

Знаю. Держит. Иногда даже во вред себе. Но всё это звучало уж слишком подозрительно. Не настолько я был ценен, чтобы предоставлять провинившемуся Оружию практически полную свободу действий. Тем более провинившемуся «недееспособному» Оружию.

— В чём подвох? — осмелев, спросил я. Ржа, непривычно задавать такие вопросы Мастеру, тем более старшему... но Ирина меня уже испортила. Хотя, это с какой стороны смотреть, конечно.

— Нет никакого подвоха, — досадливо мотнула головой тетка. — Есть только моя ответственность за тебя, как за иму... за члена клана. Ты им все еще остаешься, потому что моя племянница и ее Броня сделали тебя своим единственным наследником.

— А... — я только и смог, что открыть рот, осмысливая информацию. А ещё сильно покорибила эта вроде небольшая оговорка. Имущество...

— Ты прав, я не самая сердобольная тётка, которая искренне печется за своего «племянника». Тем более, что хоть мы и вырастили тебя, но ты не наша кровь, скорее удачное вложение средств. Но для моей племянницы ты действительно стал семьёй, что она и отразила в завещании. Подумай еще вот о чем. Рядом со смеской тебе никогда не получить статуса вменяемого. А значит, и наследства. Тебе понравилось быть нищим?

— Значит, все эти пляски и попытки нас «воспитать» не более чем гонка за деньгами? — губы искривились в горькой усмешке.

— Не пори ржу! — рассердилась Мариэлла. — Это твои деньги, и никто на них не претендует.

Угу, ну тут верю. Тётка Мариэлла точно не претендует, это ниже ее достоинства. У нее своих выше лезвия. Но вот мой будущий Мастер... который обязательно должен быть клановым. Ох не зря Геёр предупреждал меня не возвращаться!

Нет, тетка не врет. И, вернувшись, я смогу выбирать, смогу пользоваться своими деньгами, жить в привычной роскоши, и...

Я невольно оглянулся на Ирину. Она сидела на скамейке в дальнем конце зала, откинув голову на стену и, кажется, дремала. Мелкий цвирченок с нелепой короткой стрижкой, упрямая девчонка, такая смешная, ничего не знающая... не Мастер, не клановая, вообще неизвестная смеска с неясными перспективами. После клановых красоток смотреть не на что. И я ей ничего не должен, по словам тетки. А не верить ей у меня нет никаких оснований...

Словно почувствовав мои мысли, хотя я как раз сейчас их закрыл самым тщательным образом, Ирина подняла голову, открыла глаза и посмотрела прямо на меня. Понимающе так посмотрела и...

Глава 40

Оружие

— Спасибо, Мастер Мариэлла, — я со всей возможной искренностью совершил традиционный поклон, вызвал лёгкое недоумение у ожидающей моего ответа тётки, — Спасибо, что сказали правду. Я очень ценю вашу честность. Даже не знаю, как выразить глубину моей благодарности, но... в клан я не вернусь. Когда снова обрету дееспособность, в качестве платы за моё обучение и содержание, я полностью перепишу наследство на Вас.

— Вот шельмец!

Мне показалось, или в голосе тётушки проскользнуло одобрение? Ржа, эти женщины сами себя понимают?!

— Что ж, если вытаскишь своего Мастера из-под трибунала — так уж и быть, я поверю в наличие у тебя работающих мозгов. А про наследство ржу не пори. Племянница оставила его тебе, не плюй на ее обелиск.

Я еще раз учтиво кивнул, улыбнулся, и пошел туда, где меня ждал мой выбор. И мой Мастер. Шел и думал — а почему? Почему я даже почти не колебался?

Наверное, дело в том, что рядом с Ириной даже воздух стал другим. И нет, я не про отравленный воздух ее мира, просто рядом с этой смешной девчонкой дышать было... легче? Да, точно, вся жизнь, всё существование как будто потеряло какие-то рамки, ограничения.

Это ведь именно Ирина подобрала меня буквально из ржи. Отмыла, (тут я невольно усмехнулся, вспоминая), накормила (только бы не заржать!), вернула желание жить. Вот просто так, не ожидая того, что ей за это что-то перепадет.

Что-то никто из клановых мастеров, что теперь так меня хотят, не поспешил меня вытаскивать. Видимо, до возвращения тетки не решились открывать завещание и не сразу поняли, что отправляют в утиль не бесполезную ржавую палку, а богатого наследника. Эх, хотел бы я полюбоваться на их рожи! А ещё посмотреть, как все эти высокомерные Мастера на цыпочках круги вокруг водят...

А вот моя мелкая, когда мы только познакомились, даже толком не понимала, что я закрываю дыру в ее душе! То есть, по-хорошему, просто приютила у себя ржавый дрын.

И еще! Точно! Она видит во мне равного. И я уже как-то к этому... привык? Быть не просто Оружием своего Мастера, но и полноправным... партнером? А не только привычно подчиняться чужой воле, пусть даже и более опытному и мудрому.

А деньги? А что деньги, жили без этого наследства, и ещё проживем. Сами скоро неплохо сможем зарабатывать. Главное, душа у Ирины зарубцевалась, а всё остальное так — фигня.

Ириска

Я закрыла глаза и попыталась расслабиться. Мик ушел со своей теткой, и они уже минут пятнадцать о чем-то переговаривались у дальней двери. А я...

А что я. Я все понимаю. И если он решит сейчас уйти — слова не скажу. Потому что права не имею.

Это из-за меня он вляпался в трибунал. И вообще, что-то со мной явно неправильно по их незыблемым законам. А если в следующий раз мы погибнем из-за моих закидонов и инстинктов?

Лучше я тихо сдохну в одиночестве, чем потащу его за собой. Кажется, я понимаю его прежнего Мастера... понимаю, почему она его «отбросила». Если для меня шансов нет — пусть он выживет!

— Не смей даже думать! — неожиданно зло прошипели мне прямо в ухо, а потом как следует встряхнули. — С чего ты взяла, что я покорной овечкой вернусь в клан и оставлю тебя одну? И после этого смогу спокойно продолжать жить?! — он очень выразительно-гневно замолчал, а потом уже спокойнее выдал:

— Неужели в твоих глазах я такая мерзкая сволочь? — Мик слегка улыбнулся, чуть разряжая обстановку.

— Ага, очень мерзкая, — я прильнула к нему и уже привычно спрятала лицо у него на груди. А если там и были слезы, никто теперь не увидит. — Трясешь, как грушу. Я язык себе прикусила!

Стало так тепло и уже не страшно. Вдвоем-то. Малодушно, конечно, радоваться тому, что это теперь не только мои проблемы... но по-другому у меня не получалось.

— Соберись. Когда нам слово дадут, ты передашь его мне. Я уже придумал, как нам вывернуться. Поняла? Главное, держись уверенно, не мямли, верь в свои слова и наши силы. Члены комиссии, конечно, не дознаватели, но цвирки тёртые, почувствуют слабину — во ржу перетрут.

— Есть, мой генерал, — я вытерла слезы и усилием воли переключилась в «боевой» режим. Как-никак я педагог. А семиклассники в любой питерской школе любому трибуналу фору дадут. Ничего, умирала же!

Ровно через полчаса я с самым независимым и невозмутимым видом сидела на скамье, установленной в центре круглого зала, и смотрела на такого же собранного, невозмутимого Мика, четко проговаривающего свои аргументы. Четко и нудно... но, наверное, так надо.

— Согласно всем известным данным, в ауре существа, душа которого готова покинуть тело, всегда присутствует метка Смерти. Видеть эти метки может обученный Мастер или Оружие. На объекте нашей охоты тоже присутствовала метка, но она мерцала: то пропадала, то вновь возникала. — Мик незаметно перевел дух и продолжил:

— Согласно трактатам, написанным ещё прародителями и переданным потомкам без единого исправленного слова, такое поведение метки означает, что судьба объекта еще не решена.

— И вы решили вершить судьбу сами? — насмешливо, с издевкой спросил один из судей.

— Нет, мы решили как можно эффективнее выполнить наш долг. Объект — самоубийца, что вы можете легко увидеть в описании задания. Как почтенная комиссия знает, при подобной смерти появляется множество тварей скверны разных уровней. И очень часто даже опытные профессионалы не способны выловить их всех, особенно если они сразу разбегаются. Также известно, что множество тварей в душах других существ порождает сама Смерть, и умирающий сам не является носителем. С учётом мерцающей метки, я считаю, что нами был выбран оптимальный вариант.

— То есть, если бы метка не мерцала, никаких действий по спасению вы бы не предприняли? — удивлённо поинтересовалась еще одна женщина из комиссии.

— Да, — серьезно кивнул Микаэль, — Мы молоды, но вполне адекватны. И никогда не стали бы нарушать постулаты Призмы, тем более зная, что за каждым нашим шагом следит комиссия. Да и все мы прекрасно знаем, что в ином случае спасение объекта было бы бесполезно. Ведь тот, кому суждено умереть, — всё равно умрёт. Через минуту, час, максимум день.

А вот это он сказал не столько для них, сколько для меня. Но я и не собиралась спорить. Только сейчас, проанализировав случившееся, я понимаю, что эта самая мерцающая метка и сбила меня с толку, хотя я даже не знала, что это такое. А иначе... да, было бы

жалко, горько, досадно, больно... но это был бы чужой выбор, повлиять на который никто не имеет права.

— Очень неоднозначная ситуация. Комиссия удаляется в зал закрытого голосования, — объявил тем временем представительный дядька в бордовой мантии, и все двенадцать заседателей дружно встали. И потянулись к боковой двери, что-то обсуждая между собой вполголоса.

Судя по тем взглядам, что они на нас бросали, шансы у нас есть, но их... как бы так сказать... немного.

— Не дергайся, — Мик сел рядом со мной и приобнял меня за плечи. Потом досадливо встряхнулся, стянул куртку и укутал. И даже не посмотрел на оставшихся в зале зрителей, среди которых была его тетка вместе со своими тремя Оружиями.

А вот я не выдержала и скосила на них глаза.

Мариэлла хмыкнула и сказала что-то Гейру, он изобразил каменную физиономию, но в глазах блеснуло что-то отдаленно похожее на одобрение.

Прошло, наверное, с полчаса, и из-за двери до нас иногда доносились особенно громкие возгласы — видимо, «голосовали» там бурно.

Мы сидели как на иголках, я кожей чувствовала, как нарастает в воздухе напряжение, как напрягся рядом со мной Мик. Может, я ошибаюсь, но, мне кажется, он собирается прорываться с боем, если...

Минуты капали в вечность медленно, как загустевший сироп.

Дверь мееедленно открылась. Комиссия вернулась в зал, Мастера один за одним прошли к столу... сели на свои места... и посмотрели на нас.

Напряжение сорвалось с кончика иглы и хрустальным шаром разбилось на множество мелких осколков.

— Шесть голосов за то, чтобы принять результат, и шесть против. Поскольку для положительного разрешения вопроса необходим решающий перевес, комиссия постановила...

Глава 41

Я изо всех сил сжала руку Мика, понимая, что он сейчас что-то сделает... что-то...

И вдруг по телу пробежал лёгкий холодок, и все голоса в зале сразу смолкли. Поднявшийся что-то возразить Мик медленно осел обратно на стул и повернул голову в сторону входной двери.

Я, буквально ощущая, насколько плотным стал окружающий воздух, тоже обернулась. Там стоял Он. Кто Он? Я не знаю...

Но всё моё существо буквально кричало — это ОН. Именно так, с большой буквы, с придыханием и восхищением. Это бог? Или кто?

— Прародитель, — с таким же трепетом, что чувствовала и я, на грани слышимости прошептал Михаэль.

Так это Смерть? Тот самый Смерть, от которой и была рождена вся раса Мастеров и Оружия?

Стараясь добраться до остатков разума сквозь затопивший меня восторг, я сморгнула и встряхнула головой.

Эм. Какой еще восторг? Не мое это чувство, ну словно навязанное, что ли. Если пошевелить мозгом и трезвым взглядом посмотреть, в этом мужике вообще не было ничего особенного. Ну мужчина... лёгкая небритость... каштановые волосы... светлая кожа. Не красавец, короче. Обычный.

Вот только глаза словно бы... знакомые? Или в разрезе что-то? А еще взгляд такой, что я тихонько сдвинулась Мику за спину. Потому что ни фига не люблю ощущать на себе рентген галактического уровня!

Кажется, будто, один раз взглянув, он уже знает о тебе всё, даже то, о чём ты сама не догадывалась. И от этого хотелось передернуть плечами. Но я предпочла спрятаться.

И тут он моргнул. Ощущение, вновь затопившее меня с макушки до пят, пропало. Мужчина прогулочным шагом в полной тишине прошёл через весь зал и положил перед комиссией маленький зелёный шарик. И еще один — белый.

— Невиновны, — сказал он с легкой улыбкой сразу... ээээ... двумя голосами? Хором в смысле. Мало того, один из голосов был, кажется, женский!

«Единение прародителей настолько велико, что они способны существовать в одном теле!» — Мик в ментале чуть ли не подпрыгивал от восторга, как фанатка, увидевшая кумира.

Боюсь, если б не желание не опозориться перед присутствующими, он бы уже бегал вокруг мужчины кругами и радостно визжал.

И кстати, не он один. Они тут все, по-моему, слегка двинулись. Даже Мариэлла, похоже, сейчас тоже завизжит и пустится в пляс. Угу, хоровод начнут водить вокруг мужика, взявшись с членами комиссии за руки.

«У прародителей есть голос в ЛЮБОМ суде или совете! — чуть пришёл в себя Кос от моего ментального пинка, — И даже если голосов старейшин больше...» — тут он многозначительно замолчал.

А прародитель, еще раз окинул взглядом помещение, полное восторженных детишек, разглядевших внеочередного Дедмороза с мешком подарков в июне, неожиданно подмигнул нам с Миком и... свалил. Прямо как настоящий Дед Мороз — рассыпался искристыми звездочками, похожими на снежинки.

Честное слово, я плохо помню, как мы добрались домой. Все же я сильно переволновалась, и когда волнение схлынуло, вместе с ним куда-то делись все силы. Кто-

то нас поздравлял, кто-то косился издали и неодобрительно — мне было все равно.

На предложение Валькирии немедленно перебраться в нормальный мир и нормальный дом, дескать, у Мика теперь есть деньги, я только отчаянно замотала головой и вцепилась в своего Коса, как клещ.

Нафиг. Домой. В мою маленькую недоремонтированную норку, к Сосиске и зеленой крысе в клетке.

— Ни фи́га это не круто, — выдала я, как только мы вошли, и у меня появилась возможность упасть навзничь на родной диван.

— А? — кажется, Мик еще не отошёл от встречи с кумиром. — Ты о чём?

— Да прародитель ваш. Который два в одном. У меня своих тараканов в голове целый зоопарк, нафига мне еще чьих-то подселать? Фигня это — одно тело на двоих. Коммуналка какая-то. Давай мы лучше будем каждый в своем жить, угу? Ну, когда разовьёмся.

— Даже если захотим, слиться у нас вряд ли получится, — Мик смешно потёр нос. — Такое только у прародителей и получилось. И не удивительно... всё же они вместе чуть ли не с сотворения Вселенной. Да... скорее всего это даже не сам прародитель был, а его аватара. Явись он лично, там бы всё в обморок упали... — попытался пошутить он.

— Час от часу не легче. Где-то я, кстати, эту аватару видела раньше. Только не пойму, где. Вот прямо что-то знакомое такое в лице...

Додумать мне не дали

— Ты не о том думаешь, — вдруг обхватил меня за талию Микаэль. — Мастер... у нас получилось! Просто подумай об этом, по-лу-чи-лось! — в ментале на меня накатилась волна восторга. Ааааа! — и этот псих вдруг подбросил меня в воздух чуть не под самый потолок, так, что я завизжала, а потом захохотала от радости, тоже дойдя, наконец, до мысли что мы... победили?!

— Мы полностью свободные граждане Призмы! Мало того, под протекцией Древнего!!! Аааааа!!! — Псих, в которого превратилось мое флегматичное Оружие, снова поймал меня на руки и закружил по комнате, а затем опрокинул на кровать и улёгся сверху. — Мастер...

Я засмеялась, обняла его за шею, притянула к себе и... поцеловать хотела. Но не успела. Он меня первый поцеловал.

А дальше мы как-то разом забыли про усталость, волнения, голод, желание упасть и тупо выпасться... как и куда исчезла одежда, я тоже не зафиксировала, только стонала, выгибаясь навстречу его рукам, скользким по моей груди, по животу, ниже...

Мы выплескивали друг в друга и во Вселенную всё напряжение, все волнения, все переживания последних дней. Купались в волнах резко-чувственной эйфории. Словно что-то обострило все ощущения, от телесных до ментальных. Не знаю, как это получилось, но в какой-то момент наши менталы просто взяли и... слились.

Заниматься сексом, чувствуя одновременно все, что чувствуешь сам и все, что даришь партнеру... это было настолько невозможно возбуждающе и восхитительно, что длилось, кажется, вечность и вместе с тем кончилось почти мгновенно.

Мик упал на меня сверху обессиленный, тяжело дышащий, а я все еще плыла ему на встречу на волнах двойного оргазма — черт возьми, мужчины чувствуют его совсем иначе, и... нет, слов таких еще не придумали.

Засыпая, Мик передал мне мыслеобраз от прошмыгнувшего в форточку кота. Кошак выразил сдержанное одобрение Миком, как сильным самцом, и уведомил, что твердо решил — он будет жить тут. Нормальная нора, теплая, люди годные, выход в форточку удобный, Сосиска — супер. Но попросил шуметь поменьше и спариваться только после того, как миска будет полной!

— Наглая морда, — успела я пробурчать в пространство, прежде чем отрубилась.

Глава 42

Оружие

Проснулся я непозволительно рано. Солнце уже встало, но нам в кои-то веки не нужно было никуда торопиться, не надо ни о чем волноваться.... Даже Сосиска, и та спала у нас в ногах, уткнувшись носом в своего жениха. Но беспощадный организм решил, что он выспался.

Я счастливо вздохнул и попытался притянуть сладко сопящую Ирину поближе. Но рука... запуталась в ее волосах.

— Ай! — Мастер недовольно заворочалась в коконе из спутанной блестящей гривы, обвившей и ее и меня почти с головы до ног. Ржа, бальзам! Совсем забыл! Сколько я его туда бухнул, неужели с дозировкой налажал?!

Да и хотел же предупредить Ирину перед сном, что за ночь может.... слегка поменяться причёска, но нам явно было не до этого.

— Да блин! — она окончательно проснулась и перепугано пискнула, обнаружив себя в плену волос. — Ай! Это что?!

— Тихе, тихе, еще больше запутаешь! — постарался уговорить я дергающуюся девушку, — Подожди, сейчас за расчёской сбегаяю!

— Какой, нафиг, расческой?! — Ирина то ли паниковала, то ли сердилась, яростно выпутываясь из густых золотисто-русых прядей. — Да что за фигня-то такая?! Откуда они взялись?!

— Извини... со всеми этими переживаниями забыл сказать, что добавил в шампунь эльфийский бальзам! — я протянул ей расческу, а сам отсел чуть подальше. На всякий случай. Уж больно воинственно выглядело это... существо внутри стога волос.

— Что ты сделал? — Ирина прекратила драть себя за космы, замерла и прищурилась на меня. — Повтори, пожалуйста?

— Бальзам добавил, — послушно повторил я. — От него волосы становятся мягкими, шелковистыми, улучшается цвет и... рост стимулируется. Немного. Активируется во время сна

Ирина молча разгребла неожиданно густую гриву в стороны, сползла с дивана, укутанная в волосы так, что ее нагота почти в них скрылась и пошла в ванную. Вернулась оттуда с тюбиком своего шампуня.

— Сюда добавил? — подозрительно спокойно переспросила она, отвинчивая крышечку и приносясь.

— Уху, — кивнул головой я, предчувствуя неладное.

Все так же молча эта ненормальная шагнула ко мне, и... нет, на голову не вылила. В последний момент остановилась. Хотя я уже ожидал и такого поворота.

— Немного, значит, стимулируется, да? — она выразительно подергала себя за длинную золотистую прядь. — Сам мыться пойдешь, или тебе помочь?

По-моему, таким голосом Баба-Ржа в страшных сказках детей в свою печь приглашает. Типа, добровольно зажарись, или тебя силком съест?

Жариться не хотелось... в смысле, я же не женщина! Зачем мне-то коса? Так что я стратегически отступил: перекатился по дивану и спрыгнул на пол с другой стороны.

Копна волос издала гневный вопль и ринулась за мной, воинственно размахивая шампунем. Но запуталась сама в себе и с невнятным ругательством рухнула на постель.

Пока я соображал, не накрыть ли ее одеялом и не спеленать ли, чтобы отобрать опасную субстанцию, стало поздно: Ирина как-то неожиданно быстро выпуталась из волосяного плена и с коварной ловкостью подбила меня под коленки, роняя все на тот же многострадальный диван.

Ложе недовольно крякнуло и чуть-чуть покосилось, но нам было не до этого — мы сражались не на жизнь, а насмерть за обладание бутылочкой.

Это еще хорошо, что перед тем, как устраивать погоню и бои без правил, Мастер додумалась крышку завернуть. Иначе к завтрашнему дню у нас теперь волосами бы обросли не только наши головы и остальные части тела, но и полквартиры. А уж если бы несколько капель упало на котов... хотя у этих хвостатых как раз хватило ума держаться от психов подальше.

— Зато смотри, какие у тебя теперь густые брови! И ресниии-хи-хи-цы длинные! Только не щекота-ха-ха-ться! Это запрещенный прием!

— Ах вот как? — коварная женщина отбросила бутылочку и вплотную занялась моими ребрами. — Ну берегись теперь! Я тебе покажу, как подрывной деятельностью заниматься! Брови! Знаешь, как их выщипывать больно, изверг ты железный? — ее безжалостные пальчики находили самые чувствительные места на моем теле и щекотали просто... зверски!

— Лаааа-хаха-дно. Я помоюсь тоже! Помоюсь! Уф... а если сможешь... ничего не имею против! — взмолился я, нахохотавшись до икоты. — Но с одним условием!

— Каким еще условием? — ворчливым голосом переспросила Мастер, временно останавливая пытку.

— Ты косу не срезаешь! Хотя бы до торжественного получения звания Мастера! А потом...

— Когда это вручение? — уточнила Ирина, что-то прикидывая. Она сидела на мне верхом, в облаке золотящихся от бьющего в окно солнца волос и была такая красивая...

— Через двое суток, — изобразил мурлыканье я. И тихонечко полез руками под волосы.

— Ну, значит, на эти двое суток ты — мой личный парикмахер, — усмехнулась Ирина, и провокационно поерзала.

— Все, что хочешь, — согласился я, притягивая ее к себе и целуя.

Если бы я знал, что она имела в виду!!!

Нет, я предполагал, что их придется долго расчёсывать, но ржа! Два с половиной часа усиленного сопения, ойканий, матерных словечек и ехидных замечаний! Только я расчёсывал одну часть, так обратно путалась другая! В итоге плюнул на всё и стал плести из приведённых в нужное состояние прядей косички. Заколебался уже на третьей косе до колен, а ведь был ещё как минимум десяток-другой!!! А потом это множество кос надо еще раз сплести в одну прическу. Ууу.... А как их мыть!? Это обратно расплести и расчесывать?!

— Вот именно, — язвительно прокомментировала мои панические мысли Ирина, все это время просидевшая носом в ноутбук, а то «скучно же». А мне, ржа, скучно не было. Ни разу! Почему никто не предупредил меня, что красота — такое страшное дело?!

— Эм.... Волосы до пояса — это не менее аристократично, чем до колен, — намекнул я на седьмой косичке.

— Да что ты говоришь? — хихикнула Ирина и вытащила откуда-то из под ноута коварно припрятанные ножницы. — И как мы будем решать эту проблему?

Я с печалью покосился на уже собранные косы... ещё более печально на оставшийся

фронт работ и..

— Ладно, давай... — решительно взял у Мастера ножницы.

Когда мы закончили с прической, я полюбовался результатом, немного погордился собой и без сил рухнул на диван. Уффф... ржа.

— Еда кончилась, — Ирина, покрутившись у зеркала, удовлетворенно кивнула, оценив сложную конструкцию из переплетенных кос. — Ты совсемдохлый, или ногами еще шевелить можешь?

— В душ схожу и наверное... оживу, — согласился я, с кряхтением приподнимаясь на локтях.

— В дуууш? — лукаво потянула Мастер.

Я содрогнулся. Еще одна коса?! Но теперь на моей голове?!

— А может, не надо? — очень жалобно переспросил я, сделав глазки этого...лямура, кажется. Мне Ирина на ноутбуке показывала. — Плести и расчесывать-то тогда придется тебе! А у меня ж ещё борода вырастет! Такой же длины...

— Ыыыы! — сказала эта жестокая женщина, падая рядом и дрыгая ногами от хохота. — Бородааааа!

— Тоже в косички ее заплетешь? — дожимал я. — И брови! Брови как два куста!

— Молчи, изверг, брови я тебе еще лет сто припоминать буду, — всхлипнула от смеха Ирина. — Или нет! Я тебе их выщипаю!

— Когда бороду с усами расчешешь, ага, — обреченно поддакнул я, понимая, что от страшной мести ее теперь никто не удержит. Эх... ржавый бальзам, зачем он мне только в лавке на глаза попался!

— Ладно, можешь помыться им завтра, — милостиво разрешила Ирина, отсмеявшись. — Сейчас я хочу есть больше, чем мстить.

Хм. Ну вот и хорошо, до завтра-то я успею выпросить прощение. А может, Ирине и причёска понравится. Смотрится ооочень неплохо! Прямо северная княгиня! Что я ей усиленно по менталу и транслировал.

— Не подлизывайся, коварный ржавень, — ткнула она меня локтем в бок. — Иди в душ без шампуня, а то я ща оголодаю окончательно и отъем кусочек от такого вкусного тебя.

— Ну это смотря какой кусочек, — провокационно усмехнулся я, и, размяв плечи, пошел в душ.

Глава 43

Ириска

Я сама, похоже, не чувствовала все это время, как груз надвигающейся несвободы давил на плечи. Видимо, человек ко всему привыкает, вот и я привыкла. А сейчас, когда сбросила... когда свобода — вот она, опять со мной, опять моя... и в то же время я не одна...

Это было как крылья за спиной. Когда даже питерский ноябрь, хмурый и полинявший последним блеклым золотом под ноги, вдруг заиграл всеми цветами радуги на сером фоне старинных соборов.

Я таскала Мика по городу, забыв про голод и про то, что мы вообще-то вышли за продуктами. И сами не поняли, как оказались в центре, на Невском. Нет, я понимаю, что Мик видел множество городов и миров, но мне так хотелось подарить ему именно эту неяркую питерскую сказку... когда-то в своем юношеском снобизме я считала себя похожей на этот город. Под неброской серостью здесь столько всего... что можно бродить и любоваться часами, и он никогда не повторится.

Мне хотелось, чтобы Микаэль принял и полюбил этот город, а город принял и полюбил его.

— Это очень странное место, — в конце концов констатировал Мик. — Я не понимаю, как оно может быть одновременно таким мрачным и таким... — он пощелкал пальцами в воздухе, словно подыскивая эпитет. — Притягательным. С одной стороны, ужасный климат, испорченный воздух, да и вообще... и я не понимаю, почему отсюда так трудно уйти. Вот зачем ты мне это показала? Я хотел перетащить тебя в иную спираль, но твои чувства... или это мои уже... кошмар какой!

— Ага, Питер такой! — засмеялась я. — Ты проникся! Кошмар, от которого не хочется просыпаться. А давай заработаем и заведем в другом мире дачу? — предложила я в шутку. — Питерцы обожают дачи!

— Это действительно вариант, так даже дешевле выйдет, — абсолютно серьезно покивал Микаэль.

— Что, прям серьезно? — не поверила я, сворачивая с проспекта в свой проулок. Мы незаметно так пешком прошли от центра через мосты почти до дома. — А это...

Что-то заставило меня резко остановиться. Неясное чувство тревоги и... узнавания?

— Хм... — на лице моего милого и доброго Мика вдруг появилась улыбка бывшего вивисектора. — Явилась пропажа. Вот сейчас мы решим ааабсолютно все наши проблемы. Подожди минутку, — мой Кос буквально ломанулся в проулок.

— Эм? — с каждой секундой мне становилось все более не по себе. А когда в темном углу соседнего двора знакомо лязгнул металл и что-то вспыхнуло... Ёжики-медвежики! Мик кого-то бьет!

Я догадалась, кого он трясет за шиворот, как терьер крысенка, еще до того, как подбежала поближе. Точно. Пацан-кинжал!

Но в каком виде! Отощал, одни глазюки остались на синем от холода лице, ободранный, грязный, словно он месяц на помойке жил... и ни фигу уже не выглядит взрослым парнем, как есть недокормыш подростковый!

Мик еще раз тряхнул зло и совсем не по-детски матерящегося Кинжала, и повернулся ко мне, явно намереваясь что-то сказать, но тут за его спиной в глухой стене прорезалась дверь, из которой хлынул яркий свет, а потом величаво выступил... Бобро на помине, блин.

— О, приятной охоты, — кивнул он, поправляя перевязь с мечом. — У вас на него заказ?

— У нас на него зуб, — мрачно прорычал Мик, еще раз встряхивая завизжавшего мелкого. — Это тот самый дикаренко, который покусился на душу моего Мастера!

— Даже тааак, — задумчиво протянул Бобер, — а мы его просто как пробудившегося выслеживали. Думали в приют отдать. А эта ржавая тварь, — тон его мгновенно сменился, — на невинные души позарилась, значит.

— Пошел ты на...и в...и через...да с.... - отреагировал Кинжальчик, обреченно повисая в Миковой руке, но как только Бобро шагнул ближе — извернулся и метко пнул того в колено. — Знаю я вас, су..., педофилы драные! Отвалите от меня, уроды! Этот сраный Дамблдор тоже про души втирал, гад! Тоже говорил, что крутота будет! Маааагия! Не подходи ко мне, не пойду я ни в какой приют!

— Никакой крутоты тебе не будет, мелкий пожиратель, — нехорошо усмехнулся Бобро, брезгливо отряхнув грязь с безупречно сидящих штанов. — Пойдёмте тогда с нами, — обратился он уже ко мне, почему-то игнорируя Мика, — сразу оформим как удачную охоту, получите вознаграждение, — здесь его голос прозвучал слегка кислото, видать сам рассчитывал на некий куш. — Потом проведём ритуал и вернём кусок вашей души.

Как ни брыкался пацан, а против Мика он был, что тот котенок против сенбернара. Так его за шкуру в нарисованную дверь и поволокли. А я пожала плечами и пошла следом. Сама не могу объяснить, что мне не нравилось в этой ситуации, но что-то беспокоило.

Переместились мы почему-то не в ту комнату, где сидела секретарша, а в какой-то огромный зал, разрисованный разноцветными пентаграммами не только по полу, но и по стенам и по потолку. А в центре зала торчал огромный валун, тоже изрезанный знаками.

— Сейчас, подождите немножко, подойдёт специалист, — любезно проинформировал нас Бобро. — Если он подтвердит наличие частички вашей души в этом дикаре, то ритуал будет проведён немедленно. Заодно узнаем, сколько еще душ он поглотил и освободим их.

Пацан продолжал отчаянно брыкаться, но Мик с непроницаемым лицом потащил его прямо к камню, а я поняла, что эта фигня мне напоминает. Алтарь! И вот знаете... ассоциации какие-то нехорошие у меня. Про кровавые жертвоприношения и прочие древнепоганые гадости.

Мои подозрения прямо-таки вспыхнули фейерверком, когда из воздуха возле алтаря материализовался «специалист по душам».

Эмм... я, если честно, сначала подумала, что голова у мужчины — собачья. Но нет, это оказался какой-то прибор, козырёк которого создавал иллюзию длинного доберманьего носа, а выступы по бокам — острых больших ушей. Одет мужчина был в подобие белого халата без рукавов, а также поплёскивал множеством артефактов на запястьях и предплечьях. И вот что-то мне подсказывало, что зовут его...

— Доброй охоты, коллеги. Моё имя Анубис. Где тут наша очередная муми... кхм, прошу прощения, преступник.

Е-мое... реально Анубис?!

Э... это... надеюсь, они не будут на этом камне делать мумию из пацана?

Я подобралась поближе к месту действия и даже натянуто улыбнулась собакоголовому спецу, но и сама поставила ушки на макушке. Кусок моей души меня чрезвычайно интересовал, но вот чем дальше, тем больше я сомневалась в том, как именно его собираются... извлекать.

Но я все равно даже твякнуть не успела, как, впрочем, и пацан, потому что Анубис вдруг ткнул в его сторону посохом, и рот осыпающего все вокруг отборными матами парня оказался заткнут каким-то на вид древнеегипетским кляпом. И руки-ноги ему перебинтовало серыми лентами, как бинтами.

Глаза от ужаса мы с пацаном, кажется, вытаращили одинаково. Только ему заорать теперь мешал кляп, а мне шок.

Но я хоть за Мика могла уцепиться и яростным шепотом потребовать объяснений:

— Что он с ним делать будет?!

— Сначала осмотрит, при помощи шлема на голове — во внутрь заглянет, определит, сколько он успел сожрать, — так же вполголоса пояснил Мик с довольной улыбкой.

Анубис действительно довольно оперативно переправил помертвевшего от страха пацана на свой «рабочий стол» и пеленальные бинты растянули худящее нескладное тело на горизонтальной поверхности, как цыпленка табака.

Гладкий, изогнутый на конце посох скользил вдоль туловища мальчишки, временами меняя цвет и интенсивность свечения, Анубис то напряженно хмурился, то недоуменно поднимал брови.

Потом вздохнул, пожал плечами и закругление на конце посоха со звонким щелчком сменилось... здоровенным лезвием, похожим на мясницкий тесак!

Одно движение, и куртка с рубашкой оказались распороты, явив нашим взорам костлявую грудную клетку, отчаянно вздымающуюся и опадающую от частого панического дыхания. А посох с лезвием снова приподнялся и уже пошел вниз, когда...

Глава 44

Да нафиг, блин! Людоеды какие-то!

— Стоп! — громко крикнула я, кидаясь к камню и хватая псоглавца за посох. Мик меня поймать не успел, а Бобро и Анубис и вовсе не ожидали такой резвости.

— Леди? — очень удивленно переспросил последний, осторожно освобождая свой посох из моих цепких лапок. Точнее, пытаюсь освободить, ибо я вцепилась, как клещ, от ужаса перед чуть не состоявшимся вскрытием у меня просто пальцы свело.

Да так свело, что, кажется, этот посох аж сам забеспокоился о своей судьбе. Потеплел в моих руках и задергался.

«Ирина, что случилось? Снова какие-то странные инстинкты и ощущения?» — Мик оказался рядом, обнял за плечи, остановившись за моей спиной, словно поддерживая, и... но спрашивал мысленно. Ну да, тут же разборки Мастеров. Воспитанное Оружие в такие не вмешивается.

«Какие, нафиг, инстинкты! Они охренели, пацана резать?!»

«Души иначе не освободить, и потом, он же все равно уже этот... у вас таких называют наркоманами. Если хоть раз чистую душу сожрал — конец, остановиться такой уже не может».

Я упрямо набычилась. Нет уж, надо выяснить все до конца. Даже наркоманов лечат! Наверное... а вдруг он вообще кроме меня никого не покусал еще?!

— Что вы собираетесь с ним делать? — раз уж руки свело, хоть языком попробую поработать... блин, ну как дура вот. Клопиха перед слоном... но не давать же потрошить пацана у меня прямо на глазах?! Тем более, когда у меня за спиной стоит мой Микаэль, я чувствую себя гораздо... гораздо увереннее!

— С помощью своего оружия вскрыю его грудную клетку вдоль энергетического меридиана и выпущу сожранные души. Точнее... — Анубис вдруг перестал выдирать у меня из рук свое Оружие и задумчиво продолжил:

— Может, вы и правы, леди. Не стоит торопиться. Здесь все... Странно. Это точно дикарь. Но такое впечатление... э... что-то в нем есть, но это не съеденная душа. То есть, не целая душа. И эта часть там одна. Встала на входе в энергетический канал и питает его, но заблокировала поступления извне наглухо. Он даже если захочет, больше ни одной души сожрать не сможет, Анубис снова повертел головой, присматриваясь, — А ещё, кажется, этот осколок прирос намертво, и, боюсь, не повредив душу дикаря, я ее не извлеку. Коллеги, вы не против, если я ненадолго заберу его в свои лаборатории, так сказать, провести ряд исследований?

— Вопрос не ко мне, — покачал головой Бобер, — Часть души откушена у этого Мастера, так что ей и решать. По мне, так лучше вскрыть и дело с концом.

Юнец на алтаре сдавленно пискнул, и, кажется, потерял сознание. То ли от страха, то ли от голода — что-то странное творилось, я вроде как начинала слышать, что там у него внутри творится. Это из-за кусочка моей души в нем?

В любом случае, если бы я знала, КАК его будут извлекать заранее, я бы... э... не отдала мальчишку? Отпустила бы лучше...

— Эммм! — я торопливо помотала головой, — я не согласна! — Мозг лихорадочно искал нужные аргументы и, кажется, нашел: — Не хочу, чтобы кусок моей души кто-то забирал в лабораторию! Извините, это слишком интимно.

— Тогда в чем проблема? Дайте Анубису выполнить свою работу, — снова предложил Бобро. Вот блин, маньяк какой-то! Даже псоглавец не спешит мальчишку потрошить, а этому все нейдет!

— Вы собираетесь подвести меня под трибунал? — вдруг встал на нашу сторону

Анубис, — я же сказал, невозможно извлечь осколок души Мастера, не повредив, причем фатально, душу этого Оружия. Да, он преступник, но... поступив так, мы станем не лучше его. Потому я и настаиваю на исследованиях. Иначе, я не смогу выполнить свой долг, леди. В конце концов, это теперь ваше Оружие, вам и решать, как с ним дальше поступить.

Мик за моей спиной дернулся и сжал ладони у меня на плечах. А я так просто обалдела:

— В смысле, он теперь мое Оружие?!

— Ну, теоретически, так и есть, — неохотно как-то ответил Бобро. — Вы его первыми обнаружили, хозяев, клана или даже просто родителей у него нет и не было, не считать же дикаря. Преступление он совершил именно перед вами, и по-хорошему, вы имеете полное право распоряжаться им, как собственным имуществом в качестве возмещения долга. Конечно, можно легко это оспорить, но... — он прищурил глаза, будто во что-то всматриваясь, — Мастер Анубис?

— Из-за съеденного куска души у вас с этим преступником образовывалось что-то вроде связи, как и у обычных пар Мастер-Оружие, — кивнул специалист. — Достаточно интересный феномен, скажу я вам. Может, все-таки позвольте мне провести несколько... ммм... замеров?

И почему мне кажется, что вместо замеров там должно было быть другое слово, «вскрытый», например? Хотя нет, он же отказался пацана резать. Но, может, он имеет в виду не до смерти?

Пацану на алтаре перспективы в любом случае не понравилась, ожил, всхлипнул сквозь кляп и опять задергался.

Кстати, и Мик почему-то не понравилось, хотя я чувствовала, что к дикарю у моего Коса вот ни капли сочувствия нет. Его что-то другое обеспокоило в предложении Анубиса.

«Ты хочешь это спасти?» — вдруг спросил у меня Микаэль. На дикаренка он смотрел как на что-то не слишком удобоваримое, а в его голове снова начали сражаться тараканы. Но какие именно — я так и не поняла, моё Оружие их аккуратно от меня спрятало.

«Я не хочу, чтобы его тут разрезали, как цыпленка, только потому, что какой-то урод использовал мальчишку. Вытащим и пусть катится... куда хочет».

«Не укатится, — чуть ли не выплюнул мысленную фразу Кос. — Не укатится он никуда. Думаешь, дикарь просто так в ближайшей подворотне терся? Он теперь от тебя вообще далеко отойти не сможет. Включи зрение скверны».

— Едрит твою *marde mama*... — сказала я через секунду. Причем вслух.

«Оставлять его Анубису тоже нельзя: связь у вас формально есть, так что по всем законам он действительно — твой. И если ты, как Мастер, отдашь свое Оружие потрошить другому Мастеру, с возможным причинением вреда, это может сильно испортить твою репутацию, — тут он помотал головой. — Но не это главное. Скорее всего это станет ещё одним формальным поводом для совета придраться и закрутить обратно канитель с признанием недействительности мастерства. И то, что изначально он был дикарем, опять же, никто в расчёт не примет. Помнишь, как с нашими доводами по экзаменационному заданию. Ты у многих теперь, как бельмо в глазу, выскочка-смеска. А снова надеяться на такой рояль в кустах, как явление прародителя... — тут он многозначительно замолчал.

«Короче, без меня меня женили, — уныло констатировала я. — Вот... заткни уши, я много слов скажу нехороших».

— Кхм! — прервал наши мысленные переговоры Анубис. — Что вы решили, леди?

— Как бы мне этого ни хотелось, Мастер Анубис, — обратилась я к песоголовому, под суфлирование Мика, — но раз связь уже образовалась, отдать я его вам не могу. Боюсь, придется всё же требовать с него долг.

Бобер, слушая меня, поощряюще хмыкнул и улыбнулся:

— Пожизненный, ага. Ну, тогда забирайте своего ржавого дикаря, документы я вам по почте вышлю, оформите ещё одну опеку. Сочувствую, коллега.

Ага, ехидно так сочувствует. Сволочь. Бобро, блин, оно и есть Бобро.

Но, кстати, то, что я пацана Анубису не отдала, ему почему-то понравилось... даже самому Анубису вроде понравилось, парадокс!

«Ну, зато на него содержание в два раза больше, чем на меня, будет, он несовершеннолетний, — вдруг выдал в моей голове Мик. И ехидненько так добавил: — Ты же учила меня всегда искать хорошее даже в плохом?»

«Тьфу на тебя. Ты его видел? Он же слопает больше, чем наши заработки вместе с его пособием! Это же не пацан, а ходячее анатомическое пособие с встроенным матершинником. И куда мы его положим? На диване места нет!»

Глава 45

Оружие

— Нет, благодарю. — отмахнулся я от помощи Мастера Анубиса. — Если это приемлемо, я бы попросил вас оставить этому... кляп и путы.

Дикарское отродье прожег меня ненавидящим взглядом, корча страшные рожи, что еще более уверило меня в правильности принятого решения.

— Приемлемо, — сухо кивнул Мастер, думая о чём-то своём. — Но скверны в кляпе цвирковы слёзы, он исчезнет через час. Это же касается и фиксаторов. Если же захотите снять заранее, просто прервите потоки.

— Спасибо за помощь и консультацию, — ритуально поклонился я, но Анубис уже исчез во вспышке телепорта.

Чуть дальше хлопнула дверь и я понял, что Хранитель, которого Ирина непонятно почему мысленно всегда называет местным водным грызуном, тоже покинул наше общество. Наконец, я смог тяжело вздохнуть, хватаясь одной рукой за волосы и практически с ненавистью глядя на пытающуюся материться гусеницу в бинтах. Вот нахрена нам с Мастером ещё и эта головная боль? Мы только-только освободились от одних проблем, как тут же нашли другую на наши задницы.

А может, его просто... того? Подстроить сучонку несчастный случай, пока Ирина не видит, и одной проблемой меньше. Или выпустить его на волю — сам помрет, нарвётся на какую тварь...

С другой стороны, у гадёныша внутри часть души моего Мастера. Да и она сама не одобрит моего поступка, а скрывать его слишком долго в глубине ментала вряд ли получится. Мы слишком сильно связаны. Ржа, вот почему его нельзя просто взять и придушить!

Но Ирина и так уже недовольно сопела в мою сторону.

— Ты его так и понесешь, что ли? — спросила она. — Зачем?

— Тебе понравилось слушать тот поток сквернословия, которым он общается? И тащить его так удобнее... упрётся же из принципа, если развязать. Мозгов у него три капли, и те в окалине, — скривился я. Чего она в этом ржавом нашла? Неужели так приглянулся?

— Да ну тебя нафиг, — так, кто-то опять подслушивает. Прохудился, что ли, этот блок на ментале? — Педофилку, блин, нашел! Это недоразумение еще лет пять кормить и плакать, пока на человека станет пож...

— Мама мамая! — злобно промычал ржавый придурок на Ирину, но тут я бесцеремонно взвалил его себе на плечо. Повиснув вниз головой, недомерок слегка присмирел.

— Я бы вообще на твоём месте заставил его стать кинжалом и в таком виде и хранил, как это на складах делают. Если подпитывать изредка скверной — можно годами так держать.

— Сначала покормим, — вздохнула слишком добрая Мастер.

Ржа, а вдруг у нее этот, как его... материнский инстинкт пробудился?! Может, ей какого щенка купить, пусть с ним водится? Да нет, у нас же скоро котята будут. Котята точно отвлекут ее от этого... этого, в общем.

Мы как раз перешли из ритуального зала прямо в наше жилище, и я свалил свою ношу на... хотел на пол, но покосился на Ирину и плюхнул придурка на стул.

— Буянить будешь или обедать? — строго спросила Ирина у сверкающего глазюками ржавого.

Пацан, все это время диковато оглядывающий наше скромное... очень скромное жилище, скривился и что-то промычал через кляп. Ирина с интересом прислушалась и пожала плечами:

— Неа, с ложечки кормить не буду. Либо ведешь себя как нормальный человек и лопаешь суп с мясом, либо лежишь как нормальный ножик в кухонном шкафу и вообще не вякаешь.

— Второй вариант однозначно лучше, — кивнул я, — я, так уж и быть, от доброты душевной, даже скверной с ним поделюсь. Лежать будет... долго! — и подавил собственный порыв сказать «вечно».

— Чо, даже чудеса и крутое мировое господство не пообещаете? — освобожденный от кляпа, но не от пут, Кинжал попытался изобразить едкий сарказм, но вышел только испуганный оскал подзаборного щенка.

— Нету у нас господства, — сердито фыркнула Мастер, громящая кастрюлями в шкафу. — Только суп. Харчо. Будет через... Мик, а продукты мы так и не купили!

— Заказать можно. Выйдет чуть дороже, но зато без всяких вредных добавок, — тут я многозначительно покосился на несомненно вредную добавку, которую мы неожиданно-негаданно заполучили в прошлую попытку купить еду, и хмыкнул. — Можно и просто готовое, кстати.

— Пиццу! Три! Каждому! — неожиданно возбудилась моя голодная Мастер. — У нас же есть деньги, да? — она с надеждой посмотрела на меня.

— Вы точно психи, а не педофилы, — сделал неожиданный вывод связанный пацан.

— Пиццу? — я проигнорировал пицание и попытался уточнить образ через ментал, — Открытый пирог с мясом?

— С сыром! Но мясо там тоже бывает... — тут Ирина с сомнением посмотрела на забинтованного подселенца: — А ему нельзя, наверное...

— Чо это нельзя? — возмутился Кинжал.

— Ты сколько не жрал, недоразумение? Неделю? — Ирина встала перед ним, смешно уперев руки в боки. — И хочешь сразу пиццы налопаться, чтобы потом либо заворот кишок получить, либо заблевать мне тут всю квартиру?

— Много ты понимаешь! — пацан аж подпрыгнул на стуле, сердито дрыгнув связанными ногами. — Да бл... развяжи меня! Не буду я буянить... и жрать я могу хоть гвозди, поживи с мое на улице... тоже мне, квартира... нора какая-то... коммунальная! — с каждым словом он будто терял запал — похоже, просто выдохся, да и после алтаря откат пошел.

— Понятно, — Ирина жалобно посмотрела на меня. — Мик, а ваши целители застарелый гастрит лечить умеют?

— У Оружия и Мастеров таких болезней обычно не встречается, — мне опять пришлось обращаться к ментальному справочнику. — Пока в организме есть достаточно скверны, то оно просто... регенерирует.

— Так ваше оружие, небось, на помойке не жило, — вздохнула Ирина. — Ладно, давай его развяжем? Он уже полудохлый, все равно далеко не ускачет. А я пошла заказывать пиццу, блины и куриный суп. Для некоторых!

— Полудохлый-то полудохлый, но ржа знает, что ему в голову придёт, — мы с Кинжалом обменялись неприязненными взглядами, — уверена?

— Хей, сеструха, ты своего цербера-то приструни, че он на меня лает! Чо я те сделал, ты! — эта мелкая ржа еще тут что-то пищит?

— То есть, по-твоему, сожрать чужую душу — это нормально, рухлядь? — сцапал я его за шкиряк и хорошенько встряхнул, — и Ирина для тебя — Мастер. Понял?!

— Нах... пошел со своим мастером, господином и прочими извращениями! — вдруг выверился щенок, и даже попытался лягнуть меня.

— Э-э! — Ирина, подсевшая было к ноутбуку, вскочила и подбежала к нам. — А ну тихо! — она поймала пацана за плечи, но не встряхнула, а просто сжала и держала, не давая дергаться. — Прекрати истерику! Никто тебя пальцем не тронет, понял?! Если будешь нормально себя вести и на людей не станешь кидаться!

— Пальцем не тронете, а х...м сто раз? — все еще злобно переспросил ненормальный. — Знаю я вас, волшебники гребанные! Отвалите от меня, ссс...ки, лучше убейте сразу и идите на х...! — похоже, у пацана случилась истерика, причем такая, что даже я растерялся. А потом побледнел... это что, получается, дикарь его... через секс привязал?! Пацана!? Насильно?!

Ирина явно тоже поняла что-то такое, потому что мальчишку отпустила и посмотрела на меня потемневшими глазами. Потом резко выдохнула и, отступив на полшага, вцепилась в шею Кинжалу пощечину. Несильную, но звонкую. Одну, вторую...

— Успокоился? — переспросила она через секунду, когда ошалевший дикарёнок действительно перестал орать и биться, и смотрел на нее огромными шалыми глазами. — Уф... охренеть не встать. Значит, так. Сейчас я тебя развязываю и ты идешь в душ. Там внутри задвижка есть, закроешься, и никто на твои костлявые прелести не посягнет. Помоешься... я пока закажу тебе одежду, пожрать и матрас. Ляжешь спать наверху, и чтобы до утра я тебя не видела и не слышала. Все понятно?

Как ни странно, эти довольно жесткие инструкции вместо ожидаемого мною сочувствия и прочего женского сиропа, оказали на Кинжал просто волшебное воздействие. Он сглотнул, моргнул и послушно закивал. Кстати, а как...

— Тебя зовут-то как? — подхватила мои открытые мысли Ирина

— Са... Александр, — мальчишка опять немного ошарашен. — Имя менять не дам!

— Да нафиг ты кому нужен, — устало отмахнулась Ирина, мысленно спрашивая меня, правильно ли она деактивирует потоки скверны в бинтах. — Сашка, так Сашка.

Глава 46

Ириска

Моя спальенка... моя уютная, доремонтированная, выстраданная спальенка на «втором этаже» маленькой квартирки... прощай.

Когда мы с мамой с грехом пополам наскребли денег на то, чтобы в комнату провели воду и канализацию, а также отделили от общей площади малюсенький совмещенный санузел, я сразу рассчитывала воспользоваться тем, что потолки в старом доме почти четыре метра. Зачем мне в туалете высота в четыре метра над головой? Правильно. Нафиг не нужна.

Так что ванная у меня не только в длину и ширину лилипутская, в ней Мик потолок головой не шкрябает только потому, что ему пяти сантиметров не хватает. Зато большая ниша, образовавшаяся над удобствами, отлично подходит для оборудования там отдельного спального места.

Угу. У кого деньги есть, тот и оборудует. А я и так год бегала за копейки с малолетними балбесами английские глаголы долбила, чтобы за санузел расплатиться. Не могла я больше у мамы деньги брать — ей после окончания контракта самой где-то надо будет жить.

Вот и спала на старом колченогом диване, мечтая, что когда-нибудь накоплю достаточно денег и куплю себе очень хороший ортопедический матрас, оборудую антресоль маленькими полочками для книг и гаджетов, выберу красивое бра, заведу там выдвижной столик для ноута...

Угу. Еще раз.

Не, матрас мы с Миком заказали офигенский — ну не смогла я что попало купить. Доплатили за очень срочную доставку «вотпрямчас». Заодно потратились на хорошее постельное белье, подушку, одеяло... все как в мечте, вот только спать на этой роскоши буду не я!

Да ладно... это я так. Стресс у меня. Пацана мне на самом деле гораздо жальче, чем отдельное спальное место. Он из ванной выполз отмытый, нодохлый, как почти утонувший в помойном ведре мыш. Молча сожрал две пиццы, тарелку куриного супа и, все еще диковато косясь на нас с Миком, залез на антресоль. Забился в самый дальний и темный угол, даже подушку с одеялом не взял, и сидел там, сверкал своими глазищами, как пещерный нетопырь, зубами во все стороны. Старался не уснуть.

Он бы, наверное, так и сидел до бы утра (и я боялась бы спать, мало ли что ему в башку стрельнет!), но с вечернего променада через форточку вернулась Сосиска в сопровождении кавалера. Вот блин, испортили мне домашнюю кошку... надо срочно покупать антиблошиный ошейник, глистогонное и... на двоих!

Сосиска и Белый слопали свою порцию куриной печенки, которую исправно доставлял им с рынка Мик и отправились спать. К себе. На антресоль.

И очень удивились, обнаружив там не только большие перемены, но и неизвестного подселенца.

Кошки долго недоверчиво нюхали ошалело смотрящего на них пацана, потом, такое впечатление, пожали плечами и оставили новую греющую мебель себе. Сосиска бесцеремонно улеглась ему на колени, а Белый, боднув в плечо, растянулся рядом, громко мурлыкая.

Я наблюдала за всем этим с тревогой — за котом побаивалась. Но зря. Сашка, похоже, кошек любил. Потому что именно их появление позволило ему расслабиться, лечь нормально, укрыться... и через минуту он уже дрех. Уф.

Уже подкатившись к Мику под бочок на нашем стареньком колченогом диване, я горестно вздохнула и потерлась носом о его плечо:

— Вот, блин, засада. Никогда не мечтала обзавестись ребеночком в столь раннем возрасте, да еще и подростком! Но жалко же...

— Я тебе предлагал обзавестись настенным украшением. — заворчал Мик, — подберем красивые сдерживающие ножны и повесим.... да вон, на твой ковёр, всё проблем меньше будет.

— Нет, — я помотала головой и вздохнула. — Так нельзя. Он ведь тоже ни в чем не виноват, и... ладно. Давай спать. А завтра отведем его к лекарю, может, он ему не только желудок подлечит, но и голову. У вас есть психологи? После того урода... И вообще, пацан на помойке жил, мало ли, вдруг у него глисты. Тощий вон какой...

— Нам не по лекарям надо, а на полигон, — Мик был сегодня в редкостно ворчливом настроении, но при этом обнимал меня так крепко, словно кто-то уже пришел и отбирает. — Карта Мастера не означает, что ты им стала, а я не хочу, чтобы ты угробилась на первом же обязательном рейде! Тем более, когда с нами теперь это недоразумение. Его тоже на полигон! Если уж не хочешь вешать на стенку, пусть хоть пользу приносит!

С утра все было тихо-мирно, в основном потому, что наше неожиданное приобретение и не думало просыпаться. Он ночью в туалет вставал, я слышала, а сейчас дрых так, что даже на завтрак разбудить не удалось. Ну, я решила, что намучился мальчишка, пусть отдыхает, тем более, что мне надо-таки хоть издали показаться в институте!

Так что я наскоро выпила кофе, поцеловала недовольно сопевшего Мика, оставила его ковыряться в ноуте на предмет воспитания, кормления, лечения и прочего укрощения юных Кинжалов, и поскакала в метро.

Оружие

Мне хотелось рычать, бить землю копытом, полосовать на мелкие кусочки тварей скверны! Нееееет... мне хотелось свернуть шею этому дикому цвирку. Ну или хотя бы отрезать его грязный язык. А ещё выгнать его с той самой ниши, которую мы с Мастером обустроивали последнее время.

Беееедный, несчаааастный! Тьфу! А забрался, по-хорошему, в хозяйскую кровать и шипит оттуда!

Ирина с утра всё-таки ушла на свои бесполезные занятия. Ну, ладно, раз уж захотела, пусть получает местную карточку о квалификации. Правда, мне в связи с этим тоже пришлось вскакивать ни свет, ни заря, чтобы помочь ей с косами. Вчера-то она на нервах забыла про свою новую прическу, а утром вот вспомнила, изворчалась вся и мне пришлось усердно изображать из себя парикмахера. Зато у меня появилось лишнее время хорошенько вытрясти из приبلудного гадёныша всю наглость.

Минут тридцать я спокойно ждал, когда он наконец проснётся. Успел поесть сам и покормить нашу живность, включая даже цвирка, который с удовольствием слопал малый накопитель. Потом ещё столько же времени походил из угла в угол, специально громко топая, роняя предметы и рассуждая вслух. Что ж, он сам напросился...

В нишу я забрался одним рывком, раздраконенный и накрутивший себя до состояния кипящего чайника. Рывком сдёрнул с мальчика одеяло и гаркнул тому в ухо:

— Подъём!

Пацан... не среагировал. Эм... чего это он? Неужто сдох? Радость-то какая, самому душить не пришлось... Ладно, шучу я, шучу. Дышит вроде, но ни на какие внешние

раздражители не реагирует, а под глазами синие круги. Для уверенности ещё потыкал тело пальцем, потом кулаком, а затем и вовсе раздраженно пнул коленом.

Ну действительно, помрёт ведь. Ирина расстроится... Скверной с ним, что ли, поделиться? Но ведь этот гадёныш часть души сожрал (пусть и подавился), там должно хватить на долгие годы вперёд. Так чего этот заморыш подыхать тут вздумал?! Реально больной?! Одна большая проблема, а не Оружие. Я б на его месте со стыда удавился, такие трудности устраивать Мастеру! Эммм...

— Отвали, козел, — вдруг пробурчало тело и перевернулась на другой бок. О! Живой, поганец!

— Не спишь, значит.... козёл, значит, — буквально прошипел я, хватая за грудки обнаглевшего засранца и вытаскивая его из спальной ниши.

— Отвянь, извращенец гребаный! — придурок орал и брыкался, а потом извернулся и... укусил меня за руку, цвирк паршивый! И получил смачный подзатыльник! Хотя Ирина перед уходом очень просила меня «ребенка не бить, не пугать и покормить». Да я удавлю сейчас этого «ребенка» к ржавым хренам! А пока только укрепил до состояния железа собственную кожу, пусть зубы ломает, зверёныш невоспитанный!

— Да кому ты нужен, пискля недоразвитая, — буркнул я, невольно передергиваясь. Вспомнил, ржа, что с этим недомерком сделал дикарь, и... не то чтобы жалко его стало. Просто... неприятно.

— Жрать хочешь?

— Иди в жопу... хочу, — Кинжал, которого Ирина вчера сходу окрестила привычным ей собачьим именем вместо нормального и звучного «Александр», отскочил на пару шагов и насупился.

— Так ты изнасилования боишься или жаждешь? — может и нехорошо так, но бесит меня этот недомерок. Так что я не удержался и даванул на большую мозоль, желая подрезать ему язык.

Но вопреки ожиданиям, звереныш только глазами сверкнул. Прямо непорядок, он меня бояться, что ли, перестал?!

— Жрать хочу, чо непонятного?

— Шуруй давай сначала зубы чисть. Наш Мастер оставила четкие инструкции, и мне похер на твоё мнение, и...

— Да понял, понял, папочка, — язвительно заявил этот ржавый мелкий нахлюга и хлопнул дверью ванной.

Так бы и пришиб заразу! Но нельзя. Я ещё вечером прикинул, что их с Мастером надо сразу вместе тренировать... и у нее будет не только дальнобойный я, но и Оружие ближнего боя... моя Мастер будет в большей безопасности!

Только надо сразу эту цвирчатину воспитать и на место поставить. Или нет, Мастер права, сначала вылечить. А то пока это не Оружие, а одна сплошная ржа.

Хорошо, сначала все же к лекарям. Пусть этих... глистов у него выведут... У нормального Оружия такой гадости, правда, быть не может, но кто его знает,

дикаря помоечного.

— Да не давься ты, никто же не отбирает, — не выдержал япри виде того, как этот недомерок по-птичьи глотает еду с тарелки, не жуя.

На меня снова зыркнули, но давиться он перестал. Послушался. А может, просто нажрался. Я не стал вникать. Для начала пусть чисто формально слушается, а потом постепенно привыкнет.

После еды дикаренко попытался уползти обратно на «свое» спальное место, за что был

мгновенно пойман за шкиряк и посажен обратно на стул. А перед его носом возникла книжка с картинками, которую я покупал ещё для Ирины.

— Изучай.

— Это чо? — недоверчиво закрутил носом ржавенок. Но при этом книжку схватил и открыл — любопытный, значит. Это все же хорошо. Мне всегда внушали, что любопытный — значит, обучаемый.

— Не знаю, какую лапшу тебе вешал на уши твой предыдущий партнёр, (я не смог назвать дикаря — Мастером), но тут описаны основы. То, что должен знать даже младенец! Изучай!

— Чо, прям информация? — не поверил этот... Александр, и зарылся в книгу. — Вот просто так?! Типа ни фига не тайное знание, за которое надо отдать душу?! Или там кровь и...

— У тебя в школе, или где ты там читать учился, тоже за знания душу требовали? — ржа, вот поневоле я начинаю понимать, почему Ирина его жалеет. — Это просто работа, понятно? Которую надо делать хорошо. А для этого учиться. А не душу продавать... тьфу ты, ну и урод же тебе попался.

Пацан угрюмо просверлил меня взглядом поверх книги и ничего не сказал. Ну и слава Прародителям. Когда он молчит, вроде, так сильно не раздражает.

Ирина прискакала, когда Александр прочел уже добрую четверть книги. Он ее медленно изучал, не то что моя Мастер когда-то, но упорно и тщательно — даже губами беззвучно шевелил, когда читал. И подолгу тупил в каждую картинку.

— Уф! — раздумываясь от холода девушка была в хорошем настроении и такая... милая... прохладно-вкусная, что я опять остро пожалел, что нельзя засунуть незванный Кинжал в ножны и спрятать... куда-нибудь на верхнюю полку. Чтобы не мешал! А то ведь, как и вчера ночью, мне откажут в близости, потому что рядом «дети»...

Глава 47

Ириска

Уф, как я бежала! Как вихрь!

И по институту я этим же вихрем промчалась, так, что никто, по-моему, ничего толком понять не успел, но от обалдения все со мной согласились, что я попозже все сдам. Даже Галперия...

А про чертовы косы на бегу прямо врать пришлось, что это наращивание, что муж очень попросил и все такое. Убила бы «мужа» этого за его инициативу, но поздно же...

Зато дома у меня было два живых чуда и ни одногодохлого трупа! Я успела! Уфффф...

Зря, наверное, бежала. Один в ноут тычет сидит, другой в книгу втыкает. Идиллия... а я боялась, что Мик его тут того... очень уж выразительно он вчера зубами скрипел и очами светил. Прямо как кот, на чью территорию приبلудный соперник забрел и нагло там устроился.

Ну какой, блин, соперник? Недоразумение мосластое, одна штука. Кормить и плакать. А потом в школу сдать. Кстати!

— Мик, а у вас Кинжалов без родословной в академию берут? — я отхлебнула горячего кофе и вцепилась зубами в купленную у метро булочку, и еще целую гору выпечки подвинула в сторону заинтересованно поглядывающих на эту вкусноту парней. Пусть лопают, они на полное пузо меньше злятся и медленно шевелятся — можно успеть за хвост поймать.

Мик заинтересованно оглянулся на меня, потом окинул взглядом пацана и на его лице возникло просветление. А вот Сашка наоборот, напрягся.

— Да, если оплатить, то хоть кривой ржавый гвоздь возьмут!

— А у нас есть деньги на это? — задала я второй уточняющий вопрос.

— Столько ещё нет, но однозначно накопим! — загорелся энтузиазмом Мик, — а ведь там есть пансион... можно сдать и не видеть его лет пять-десять, а то и все двадцать — тряхнув головой, он с воодушевлением полез снова в ноут, — сейчас гляну что там с оплатой и можно ли отправлять оружие на учебу посреди семестра.

Я глянула на еще больше напрягшегося пацана и поспешила уточнить:

— Ну что сразу не видеть-то? Просто ему и правда же учиться надо. Будет на выходные с нами, на каникулах... как раз успеем хорошо друг друга изучить, а то ведь мы для него просто чужие дядька с тетьюхой, он нас знать не знает и имеет полное право опасаться. А так выучится, и, если что, может сам решать... м?

— Ирина... — вдруг снова стал серьёзным Мик, — ты хотела помочь? Ты помогла. Если отправим его в академию, то выполним мечту большинства из тех, кто только надеется стать Оружием. И при этом не будем сами возиться с его мерзким характером и ужасным воспитанием. Мы и так делаем дикарёнку огромное одолжение, ведь пахать на оплату его учёбы придется немало. Зато, если не облагается — получим на выходе профессиональное и сильное оружие. И взрослое уже, с которым разговаривать можно. Он ведь твою душу откусил... будет и за учебу и за преступление отрабатывать. Потому что нефиг нахалюву на чужом горбу в рай въезжать!

— Но он-то не мечтал никаким оружием становиться! — я снова покосилась на засевшего за книгой, как за бруствером, мальчишку. — Он просто жил... а потом пришел этот козел и...

— И он пошёл за ним, как баран за мясником! Что говорит о явном отсутствии мозгов.

Бух!

Мы вздрогнули и я обернулась. А это просто Сашка книгу уронил, теперь подбирал ее с пола трясущимися, непослушными руками и при этом сверлил Мика злым и отчаянным взглядом.

— Что ты понимаешь, сука железная! — звенящим от сдерживаемых слез голосом выдал он. — Ты ничего не знаешь, а туда же! Да пошел ты в жопу, благодетель! Ничего мне от вас не надо! Подавитесь! — и книгой в Мика как швырнет!

Ой, блин! Да ептить...

— Об этом надо было думать когда душу чужую жрал! — заорал в ответ Мик, перехватывая увесистый том в сантиметре от своего лица, а потом и самого Кинжала, ломанувшись к двери, за талию поймал и швырнул на диван. — Как будто мы тут горим желанием скакать тут вокруг «бедного» тебя!

— Ну так не скачи, уе...к, кто тебя просит! — Сашка снова попытался прорваться к двери, и снова безуспешно. Я только и успевала глаза с одного на другого переводить, а они орали уже оба одновременно, чуть ли не срывая голос, друг на друга. И подрались даже, но так... пацан против Мика — пацан. А мой Кос, как бы не злился, не стал бы калечить убогого, по его мнению, мальчишку.

Так что я почти спокойно наблюдала. Ага, вот прям почти. Чуть не окочурилась от переживаний, а потом, когда мне надоел этот дурдом и показалось, что оба уже вот-вот в запале перейдут границы — пошла набрала в кастрюлю воды. Холодной. И кааааа...

— Ты дура что ли?! — ошалело спросил севший на задницу Сашка, руками размазывая по лицу воду. Ему больше досталось, чем Мику.

— Придержи язык, — рыкнул на него Микаэль, но уже как то, без огонька. — Она твой Мастер!

— А давайте вы оба немного того? Помолчите? — предложила я, поворачиваясь к шкафу, чтобы поставить кастрюлю на место. — У меня уже аж в ушах звенит. Значит так... сначала к лекарям пойдем, потом насчет академии все узнаем. А потом, если захочешь, — тут я подчеркнуто к Сашке обратилась. — Расскажешь, как тебя этот скот подманил. Раз уж мы «ничего не понимаем». И тебе самому легче станет и других, наверное, надо будет предупредить.

— Да че там рассказывать, — все еще злобненько, но уже тихо просипел мокрый Кинжал. — Ты вон сходи в больничку бесплатную, где от рака погибают, да предложи любому из них с тобой уйти туда, где от боли избавят и вообще вылечат. И посмотри, сколько желающих за тобой, как бараны, не рассуждая, ломанется!

У меня задрожали руки и кастрюля с грохотом упала... хорошо в раковину. В больнице, где умирают от рака, я была... и если бы туда заявился сам черт с рогами и обещал вылечить папу, я бы тоже пошла за ним не раздумывая куда угодно.

— И он тебя вылечил? — произнес чей-то чужой голос, а уже потом я поняла, что сама и спросила. Как смогла только, непонятно, губы же онемели и я их почти не чувствовала.

— Сама не видишь, что я живой? — огрызнулся мальчишка, но как-то неуверенно. Кажется, мое побелевшее лицо его напугало или смутило. А может еще что-то.

Вдруг Мик обнял меня со спины и крепко прижал. А сам по внутренней связи начал меня успокаивать:

«Тише, тише. Боль от потери не пройдет никогда, но думаю, те, кого мы потеряли, не хотели бы приносить нам эти страдания», — он поцеловал меня в макушку, — «Ты фонишь болью так, что даже мелкого вон пробрало».

Мне тут же стало очень стыдно. Мик и сам потерял свою семью, а Сашка... так что нечего раскисать.

Я переглотнула, на секунду уткнулась Мику в плечо лицом, прижалась... и взяла себя в руки. Подняла голову, выпрямилась, чуть-чуть улыбнулась сначала Мику, а потом через его плечо и Сашке, с тревогой наблюдавшему за нами. Не знаю, с чего, но ему вдруг

оказалась небезразлична моя боль, хотя он сам этому удивился больше всех.

— Кхм... ладно. Давайте собираться?

— Угу, — Сашка встал с пола и потопал в ванную. Переодеваться. И не спорил больше, вообще, даже когда Мик велел ему причесаться. Словно скандал, а потом моя вспышка боли выдернула запал из гранаты, все разом устали, успокоились и старались не нарывать.

Оружие

Свалился на нашу голову, недомерок ржавый...Мастера расстроил, денег на него уйдет немерено... с какого, ржа, перепуга мне теперь его жалко?! Ну таращится он на двери ведущие в приемную целителей, как на настоящее чудо, ну и что с того? Наоборот, раздражать же должно — уже раз двадцать то подошёл, то отошёл, заставляя их растекаться.

И вообще он так рот до сих пор и не закрыл — вот стоило на двери знак перемещения нарисовать и перейти в призму — все, Кинжал забыл какой он крутой и самостоятельный, вцепился Мастеру в руку, как маленький мальчик, и только башкой по сторонам крутил... главное, я-то зачем его через центральную лифтовую повел? Ну вот с чего?! Может, спесь с него сбить хотел? Тогда прошли бы сразу в клинику через офис хранителей, воспоминания у него о том месте нехорошие... эх, я прямо злюсь! На себя.

Шуаршика хотел показать? Или другие чудеса? Тьфу, детский сад. Главное, наверное, если бы этот явно битый жизнью цвирк так по-детски глаза не распахнул и не превратился в... в обычного мелкого пацаненка, я бы не выпендривался. А тут заело что-то. И Мастер искоса смотрела так... с улыбкой. А по менталу тепло мне слала и одобрение. Мол, правильно всё делаю, отвлекаю мелкого от проблем и предстоящего посещения вивисек...ой, целителей.

А параллельно у меня ещё одна злость где-то внутри созревала. На дикаря, который мальчишку поманил, а сам только пользовал, даже из того зачуханного мирка в обычный лифт сводить полюбился. И знаний никаких не давал, наверняка нарочно. Не должен так поступать МАСТЕР!

Э... мдааа, влетело бы мне в семье, если бы я им это выдал. Испортила меня Ирина. Уже начал рассуждать, как мастерам поступать? Но в нашем с ней союзе я имею на это право. Не в клане ведь уже. И это, ржа... здорово...

Лекарей Кинжал испугался так заметно, что мне не по себе стало. Я даже не разозлился, когда Ирина вздрогнувшего, побледневшего и отступившего на полшага пацана легонько обняла за плечи и что-то сказала на ухо.

По мысленной связи Мастер кинула мне ряд образов. Понятно, пацан же там в какой-то больнице для бедных уже один раз умерал. Вот и боится теперь любых лекарей.

Но всё же пересилил себя, набычился, выдохнул и пошел куда сказали. Только почему-то оглянулся у самой мембраны, и не только на Мастера, но и на меня... словно в поисках уверенности и защиты. Ржа! Вот как теперь это из дому выгонять?

Но... это он пока мелкий такой. А дети имеют свойство расти... копим на академию!

Пока я рассуждал, Ирина села на кушетку и приготовилась ждать. Вся такая... нахоленная, словно из нее все ее спокойствие и оптимизм кто-то высосал. Кто-кто! Ржа.

Сел рядом, обнял.

— Расскажешь про своего отца? — сам не понял, зачем спросил. Просто чувствовал, наверное, что ей надо выговориться.

Ирина сначала резко отвернулась и сдавленно кашлянула, а потом вдруг словно

расслабилась, положила голову мне на плечо и по ее щеке медленно поползла слеза.
Первая.

— Он дома умирал. Мы с мамой его из больницы забрали... ну, потому что толку... одно лишнее мучение. Да и казалось, что с нами ему было намного легче?

— А что это за болезнь такая... — я слегка смутился, — просто мой внутренний переводчик сначала обозначил ее как местное членистоногое.

Ирина вздохнула и через силу, запинаясь, стала рассказывать. Сначала не в тему — про то, что до сих пор не может себе простить, как упала в дурацкий обморок и попала в больницу, оставив больного отца на одну маму. Про то, как провалялась почти неделю сначала в коме, а потом с дикой слабостью... а папа в это время умер. И она даже не успела попрощаться. Только уже на могилу пришла. И до сих пор не верит...

А потом про то, что такое их этот рак. Как он человека съедает изнутри, про метастазы какие-то, про то, как сначала папа резко и сильно похудел, а потом потерял все силы...

— Так, погоди, — я отпустил Ирину и сжал виски пальцами, — но это же не болезнь! Это же когда... так скверна в организме заканчивается! Начинают разрушаться внутренние органы, резкая худоба и потеря сил, потом спазмы. До такого конечно никто не доводит, но... я читал...

— Нет, Мик. Это болезнь людей... просто похожая, наверное, — покачала Ирина головой. — Мой папа не был ни Мастером, ни Оружием.

— Как это не был?! Ты бы просто не родилась, если бы не был! — недоуменно вскинулся я, — я как-то раньше об этом не задумывался, но... Только оружие может родиться от союза с представителем другой расы. И у двух Мастеров не родился бы еще один Мастер. Значит, кто-то из твоих родителей был Мастером, а кто-то Оружием! Либо, оба были Оружием, так шанс рождения намного меньше — но есть.

— странная генетика. Ну... теперь какая уже разница, — Ирина снова положила голову мне на плечо и прикрыла глаза. — Папа умер... от скверны этой или от земной болезни — какая разница?

— Ирина... — я почему-то испугался и не сразу нашел слова, чтобы сказать ей одну очень важную вещь. — Знаешь... оружие, оно же железное. Мы даже без скверны не можем совсем умереть, если полностью не развоплотят. Мы просто облик теряем, становимся предметом... пока не распадемся от ржи. Именно поэтому, именно «ржа» для нас страшна больше всего. Но до полного распада ваших лет пятьдесят — сто пройти должно. Ты... ведь не видела тела своего отца, так?

Ох, ржа! Зачем я это сказал?! Идиот! Наше время и место! Тупой, как... Надо было... ржа, надо было сначала к матери ее тихо сходить и самому проверить!!! А если это всего лишь мои догадки!?

А моя Мастер стала белая с синевой, глазищи в пол лица, и... Ржа! Где здесь тревожная кнопка?! Лекаря! Срочно!

Глава 48

Ириска

Мне так страшно стало... даже когда папа... умер, не было так страшно. Я вдруг поняла, что если я еще хоть секундочку, одно мгновение буду думать о том, что он... что я... что мама очень странно себя вела, а я, возможно... я сойду с ума.

Не знаю, что и как я сделала после того, как суетливая симпатичная лекарша с лицом доброй бабушки прижала к моему предплечью странную фигню, похожую на кактус со щупальцами. Предплечье обожгло, а кактус разом похудел и сменил цвет.

А я успокоилась и как-то так... закрыла в своем мозгу все, что сказал Мик в отдельную кладовку на замок. Я... я потом. Обязательно. Разберусь. А сейчас я не могу... не могу, НЕ МОГУ!

И створки памяти с легким хлопком закрылись, отрезав меня от желания бежать, решать, узнавать... от того, что я не видела папу мертвым, и... от надежды и ужаса, что эта надежда не оправдается. Все потом... все потом... а сейчас этого просто нет. Нет!

Сейчас у меня вот ребенок недообследованный.

Сашку нам отдали зелененького, но в целом живого, и очень долго ругались, тыча нас носом в какую-то электронную фигню с графиками. И велели приходить еще, лечить ребенка, кормить ребенка, сквернить ребенка... на задания ребенка не таскать!

Даже Мик впечатлился.

«Ребенка» на заднем плане злобно пыхтела. И бухтела что-то себе под нос, я не прислушивалась, вообще слегка плыла после успокоительного кактуса.

— Шо, опять!? — вдруг раздалось над ухом звонким девичьим голосом, — И в какую такую жопу вы угодили на этот раз? И дня ж с экзамена не прошло, а вы уже снова около садистов в белых платяцах ошиваетесь!

Я обернулась и радостно расплылась в улыбке. Как ее Мик окрестил? Зефирка?

— Привет. А где Кекса потеряла?

— Да ща подвалит, он большой мальчик, не потеряется, — Жанна беззаботно махнула рукой, плюхнулась на кушетку и с интересом уставилась на Сашку:

— Ты их специально что ли коллекционируешь? Убогих, в смысле? Не, я ничо! Косу вон какую отрастила за короткий срок. А был мамкина радость, прям трепетная фиалка в упаковке, куда бы деться! Поделишься методикой? — она слегка толкнула она меня в плечо.

Рядом очень недовольно засопел не только Сашка, но и Мик. Поэтому я изо всех сил сдержала смехок, прикусила щеку изнутри и даже не улыбнулась.

— На себя бы посмотрела, — всё же буркнул Михаэль. Но тихо так, чуть ли не мне на ухо.

— А по шее? — у Жанны оказался тонкий слух, но при этом никакой агрессии, и даже «по шее» она предложила так радостно, словно шоколадку пообещала.

— Не, нельзя, — я на полном серьезе сделала ей страшные глаза. — По шее им только я могу!

— А, ну правильно... о, вот и Кекс! Принес?!

— После процедур, — Невозмутимый Томагавк демонстративно убрал большой цветастый пакет за спину.

— Жадина, — Зефирка так же демонстративно надулась. А я в который раз подумала, что они дурачатся очень... по-настоящему, но при этом так, словно... черт их знает, короче, воспринимать их как клоунов у меня не получалось. Все казалось, что ребята на самом деле гораздо опаснее что ли... чем кажутся на первый взгляд.

Короче, ушли мы от врачей в хорошем настроении. То, страшное... запертое в самый дальний уголок моего разума, мы, не сговариваясь, больше не упоминали. А в остальном... Сашка не то чтобы оттаял, но прислушиваясь к нему через ментал — а это потихоньку становилось все легче, я уловила, что именно наша не слишком ласковая, но деятельная манера себя вести его и успокаивала.

Типа никаких сладких обещаний, никаких вкрадчивых проповедей... мы были слишком непохожи на то, что встречалось ему раньше, мы сбивали с толку и именно поэтому смогли пробиться сквозь нарощую корку. Только через самый верхний слой. Но это ведь уже прогресс!

Я улыбнулась и подмигнула пацаненку, но тот лишь попытался изобразить презрительный «фырк», ну... если б ёжики умели презрительно фыркать, примерно так это бы и выглядело.

— Пойдем через призму?

Ххе! Это я с вопросом угадала, презрительный ёжик сразу превратился в радостного детсадовца и закивал. Блин, как же хорошо, что ему не успели настолько искорежить душу, и что детская способность изумляться осталась при нем...

Она даже на Мика действовала. Кос ворчал, бурчал и делал страшные рожи, но не по-настоящему. А еще вывел нас не сразу домой, а в трех кварталах, потому что «одевать это чучело каждый день в брендовые шмотки мы разоримся, даже я тут себе одежду брал!»

Да кто против-то? Я сама люблю секонд-хенды. А Мик смешной. Позаботиться об одежде для Сашки он не забыл, но сделал это под соусом «я на нем хочу обязательно сэкономить!»

Мы шли и шутливо переругивались все втроем, Сашка сначала дичился, потом немного дулся, а потом неожиданно подхватил эти тролли трели и теперь радостно огрызался.

— Ирина! — неожиданно заорал Мик, резко дергая меня за руку и буквально швыряя на стену дома. Я и понять ничего толком не успела, но... пролетевшая в каком-то сантиметре от головы... булава!? Мгновенно прочистила мозги и плеснула в организм нефиговой дозой адреналина.

Кое-какие рефлексы мой Кос в меня уже вбил, поэтому я не колеблясь протянула руку и выдохнула, когда пальцы сомкнулись на знакомом древке. А оглянулась я уже после.

Сашка?! Где?!

Прямо напротив меня в темном провале подворотни неприятно усмехался здоровенный мужик, похожий на болезненно отощавшего байкера — с бородой, в татуировках и в черных кожаных шмотках. И монструозная булава, выбив искры штукатурки и осыпав нас мелом из стены, уже послушно летела обратно в его протянутую руку.

А с другой стороны какая-то не менее странная баба в черном схватила Сашку за шею и тащила яростно брыкающегося мальчишку в другую сторону.

Пипец... я ж ни фига не ниндзя, но... адреналин свое дело сделал, как тогда, в самой первой подворотне. Это мой пацан! В смысле — наш!!!

— Отбивай! — отчаянно заорал Мик в моей голове, и я неожиданно для самой себя пустила им такую волну, что самую мощную тварь скверны разнесло бы в ошметки. А вот снова полетевшую в нас булаву просто отрекошетило и унесло фиг знает куда за помойку, и она там потом с грохотом начала ворочаться, под упавшими баками. А я в

неимоверном воодушевлении от того, что не промазала, издала какой-то воинственный хрип и бросилась с Косой наперевес к тетке, уже почти утащившей Сашку за угол.

— Нна! — еще одна волна заставила похитительницу шарахнуть и загородиться нашим Кинжалом, при том, что он тут же взбрыкнул с новой силой, стараясь пнуть гадину по ногам.

— Ах ты ж тварь... — прохрипело где-то за спиной. — Ты ж сгнить должен был на том складе, сучонок ржавый! Мастер, его тоже надо мочить!

Я резко оглянулась — из-за мусорных баков выбралась здоровенная лысая неопрятная баба лет под сорок, тоже в татуировках и коже. У меня на глазах она снова стала булавой и послушно прыгнула в руку хозяина. Мужик с гортанным воплем раскрутил ее над головой и ломанулся в нашу сторону, виртуозно уворачиваясь от посылаемых мною волн.

«Влево! — орал Мик не своим голосом, пока я уворачивалась от свистящей над головой смерти. — Теперь вправо! Быстрее! Еще! К мелкому! Хоть за руку его схвати!»

Да едрить вашу кочерыжку через южный полюс на федорину гору по дворцовому коридору! Мама!!!

«Зови его! Зови его сильнее, тяни связь! Как к тому дикарю прилетит! Я щитом закрою!»

Сама не знаю, в какой момент это получилось. И как я смогла, отчаянно вереща, увернуться в очередной раз от булавы, врезать Миком по ногам преследователю, метнуться к Сашке и успеть таки схватить его за руку!

Тут державшая его баба вдруг заорала, словно ее током от души дернуло, разжала хватку и отлетела на мостовую, а у меня в руке оказалась зажата не мальчишечья ладонь, а рукоять кинжала.

— Раньше у тебя ещё был шанс выжить, мокрица, но ты сама перечеркнула себе дорогу обратно, — кровожадно усмехнулся мужик, помахивая булавой, — Всех во ржу!

— Пошел на х...й, — неинтеллигентно сказала я, пятясь к глухой стене и ощущая как в другой руке вдруг сделался невесомым Мик.

— Не торопись, Карт. Девочка просто не поняла расклад. Отдай пацана и проваливай! — баба с мостовой уже опомнилась, соскребла себя с грязного асфальта и теперь недобро ухмылялась, стоя в паре метров. — Обещаю, не станем мы тебя убивать.

Угу, я так и поверила. Даже посылать не стала, собрала все силы и... резко присела, пропуская над головой чертову шипастую дубинку, которой меня снова попытались разmozжить, пока я на тетку отвлеклась...

Глава 49

Ириска

«Щит!»

Я думала, Мик мне кричит и попыталась его раскрутить... но поняла, что в моей руке больше не Коса, а какой-то странно светящийся серп. И орет он не на меня, а на... Сашку?

Кинжал засветился странным синеватым огнем и действительно окружил нас сетью из тонких ветвистых молний, а преобразовавшийся Микаэль, рявкнув «Пусти!» Вдруг сам выстрелил наперерез булаве, и...

Разрезал ее пополам прямо в воздухе! Булава взвизгнула, вспыхнула и рассыпалась ржавой пылью у нас на глазах.

Застыли мы оба — и я, и дикарь, который похоже даже и не представлял, что делать без своего орудия. А потом дико заорал от ярости и...

Упал. Расплескав вокруг себя кровь и, кажется, мозги.

И почти одновременно с ним заорала та странная баба, подбиравшаяся ко мне с другой стороны. Я медленно, как в плохом сне, обернулась — похитительница отползала, держась за окровавленную ногу, а потом с трудом поднялась и побежала прочь. Следом за ней метнулось что-то розовое, полосатое, непонятное.

«Если дальняя дистанция — мной бьешь, кинжал в защите, если близкая — наоборот, — неожиданно почти спокойным голосом высказался Мик, возвращаясь в мою ладонь и переставая светиться. — Молодец, мелкий. Считаю, экзамен на годность сдал.

У меня подкосились колени и я тихо сползла по стеночке на заплыванный асфальт, прижимая к груди обе свои железяки. Что-то мне нехорошо... однако.

Оружие

Такое ощущение, что это никогда не закончится. Меняются декорации, фон, место действия, состав героев, но итог почему-то всё тот же. И да, мы снова в целительских покоях. Единственное что смиряет меня с действительностью это то, что мы также привычно вышли из воды практически сухими. То есть, выжили. В очередной раз, слава Прародителям. А то, что Кинжала уволок в медеску отлеживаться — это мелочи. Полежит и встанет, как новенький.

Томагавк тоже уже привычно светил над нами своей невозмутимой физиономией, а его Зефирка стрекотала что-то на ухо Ирине, отвлекая моего Мастера от неприятной процедуры срочного обследования. А ещё мы все вместе мы ждали прибытия еще более неприятного субъекта — дознавателя от совета старейших.

Ах да, точно. Тут еще такое дело... наши «друзья» оказались совсем не простой боевой парой. И таскались они за нами вовсе не по собственной инициативе. То есть, не только по собственной. Задание у них было, настолько секретное, что даже непрогнозируемое. И нет, не с нами связанное, слава прародителям, просто мы им удачно подвернулись в расследовании мегасложного дела о странных смертях Мастеров призмы.

— Всё вроде бы с друг другом не связаны, — Стрекотала Жанна, — рабочие моменты, которые всегда случались. Но как только эти старые пердуны глянули на общую статистику, оказалось, что за последние пару столетий наша раса потеряла практически треть талантливых Мастеров из молодого поколения! А это не просто катастрофа, это настоящий армагеддец!!! — Полосатая всплеснула в воздухе руками, — а дикарей наоборот, развелось просто ужасное количество. Опять же, сначала никто внимания не

обращал, призма большая. А потом бабки подбили — мамадарагая! Но самое необычное, что они будто с неба падают! Ну или сами собой заводятся во ржи от сырости. Ведь из наших никто уже давно не «падает», дикарям по хорошему и неоткуда братья! Тем более в таком количестве!

— Ну я-то в вашу статистику никак не попадала, — Ирина поморщилась от очередного укола медицинского симбиота, которого она обозвала неприлично — членокactusом, и откинула голову мне на плечо.

— В корень зришь, подруга! — обрадовалась Жанна. — Полукровок никто даже не считал все эти века, бросили и забыли, ведь у них почти нет шанса развиться в полноценного Мастера или Оружие. Да и жизнь у таких короче нашей в разы. Пока незадачливый папашка опомнится, с кем он там и когда погулял, там уже правнуки скачут, у которых и захочешь — ничего не разовьёшь! — она помотала головой возвращаясь к основной теме:

— Точнее, у полукровок не было шанса, пока кто-то не додумался искать и натаскивать их мимо совета и академии. И это не просто какой-то отдельный умный дикарь, это система. Сечешь серьезность дела? Подранка вашего не за ради красивых глаз пытались или утащить, или грохнуть. Что-то он знает. Да и ты знаешь, — Зефирка невежливо ткнула меня локтем. — Не просто так тебя в обход клана на этот склад ржаветь законопатили! Да еще и регулятор скверны в том отсеке повредили. Если бы Ирина тебя оттуда не вытащила — загнулся бы максимум через месяц-другой. Как и всё лежащее там оружие...

На минуту Жанна замолчала, явно вспомнив что то нелицеприятное. А меня пробил холодный пот. То есть все те, что лежали вместе со мной... уже...

— Вытащили их. Реабилитируют и разбираются, как они все туда вообще попали, — раздалось над головой.

Пока мы беседовали, Томагавк успел сходить к торговому автомату в коридоре, вернулся и сунул мне в руки стаканчик с горячим свежесваренным нофроссэ. Ммм, как давно я ещё пил этот божественный нектар прямиком с плантаций на зеленой спирали. Чем-то походит на кофе в мире Мастера, но вкус богаче, ярче и глубже, а долгое фруктовое послевкусие...мм..

Ирина, уловив моё блаженство, сразу сунула нос в стаканчик и посмотрела на меня щенячьими глазами. Эммм....

— А вдруг нельзя с этим? — я подбородком указал на присосавшийся к ее руке «кактус» в надежде сберечь свой напиток. Наивный. Только это... как она там говорит? Клювом щелкнуть не успел, а мелкая плодоярка уже высосала половину.

— Понятно. Я ещё принесу, — констатировал Кетцаль, на что я с благодарностью кивнул. Сходил бы сам, но мою ж фиг оставишь — она себе везде неприятности найдёт.

Увы, спокойно выпить свой стаканчик нофроссэ мне не светило. Потому что мембрана в очередной раз беззвучно распахнулась и в приемную ввалилась... тетушка. Вот действительно, для полноты «ощущений» только ее тут не хватало. Упаси Прародители...

Хорошо хоть, Мариэлла была не одна. И не главная в этой команде, судя по тому, что держалась она чуть позади импозантного мужика со смутно знакомым лицом. Где-то видел я этого Мастера, но очень давно...

Может, был на одном из семейных приемов? Или празднествах? В силу возраста я успел сходить всего на пару «вечеров смены десятилетия», а от обилия впечатлений мало что запоминал.

Так или иначе, по тому, как подтянулась шалопайка Жанна и окончательно закаменел мордой Кетцаль, я понял: прибыл не просто дознаватель, а прямо начальство.

— Доброй охоты, — окинул он нас мимолётным взглядом, и сразу обратился к Кетцалю: — Ваш отчёт мы ещё разберём подробнее, но в отсутствии посторонних лиц. Пока прошу вас покинуть помещение.

Жанна с Томагавком на удивление тихо и спокойно вышли за створки, разве что

подмигнув нам приободряюще уже за спинами «высокой комиссии».

Ирина же наоборот, подобралась и незаметно просунула руку мне под локоть, прижимаясь покрепче.

— По-хорошему, было бы лучше Вам пройти с нами. Опрос свидетелей должен производиться в должной обстановке и по-отдельности, — покачал он головой. Интересно, а представляться он собирается или считает, что мы его априори знать должны?

— Как Мастер я требую обеспечить мне присутствие при допросе моего оружия! — ого! Откуда у едва живой Ирины столько стали в голосе? И выпрямилась же на кушетке, смотрит на пришельца прямо, чуть вздернув подбородок. А законы она, получается, не зря читала...

— Хм, что ж, юная леди, тогда придётся провести все процедуры в целительских покоях. Вы можете звать меня Мастер Аид, на данный момент, я — представитель от совета старейших.

«Ещё один божественный на наши головы»- прилетело мне мысленно от Ирины. «Прямо не совет, а сборник мифов и легенд народов мира!»

Я лишь тяжело вздохнул, предвещая не самую приятную процедуру по восстановлению и просмотру памяти. В отличии от того, что представлялось Ирине, наши допросы проходили именно так.

Зачем рассказывать на словах, если можно всё показать. Так и подробностей будет больше и и точнее.

Но, о прародители, как же мне не хотелось снова вспоминать эти моменты. Да, я сориентировался быстрее Ирины, но страх за свою и её жизнь, панический страх, это не то, что хотелось бы продемонстрировать кому-то чужому. Как впрочем и остальные чувства, опасения, чаяния.

Мастер Аид подошел ближе, намереваясь сначала поработать с памятью кинжала. Но Александр вдруг дико затрясся, и спрятался за Ирину.

А у нее материнский инстинкт тут же разыграл. Обняла мальчишку за плечи, и на Мастера Аида строго так посмотрела, как добрая бабушка на непутевого практиканта-лекаря, который внучку клизму не в то место поставить собрался.

— Что вы собираетесь делать? — и голос строгий сделала, прямо сам бы испугался...

— Считать его память, юная леди, это необходимо и не больно. Не мешайте следствию и утихомирьте ваше Оружие. Его проведение неприемлемо. — спокойно, но с толикой раздражения и снисхождения ответил Мастер Аид.

— А вы еще лицо пострашнее сделайте, и мы тут от вас все убежим, — непримиримо нахмурилась моя Мастер. — Саш? Если что, я тут, ты в любой момент можешь все прекратить, я обещаю. Потянешь? Чтобы этих уродов всех отловили?

— Менты хорошими не бывают, — сквозь побелевшие губы Кинжал слова едва проталкивал, так он их сжал. — А честными и добрыми, тем более.

— Это не менты, это... короче, главное я с тобой, хочешь, за руку меня держи и если вдруг что — я тут всех сразу... э... остановлю. И Мик поможет, правда, Мик? Ему потом тоже память считают, как я поняла, а он видишь — спокоен.

Я остановлю!? Тысячелетних Мастеров!? Нет, я конечно, рад что мои способности Мастер так высоко оценивает, но... эммм... Но она так смотрит... ржа...

Остается только плечи расправить, подбородок выдвинуть, как она говорит, «кирпичом», и кивнуть. Уверенно так. И, ржа, даже предложить:

— Можно даже с меня начать. Это безопасно, Александр, хоть и не слишком приятно.

Прародители, что я несу?! Мозги у меня что ли заржавели, самому нарываться?! Вон тётка уже мысленно явно к моему затылку примеряется, а Мастер Аид недовольно сжал губы, смотря на нас как на пыль под ногами. Задерживаем почтенную комиссию, да еще и при них «останавливать» собираемся... а с другой стороны. Мы что, преступники какие? Просто ребёнка (переростка, правда) успокаиваем.

— Действительно, давайте с Вас и начнём, — переключился на меня Мастер Аид, — Вы ведь раньше принадлежали клану леди Мариэллы, не так ли? И ваш предыдущий Мастер умер в подобной стычке. — я сглотнул, чувствуя как липкое беспокойство окутывает разум. Он что, хочет смотреть воспоминания... ещё с тех дней!?

— Да, для полной картины нам действительно придется поднять достаточно большой пласт воспоминаний, — подтвердил мои мысли дознаватель, — Я уже высказал своё неудовольствие моей коллеге, что этого не сделали сразу. Возможно, тогда и не случилось бы этой ржавой истории с отправкой на склад металлолома.

А Ирина опять забеспокоилась, на этот раз за меня. Она же чувствует мои эмоции. Нашла мою руку и сжала.

— Это можно сделать менее неприятным? Переживать боль заново...

— Вы хотите посмотреть воспоминания вашего оружия вместе со мной? — задумчиво покивал своим мыслям Мастер Аид, — Сомневаетесь в его лояльности, я так полагаю?

— Что за чушь! — вот теперь Ирина по-настоящему рассердилась и мгновенно стала... суперспокойной внешне. И голос стал даже тише, такой безупречно вежливый, вежливостью ледяного айсберга. — Ваши выводы поспешны и необоснованны. Я доверяю Микаэлю и Александру даже больше, чем свою жизнь. Но считаю, что моему Оружию незачем проживать эти болезненные воспоминания в одиночестве. И на этом все.

— И вы уверены, что ваше присутствие в воспоминаниях о прежнем Мастере их облегчит? — саркастично заметил Аид.

Ирина быстро глянула на меня и мысленно вытолкнула на поверхность ментала картинку, как мы вместе разделили тяжесть скверны. И это было... и правда, гораздо легче. А значит, она, возможно, права...

— Да, я уверена в том, что хочу попробовать. Хуже ведь не станет в любом случае.

— Насколько я понимаю, в памяти Микаэля есть действительно тяжелые переживания и эмоции. Вы хотите их испытать на себе?

— Знаете, в моем мире говорят, что тяжесть, разделенная на двоих, вдвое легче. Так что да, хочу.

— Что ж, ваше желание принято к сведению. — кивнул дознаватель, — Но если во время процесса вы выпадете из ментальной связи, повторять сеанс для Вас я не собираюсь.

— Договорились, — Ирина позволила себе даже легкую царственную полуулыбку. Угу, с ее упрямством неизвестно, кто куда первый выпадет, мне ли своего Мастера не знать. Будет пыхтеть как заправский ёж, и тащить...тащить...тащить.

— Тогда давайте приступим. Займите удобное положение, молодые люди, раз уж вы решили непременно быть вдвоем, а лучше прилягте вон на ту кушетку. Работы предстоит много, — сухо обозначил Аид. Он терпеливо дождался, пока Ирина успокоит одним движением Кинжала, потом, так и держа меня за руку, протопает к кушетке и уляжется рядом со мной. Когда Мастер Аид приложил к моему лбу раздвоенный посох, похожий на вилы, мир вокруг померк....

Ириска

Я думала, будет очень тяжело. Но получилось все в точности так, как я сказала. Когда мы были вдвоем, поток воспоминаний просто обтекал нас со всех сторон, мы могли видеть, слышать, даже чувствовать эмоции... но они больше не рвали душу на куски. Они были именно тем, чем были: воспоминаниями.

Я даже в трансе чувствовала легкое недоумение и огромное облегчение Микаэля, который уже был готов пережить этот ужас заново. Но нет... не пришлось.

Интересного, правда, в его воспоминаниях оказалось немного. Как я поняла по несколько раз повторившейся картине перед глазами, по-настоящему следователей заинтересовал только один момент — кинжал, неодушевленный, но чем-то пропитанный, который подбросили едва не сошедшему с ума от горя мальчишке в самый жуткий момент, когда он буквально стоял на острие своей мнимой вины.

Когда мы вынырнули в реальность, первое, что я увидела — это белое от потрясения и бешенства лицо Мариэллы. Она действительно не знала... ну да, Мик же не жаловался и просто не рассказывал никому.

Валькирия довольно быстро справилась со своими чувствами, правда, способом, который ввел в ступор мое Оружие. Она дождалась, пока мы сядем на кушетке, а потом просто сграбастала Мика в охапку, стиснув с такой силой, что мой Кос отчетливо скрипнул. То ли от сжатия, то ли от потрясения. Особенно когда Мариэлла сначала чмокнула его в макушку, а потом прижалась к ней щекой.

— Тётя м... — попробовал прояснить ситуацию он, но валькирия просто встряхнула его, тихо проговорив:

— Когда-то давно в нашем клане действительно был этот варварский обычай, но он более тысячи лет как отменен и смысл его был совершенно в другом. Так оканчивали жизнь те, кто добровольно хотел уйти на перерождение. И только в том случае, если у них уже были прямые потомки! Потому я... или кто то из нашего клана в здравом уме никогда бы не положили тебе тот кинжал. Где ты был на занятиях по истории клана, безмозглый ты лентяй?!

— Э... но... я был на занятиях! — возмутился Мик, решительно выпутываясь из крепких теткиных объятий. — И нам говорили совсем другое про ритуальный кинжал быстрой смерти!

— Чувствую, ты не врешь... — изумленно выдохнула Мариэлла, опять белея от сдержанного гнева, — Кто был учителем на вашем потоке?

— Учитель Милениус, — задумчиво протянул Мик.

— Значит, старый хрыч... — Тётка уже явно была в своих мыслях.

— Похоже, древним надо отвлечься от своих очень важных забот и проверить, что творится в кланах, — так же задумчиво нахмурился Аид. — Но это забота на будущее, а сейчас, юный Кинжал, ваша очередь.

— Саш, иди ко мне, — позвала я, чуть подвигаясь на кушетке и освобождая место мелкому. — Я проверила, вместе точно не больно и не тяжело! Как кино смотришь. Мик, скажи?

— Я... — Кинжал явно не рвался мне навстречу. — Я не хочу, чтобы это видели! Это...

— Саш, он же все равно посмотрит, — стала объяснять я. — И если ты будешь один, то получится как снова все прожить, вместе со всем плохим, что было. И Мастер Аид будет смотреть только те моменты, что касаются дела, а в твое интимное пространство не полезет. Верно, Мастер Аид? — я требовательно посмотрела на мозгочтеца.

— Смотри какие интимные подробности вы имеете в виду, — насторожился дознаватель, — разве это связано с дикарем?

Сашка аж позеленел. А я готова была отобрать у этого бестактного дурака его раздвоенный посох и его же им по башке приложить. Посильнее!

— Методы привязки оружия у дикарей не отличаются моралью и гуманностью, — ледяной голос получился прям как из морозилки, хоть в напитки кубиками кроши. — И эти моменты из памяти моего Оружия я запрещаю трогать. Они отношения к тайнам дикарей точно не имеют.

Все же не зря я в любую свободную минуту читала их книги и смотрела сайты. И гордость Мика, который уже успел отбиться от тетки, встать у меня за спиной и обнять за плечи, пролилась в душу теплым бальзамом уверенности.

Я действительно могу ему запретить! Я вообще могу Сашку не отдать, спрятать его у лекарей и начать бодягу с тем что он несовершеннолетний и покалеченный. И получит этот паразит доступ к его памяти примерно через год. А если разрешаю — так будьте любезны не трогать то, что вас не касается.

— Хорошо, что вы предупредили об этом сразу, — будто и не заметив моего гнева и сарказма, ответил Аид, — С учётом того, что Дикарь был мужчиной... хм, мда..

На заднем плане выдавала чуть слышные матерные, но многоэтажные конструкции валькирия.

— Готовы приступить или молодому Оружию нужно еще немного времени чтобы собраться с духом? — суховаато переспросил Аид, всем своим видом транслируя неодобрение задержкой. У! Сухарь.

— Саш?

— Не отстанете же? — тоскливо переспросил мальчишка и сам себе ответил: — Не отстанете. Но ты пообещала!

— Да. Иди сюда, ложись и просто расслабься, — я откинулась на кушетке, привычно освобождая место для второго участника, но потом снова вскинулась, вдруг поймала Мика за руку и попросила:

— Давай ты тоже с нами. Так спокойнее.

— Ещё чего! — взбрыкнул было уже присевший на кушетку Кинжал, но посмотрев на дознавателя, вдруг умолк и кивнул, — Ладно, от тебя и твоего хахаля мне все равно не отделаться. Подыхать, так с лабухами и шмалью.

— Как ты нас назвал? — задёргался у Мика глаз.

— Да не бзди! Выражение такое! Уважительное типа, понял? — пошел на попятную Сашка. А я тихо захрюкала, зажимая рот ладонью.

— Детский сад, — поморщился Аид, но ему, похоже, было все равно, сколько нас вцепилось в пацанские плечи, чтобы того не трясло.

В Сашкиной короткой и несчастной жизни было много того, чего я никому не пожелала бы пережить, хоть в первый раз в реальности, хоть второй, при сканировании. Холодные казенные стены, звериные нравы маленьких узников приютских спален, охреневшие от власти и вседозволенности взрослые, голод и побои... и болезнь. И страх. И...

— Стоп! — лента воспоминаний вдруг скрутилась, рассыпалась на кадры и один повис перед нами неподвижной картинкой. А голос Мика напряженно выдохнул:

— Этот... Я его уже видел! — мелькнувшее на заднем плане неприметное, обычное лицо довольно молодого человека увеличилось на весь «экран». — Это кажется один из искателей. Ещё когда Мастер была жива... именно он направил нас на то, последнее задание. А еще раньше мы его видели... хм... странно...

— В вашем клане принято договариваться с искателями лично? — слегка удивился дознаватель.

— Нет, мы так же, как и все, брали заказы в сети, но этот... сначала мы встретили его случайно. Точнее, не его, а компанию, в которой он веселился. Мастер заинтересовалась ими в баре, где мы отдыхали с ее подругами, решила поинтересоваться, что это за новый

клан. Они выглядели необычно...

— В чём это выразалось? — сощурил глаза Аид.

— У женщин Мастеров были короткие стрижки, одеты они были в достаточно глухую одежду, а практически всё оружие было в «железе», что, согласитесь, для бара — необычно. И они очень много тратили. Очень много. Хотя при этом вели себя тихо.

— Покажете мне это воспоминание? Но перед этим, что по поводу искателя? — глаза дознавателя буквально загорелись, как у гончей, почуявшей след.

— Мастер захотела познакомиться, а из всех самым разговорчивым оказался именно этот Искатель. Он и пояснил, что ребята выпускники академии, пока только пытаются основать новый клан, с большей свободой воли и своими правилами, а он им помогает с заданиями. Странно только, что эти молодые мастера были такие необщительные и почти сразу ушли вместо того, чтобы продолжить многообещающее знакомство — у моего Мастера к этому моменту уже было имя. Да и у ее подруг...

— Так, стоп! — резко прервал Мика Аид, — Подруги твоего мастера, которые разговаривали с этим искателем, назови их имена.

Мне почему-то показалось, что все присутствующие в комнате кроме нас очень напряглись. Словно услышали что-то очень важное и неприятное.

— Антуанетта и Океания, — недоуменно ответил Мик. — Из Зеленого Клана.

И стало очень тихо. Только через полминуты уже почти постоянно бледная Мариэлла пояснила в ответ на наши вопросительные взгляды:

— Они тоже погибли. Почти одновременно с моей племянницей, и... почерк похож. Мы не могли понять, что связывало эти три гибели. Разве что их дружба.

Вот теперь и Мик побледнел, резко, почти до прозрачности.

— Океания при нас брала задание у того же искателя, — едва протолкнул он сквозь помертвевшие губы. — Пустяковое совсем, он попросил ему одолжение сделать...

— А в архивах заказчики разные. И все трое — далеко не этот молодой человек. — Покачала головой совсем спавшая с лица Мариэлла. — Прародители! У Антуанетты тоже остался в живых стажер-арбалет, он был на реабилитации, и... покончил с собой, как решили аналитики.

— Что-то очень неладно в нашем королевстве, — только и выговорила я, пытаюсь осмыслить масштаб развершейся под ногами пропасти. Впрочем, не я одна.

— Покажите мне все воспоминания об этом человеке и той компании, — резко приказал Мастер Аид, и на этот раз никто даже не подумал возражать.

Мы шаг за шагом прошли вместе с Миком через каждое его воспоминание. А красивая у него была Мастер... и вторая девушка... я рядом с ними действительно мышь облезлая. Блин, о чем я думаю?! Нашла время!

Теплая, немного грустная волна докатилась до меня от Мика совсем неожиданно. Он притянул меня к себе и обнял, не прерывая сеанса. И без слов сказал... что я не мышь, я глупая мелкая цвирка. Его цвирка. И сравнивать меня он ни с кем не намерен!

— Да харэ там миловаться, щас радуга из всех щелей польётся, — прервал наши мысли недовольный и ворчливый Сашкин голос. — Нашли, блин, время!

Глава 50

Ириска

Я очнулась и оказалось, что сеанс просмотра уже закончен и вся комиссия стоит и ждёт нас.

— Вы это... — поймав наши взгляды, слегка замялся он, — короче, у меня ещё тоже инфы осталась, пусть просветит дальше! На всяк пожарный...

Инфа у Кинжальчика действительно была. О том, что он не единственный такой сирота, в определенном возрасте выдернутый из больницы или приюта «добрыми волшебниками», вдруг нашедшими «родную кровь» или ребеночка «давно погибшего друга». А самое главное, Сашка показал... клеймо.

Ничем другим я это назвать не могу, хотя на физическом плане оно выглядело странным скоплением родинок под лопаткой. А вот на энергетическом...

Выходит, каждого такого подкидыша еще в младенчестве метили и потом всегда могли найти, проверить потенциал и изъять.

Изымали далеко не всех — примерно каждого десятого. Остальные браковались как слабосилки. Мы все посмотрели красочную сцену такой отбраковки — Сашкин дикарь искал себе щит к кинжалу и уже, кстати, нашел, просто забрать не успел. Девчонку из приюта в каком-то аграрном мирке. Ее он тоже собирался накормить не душами простых людей, а мастером.

Этот урод-рационализатор и не подумал доложить своим о сделанном открытии — о том, что можно скормить Оружью душу мастера и поймать с этого мегаплюшки. Я так понимаю, мегаплюшку он хотел пожирать в гордом одиночестве, заодно нагнув всех остальных. Донагивался, слава богу.

— Так, — резюмировал Аид, когда мы все это досмотрели. — Дело принимает действительно ржавый оборот. И действовать придется быстро. А вы... вот, держите, на всякий случай, аварийные телепорты. Каждому. — Дознатель протянул с десятка неприметных фенечек, — Носите их с собой и при любом признаке опасности-переноситесь в отделение хранителей.

Я послушно нацепила плетеную веревочку на запястье и быстрым шепотом объяснила Сашке, за какой узелок дергать если не дай бог чего. Кинжалчик поморщился, ему хранители не нравились активно, но кивнул.

— И никаких самостоятельных расследований! — хмуро продолжил Аид, — Надеюсь, у вас хватит ума не лезть в ржу поперек мастера. Сидите дома и зубрите теорию. Микаэль, ты ответственный. Охотиться за вами отступникам теперь незачем, но на всякий случай какое-то время и вы воздержитесь от охоты. А если всё же придётся — задания берите только через официальный портал! Знаю я эту манию у молодежи... и про месть тоже забыть накрепко, понятно?!

Вот тут Мариэлла так энергично закивала, что я думала — у нее голова отвалится. И Мику кулак показала.

Кажется, Мик слегка покраснел. В голове его царил сумбур — ну да, то ли похвалили, вон, целым Ответственным назначили, то ли уши надрали и под домашний арест посадили. Уроки учить.

А по мне так все правильно — нафиг мне никакие расследования про дикарей не сдались, наелась я этими персонажами. По самую макушку! Так что домой. И точка.

Ну, я цапнула обоих своих железак за руки и целенаправленно потащила из приемной, пока отпускают.

Когда мы выходили, нас поймала Жанна и протянула карточку.

— Эти типы ещё нигде не засветились, а потому официально бы не заплатили и малого куба, но наши сия-тельные работодатели оценили ваши старания — подмигнула девушка.

Ха, да хоть крокодилы оценили — от денег я точно не откажусь. Это нам моральная компенсация за все страдания! Только карточку я сразу Мику сунула в карман — он у нас казначей, как-то так сложилось, у него пусть голова и болит, как потратить. Мик удивленно моргнул и очень заметно озадачился. Задумался — то ли его опять похвалили, то ли припахали без спроса.

— Вот и правильно, — хлопнула в ладоши девушка, — накорми там своих... посытнее! Мужики не должны голодными зенками светить, у них от этого характер портится. А вот старших, реально, пока лучше послушать и никуда не соваться без крайней нужды. Но это не значит что вы не можете погреться под солнышком на пляжике в зеленой спирали. Там штаб квартирка такая Уматная! Море! Солнце! Песочек! Куча хмурых мужиков в смокингах! Р-романтика!

Охраняют даже лучше чем в детском садике для элитных шурупчиков, — она подмигнула и ускакала, слегка посмеиваясь.

— Зачётная чика, сиськи что надо! — вдруг подал голос Кинжал. — Может, познакомишь нас поближе? — заиграл он бровями.

Я пожалала плечами, невольно словив холодок между лопаток со стороны его ментала. Это у него психика, по ходу, за привычные схемы поведения цепляется, чтобы не поехать вдаль на голубом вагоне. Но и Зефирка понравилась — она прикольная.

— Я познакомлю, — отозвался Мик. — Но за сохранность твоих яиц не отвечаю. У чики есть огромный топор тысячелетней выдержки с аэронавигацией и функцией самонаведения.

— Западла. Все клевые чики вечно с топорами, — пожал плечами Сашка и притих.

Домой мы опять пошли через лифтовую. Вот только Сашка почему-то больше почти не таранился по сторонам, а о чем-то напряженно думал — в его ментале пургой крутилось такое количество мыслей и эмоций, что меня аж сносило. И чувствовалось, что пацана вот-вот прорвет. Хоть бы до дома успеть дойти...

Оружие

За всеми размышлениями, переживаниями и страхами, я не заметил как оказался в нашей маленькой тесной норе. Мда... А ведь буквально час назад обещал себе глаз с окружения не спускать! Вдруг опасность снова прилетит, откуда не ждали. Но, похоже, защитник из меня вышел ржавый. Я даже проход, кажется, открыл на автопилоте!

— Ужинать будете? — как-то задумчиво произнесла Ирина. Она с некоторой опаской покосилась на Александра и пошла к холодильнику. А чего опасается?

Ох ты ж ржа!

Пацан думал! Думал так, что аж вены на висках вздулись. А это не к добру. Сейчас же додумается до какой либо фигни... а нам потом разгребать. Вон, про еду не ответил, деревянной походкой к окну прошагал и в подоконник вцепился так, что пальцы побелели.

— Саш, ты чего? — Ирина долго вокруг да около ходить не привыкла, оставила кастрюлю и спросила в лоб.

— Вот с фиги ли вам всё это надо? Чо вы так со мной цацкаетесь, и ваще? Те покормить некого? Железяк же набейт куча, только свистни! — ну вот, додумался, я же говорил! Глупые вопросы, идиотские мысли.

— Куда набежит? — не поняла Ирина и нахмурилась. А я разозлился. Она и так уставшая, бледная и круги под глазами, а этому ржавенку приспичило отношения выяснять.

— Тот Педро мне рассказывал, что таких как мы, железяк — хоть жопой жуй. А Мастеров мало. Потому и разбирают только лучших ещё слепыми щенками. А мне, бля, якобы свезло что хоть такой достался... с моим-то возрастом... и умениями... вам я тоже должен быть благодарен по гроб жизни?! — он к нам даже не поворачивался, все это окну вроде как высказывал, а нам на спину его любоваться. Дебил ржавый, прямо на глазах сам себя в истерику вгоняет. Ничего, сейчас как дам по мозгам и сразу на место встанут, без всяких, ржа, благодарностей! В чём-то я теперь тетку понимаю, загоны хочется лечить именно хорошими встрясками, желательно всего организма.

Ириска, уловив мои намерения, мгновенно поймала меня за локоть и удержала, отрицательно помотав головой и ласково коснувшись через ментал. А придурку так и сказала:

— Дурак ты! — пожала плечами и... полностью открыла ему свои мысли. Да так, что и меня захватило и его чуть с ног не снесло.

Там не было никаких «розовых соплей» и слезливых признаний. Никакой безусловной любви и прочих сказок. Прямо и честно — как прибить была готова, когда думала, что он в той подворотне котят мучает. И как злилась, когда его на алтаре распяли, и вовсе даже не столько его жалела, а думала — как потом жить и совестью мучиться. Ну и пожалела, конечно, куда женщине без этого. А вот когда оказалось, что теперь это ее погремущка — с удовольствием бы подарила кому-нибудь такое счастье. Или на волю бы выпнула смачным поджопником и радостно забыла. Но... раз уж деваться некуда оказалось... что такое ответственность, мой Мастер знала не понаслышке. По себе заметил...

А потом на нас напали, и в ее мыслях появилось злость на врагов, когда хочется сделать вопреки даже самым незначительным их желаниям. И страх за него — в том числе. И дрались мы все вместе, и от следователя защищались, и через общую теперь память прожили. И... в конце-концов, у него в пузе кусок ее, Ирискиной, души! Надо же приглядеть за своим непосредственным имуществом, вот! Короче... хочешь — вот тебе моя рука. Вытащу из ямы. Но решай сам, и хватайся сам, насильно никто тянуть не станет.

— Дура... — кажется, на автомате произнес Кинжал, но тут же отвёл взгляд, обратно к окну отвернулся. — На таких добреньких, да доверчивых воду возят! Или ваше верхом ездят, поняла?!

Ириска вдруг хмыкнула и ткнула в сторону Александра его же собственным воспоминанием, как он на какой-то улице у бабки кошелек украл. Чтоб пожрать и еще одного беспризорника накормить. Ехидно так ткнула, мысль была четко окрашена: «вот уж точно знала, чего покупала!»

— Нарвёшься ж... ах, да, уже нарвалась! — упрямо набычился ржавенок, гордо игнорируя ее насмешку. — Если даже та гребаная подворотня тебя не научила не лезть спасать каждого шелудивого кота... ну шо поделать, клиника!

— Ты... — решил я чуть приструнить дикаренка, но не успел. Мелкий меня перебил:

— Давай, значит, смены назначим! — вдруг заржал он. — Ты ее пасёшь, допустим с утра до обеда, а я с обеда до вечера. Может хоть так не дадим ей ещё кого подцепить!

Я даже слегка задумался. А ведь действительно, по рассказам пацана, таких вот «бедных и несчастных», как он, у дикарей целый выводок... эээ...

— Да ну нафиг! — искренне открестилась Ирина, представив на своем диване еще десяток «Сашек». — Нафиг!

Ага, так я и поверил... шас нафиг, а потом жалко станет. Я столько не заработаю, всех на обучение отправлять, кого она подберет. Даже наследства не хватит, и... кстати. Наследство!

А ведь на обучение одного мелкого этих денег точно должно быть достаточно. И не

придётся в авральном темпе зарабатывать на миссиях. А то карту мы получили, но Мастер у меня как была цвирчонком нетренированным, просто везучим, так и осталась. А везение не может длиться вечно.

Может, и на небольшой домик в голубом или зеленом секторе там хватит? Или... постойте-ка, а тот маленький уютный двухэтажный особнячок, что Мастеру дарили на совершеннолетие — тоже есть в списке? Если есть, то даже покупать ничего не придётся...

— Походу он единорогов словил, — раздался ехидный голос Кинжала, — Чудики. Оба.

Ириска

Все бы ничего, но после этого разговора Мика как переключило, он весь вечер слонялся по комнате сомнамбулой и так усиленно думал, что у меня в голове гудело, как в трансформаторной будке во время перенапряжения сети.

А утром чуть свет поднял нас с Сашкой и чуть ли не пинками начал гнать неизвестно куда оформлять наследство. Какое такое наследство?! И нафига?

У меня чего-то прямо аллергия уже на все, что связано с этой иномирской, мать ее, бюрократией и медициной. А Мик так радостно расписывал, что нам надо вот туда, а там вот это, а потом через вон то на лоб печать и справку дадут.

У меня от одного описания волосы зашевелились. Вот прямо в косе и зашевелились!

— Зачем тебе это наследство? — жалобно переспросила я. — Ты забыл, как на меня эти динозавры лекарские пялились?! Они же прямо слюной захлебнулись, так хотели меня на составные части разобрать и посмотреть отчего у меня душа сама собой заросла! А ты предлагаешь самим в их логово соваться. И зачем нам вообще для наследства медицинская справка?

— Чтобы получить поместье, — буквально полыхнул энтузиазмом Мик, — нужно сначала доказать свою вменяемость, а потом подтвердить завещание.

— Э, погоди! — остановила его метания я, одной рукой бросив недовольному ранним подъемом Сашке свежее полотенце, а другой слепо шаря в кухонном шкафчике в поисках кофе. — Разве ты еще недееспособный? Мы же сдали экзамен!

— Так это подтверждение ТВОЕЙ свободы. Я пока ещё считаюсь чем то вроде разумной собственности, — вроде как в шутку сказал он, но как говорится в каждой шутке...

— Тогда собираемся и пошли, — я тут же проснулась. Ни фиги ж себе заявочки! Ради такого дела перетерплю.

— Ну а я о чем!

Так что уже через полчаса мы всей командой ввалились в знакомое приемное отделение целителей. Сашка плелся в кильватере и бухтел. Оставить его дома досыпать я отказалась категорически — да мало ли! Припрутся еще какие дикари, его утащат, Сосиску обидят, мебель поломают... нафиг. Если вдруг за нами все еще кто-то следит — пусть видят, что мы все ушли на фронт, то есть тьфу! В поликлинику.

Вот не зря я вздыхала, и Сашка в целом не зря подозрительно ежился. На Мика эти звери в белых халатах глянули вскользь, чего-то там пробормотали и послали... послали его в конец коридора печать ставить о том что орясина эта совершенно здоров. А вот меня и Кинжала окружили хищной стаей с гадким намерением пощупать за душу. В прямом смысле!

За то место, которое Сашка мне укусил, а оно взяло и само заросло. Ну и его заодно очень настойчиво стремились исследовать на предмет, как ему там моя душа переваривается.

Еле отбились! Можно сказать, мы с ним сражались спина к спине, пока Мик бегал из одного кабинета в другой. Одна польза из этого жуткого мероприятия таки получилась: мы с Кинжалом прямо сплотились на почве взаимной защиты!

Коварные лекари даже попробовали зайти с тыла, соблазняя нас всяческими продвинутыми процедурами и последними достижениями межмировой медицины. В результате только еще больше напугали — когда Сашке намекнули на «увеличение калибра» у него глаза стали как у лемура, и он этого молодого лекаря чуть не пристукнул за неприличные предложения.

Короче, когда мы из этой звездной больнички улепетнули, доволен жизнью был один Кос, а мы с Кинжалом плелись в кильватере и дружно дулись.

— Там песок белый... — как-то невпопад попытался утешить нас Мик, — и лагуна закрытая от постороннего посещения. И вообще...

Мы с Сашкой переглянулись и тяжело вздохнули. Сейчас нас даже лагуна не прельщала, тем более, что никто пока не понял, какая связь между исследованием наших душ и белым песочком.

Как бы то ни было, через полдня беготни мы попали в какое-то самое главное место — еще главнее того, в котором нас судили. Огромная межпланетная станция парила в космической темноте, подсвеченной редкими брызгами звезд, и пока Мик еще какие-то формальности улаживал, мы с Сашкой даже с удовольствием прилипли к огромному панорамному окну в пустоту.

Краем глаза я отслеживала, как мое старшее Оружие мелькает на заднем плане, бегая из кабинета в кабинет. Тут вообще было довольнолюдно и суетной, а потом взмыленный Кос на бегу доложил, что сегодня здесь собрались почти все старшие мастера, обсуждают сложившееся положение, допрашивают и судят того самого искателя, на которого указал Микаэль.

Сашка напрягся было, но скоро опять обо всем забыл, глядя, как в космическом пространстве мимо иллюминатора плывет какая-то офигенная ртутная капля с отростками антен. Корабль, наверное... я тоже засмотрелась и потому не сразу поняла, что Мик как-то подозрительно надолго пропал из виду. А потом по нервам вдруг плеснуло кипятком — опасность!

Оружие

За спиной будто крылья отросли. Я уже представлял Ирину на том самом пляже. Моя Мастер в открытом купальнике сидит на берегу моря и весело смеется, откидывая рукой новоиспеченную гриву из косичек. И я даже не представляю что мне хочется сделать в первую очередь. обнять ее? А может опрокинуть в чуть прохладные воды лазурного залива, спровоцировав игривые догонялки с последующим приятным продолжением? И всё это — буквально рукой подать, надо только оформить наследство!

И даже пыхтящий где то сбоку довесок не сильно волновал. Ничего, посадим его в песочницу где нить сбоку, пусть дитячко копается и не мешает. Ну, можем ещё еды выдать.

Ирина и Александр почему-то не разделяли моего энтузиазма, а просто с лицами великомучеников следовали за мной по всем инстанциям. В какой то момент я все же сжалился над этими «страдальцами» и оставил Мастера с Кинжалом у круглого иллюминатора, выходящего в открытый космос или бездну, как ее называют в магических мирах.

Ну как оставил... они сами к ней прилипли. Так, что тащи я их даже волоком — вряд ли что то получилось

Ещё раз окинув взглядом картину — «две оттопыренные задницы и два носа, распластанных по стеклу», я тяжело вздохнул и ушёл ставить последние печати.

Но оказалось, что работника не было на месте. Удивлённо покосившись на Часы и ткнув пальцем в расписание приёма, я получил лишь неуверенное блеяние, что сейчас все сотрудники смотрят «суд века».

На закономерный вопрос «Что это за ржа?» теперь уже я получил укоризненный взгляд. Мол, как можно не знать, что сегодня проходит суд над самым опасным предателем всея призмы, которого доблестная комиссия недавно разоблачила и поймала, открыв грандиозные планы дикарей.

Ага, комиссия, как же... Но всё же своё недовольство я оставил при себе, и печати проставить тоже заставил. Суд или не суд, нефиг от работы отлынивать.

В холл с иллюминаторами я вернулся триумфатором, победно махая бумажками. Но почему то моего триумфа...ни одна отключенная задница не заметила.

На попытку привлечь внимание все что я услышал это синхронный вздох: — Там корраабблик!

Эмм...ну да, действительно. Малый транспортник подошёл к станции. Аналог Ирининых автобусов....

И чего они в нем нашли- корыто и корыто...Даже ускорителей нормальных нет, и корпус минимальной обтекаемости.

Вот он состыковался с причалом, вошёл в прозрачный ангар, выпустил жгуты лестниц, по которым заторопились пассажиры... И тут меня как обухом по голове ударило. Ржа! Это же один из них! Один из тех дикарей, сопровождавших предателя- искателя в злополучном баре. Только волосы отросли и тату на руке то ли замазана, то ли вообще удалена!

Что он вообще тут делает? Неужели не дошли слухи, что тут сейчас весь совет древнейших решает судьбу их подельника? А может, именно поэтому и пришли, ожидая, что никто и не подумает, что они сунутся в самое что ни на есть раскалённой горнило!

Надо позвать хранителей! Но тогда этот ржавый пропадёт из поля зрения, потом фиг кто найдёт! Я нервно оглянулся на своего Мастера, но Ирина не почувствовал мой терзания. Блокатор работал исправно, да и похоже она полностью сейчас синхронизировалась с Александром, даже выражения лица одинаковые. Укол ревности я подавил в зародыше — не до того сейчас. Тащить ее сейчас с собой — не лучший вариант.

А дикарь уже готов скрыться в толпе... Ржа! Сейчас нырнет в любое боковой коридор, и... Я не должен его упустить!

Всунув пакет с документами ошарашенному Кинжалу, я что есть силы припустил в сторону остановки. Только бы успеть! Присутствие дикаря на центральной станции Мастеров в призме точно ни во что хорошее не выльется.

Так... вон его лысая макушка. Волнуется гнида, оглядывается. Точно... нельзя смотреть так прямо. Чувствует же, потому переводим взгляд на отражение в витрине. О... вот это удача, Бобер со своими девочками! Точнее, тьфу, как же его звали то?

— П-Подождите! — буквально вцепился я в его пиджак, вызывая ужасное недоумение двух блондинок, похожих, будто сестры. А может сестры и есть....

— Ты... — нахмурил брови мужчина, — Ты ведь Оружие того смеска. Михаэль, так?

— Михаэль, — поправил я, — Но не это сейчас важно. Видишь вон того, лысого Мастера в коричневой куртке. Это дикарь...

— Не мели чушь, — вдруг фыркнула одна из девушек, — Дикарь на призме — это немислимо! Все бы сразу заметили съеденные души!

А я даже на минуту опешил. Ведь правда — специально обученные Мастера это прекрасно чувствуют. А на призме таких не то что много, но достаточно.

— Ненормальный, — фыркнула вторая, — Пошли, Лео.

Нет! Я не могу все бросить на самотёк! Да и лысый затылок уже практически скрылся на людных улочках.

— Мастер Лео...нард! — надеюсь, я правильно сказал его имя, — я понимаю, что в это трудно поверить, но это действительно Дикарь. Один из тех, кто убил моего предыдущего Мастера, я бы не смог забыть его лицо!

А вот эти доводы уже заставили его задуматься. Даже девушки присмирели и посмотрели на меня со смесью сочувствия и понимания.

— Хорошо, я сообщу в службу хранителей немедленно, несмотря на то, что у меня сегодня отгул. Надеюсь, это не станет ложной тревогой, иначе...

Внезапно парень оборвал свою речь, недоуменно уставившись на один из своих браслетов, в котором, судя по всему, был артефакт связи.

— Сигналка не работает, — нахмурился он, а затем лихорадочно начал перебирать остальные фенечки, — Телепорт тоже... даже экстренный, — Леонард поднял на меня ошарашенный взгляд, но быстро сориентировался, обращаясь к девушкам, — Попробуйте активировать стационарный!

Одна из сестер кивнула, рисуя прямо в воздухе знаки прохода. И ничего...

— Блокирован... — практически с ужасом пролепетала она. — Лео!

Вдруг отовсюду раздались хлопки и запахло скверной. Нет... не просто скверной. Ужасным, просто невообразимым количеством скверны! Девушки одним движением скользнули в руки своему Мастеру. А Ирина... с кинжалом... без меня. Маааастер!

Глава 51

Оружие

Я тараном ломанулся сквозь перепуганную и паникующую толпу. Пожалуйста, Прародители, только бы с ней все было в порядке! Как я вообще догадался оставить ее одну?!

Это все привычное, воспитанное с детства чувство, что на Призме всегда безопасно... оно меня подвело. И почему именно сегодня, именно сейчас! Неужели мы и правда магнит для неприятностей!? Или... все дело во мне?

— Ржа, — я припал на одно колено, когда щупальце какой то твари полосонуло по ноге. Но боли практически не почувствовал.

Рядом со мной промелькнул огромный меч и тварь распалась на кусочки. Бобер... точнее, Мастер Леонард, похоже все это время сопровождал меня.

— Перекинься, постараюсь швырнуть тебя подальше. Твой Мастер в той стороне? Докричишься до нее в ментале? Если она пошлет зов, долетишь? — спросил он, принимая на щит удар следующей твари скверны. Откуда их здесь столько!?

Я кивнул и принял форму оружия.

— Ух ты, — восхитилась меч, — красавчик, а к нам не хочешь?

Это чего это она... а точно, я ж эволюционировал. Да и видели они меня только когда ржавым был. Оттого и такое пренебрежение было.

— И куда мне его? В зубы? — огрызнулся их Мастер, а я мысленно кивнул, соглашаясь. — Тьфу, ну ты и тяжёлый. Приятного полёта!

Чужие руки на рукоятке ощущать было не слишком приятно, но в нужную сторону зашвырнул он меня лихо. Я пока летел, смог даже «скосить» пару тварей, набираясь скверны и решимости.

Осталось совсем чуть чуть, я уже рядом, Мастер...

Ириска

Дурдом на космической станции начался как-то неожиданно, зато сразу везде. Откуда взялась ошалелая толпа народу, которая принялась метаться без толку, роняя и давя людей, шиаршиков, кустики и прочих разумных, я тоже не сразу поняла, только потом догадалась — пассажиры того самого корабля — их много прибыло.

А, главное, помимо паники начало твориться нечто совсем уж невообразимое. Огромные двери зала Мастеров, за которыми и происходил суд, были видны от нашего иллюминатора, а правее них, видимо, располагались какие-то вспомогательные помещения. Мик бегал по кабинетам левее, а двери «подсобок» все это время были закрыты. Кроме одной... и из узкой щели между створкой и косяком валил знакомый зеленовато-тухлый дым, да такими клубами, что...

— МИК!!! — заорала я на весь зал, перекрикивая панику толпы, и при этом судорожно цепляясь за Сашкин рукав — не хватало еще и его потерять... ой, точно!

— Превращайся! — скомандовала я, коротко оглянувшись, и Кинжал, вопреки обыкновению, не стал спорить. Уже через секунду я сжимала в левой ладони его рукоять и прорывалась туда, где в толпе, как мне показалось, мелькнул Кос.

По мыслесвязи пришло что-то сумбурное, но успокаивающее, хотя я прекрасно ощущала

что моё Оружие паникует как бы не больше меня самой.

— Пробиться не могу... — прилетело как будто из далека, с перерывами на помехи — Если можешь — уходи на корабль! В бездну не ползут!

— En el culo tus brotes idiota anormal ramos hígado mataré como coger, bueno, bueno tengo! Дебил! — проорала я в полный голос, с размаху вонзая кинжал в студенистую тварь, которая вдруг возникла из тумана прямо у меня на пути. Тварь уже спеленала щупальцами двоих каких-то мимобеглых кустиков и одного шиаршика, отчего последний словно озверел — оскалил неизвестно откуда взявшиеся зубы и с рычанием кинулся мне под ноги, получил смачного пинка и отлетел куда-то далеко.

— Тяни! — что было сил заорала я Сашке, проворачивая его в склизком киселистом теле взревшей твари.

— Хай, майн фюрер! — попытался пошутить Кинжал, но ему тоже явно было не до шуток. — Ты патлатому веришь? Насчет корабля?!

— Тяни, твою мать, потом поговорим! — еще одна тварь уже почти сформировалась совсем рядом. Мама дорогая... да их тут сотни!

— Да тяну, б...ть, тяну! — ответно заорал кинжал, наливаясь светом. Ближайшая тварь завизжала и с треском лопнула, а я шарахнулась, не ожидая таких спецэффектов. Кос обычно по-другому действовал...

Мой испуг спас мне жизнь. В то место, где я только что стояла, с грохотом врезалось... мама дорогая! ААААА!

Огромное, истекающее гноем и слизью, шипастое и чешуйчатое... это щупальце твари уже не было студнем. Оно уже обрело материальность inferно...

— Сашка, не спи! — я метнулась в сторону, полоснула кинжалом еще одну тварь, потом еще... с ужасом замечая, как сгустки слизи стремительно катятся в центр зала чтобы впитаться в огромного монстра, разрастающегося на глазах.

А зеленый дым все валил и валил из приоткрытой двери подсобки...

— Беги... — в голове снова зашептал знакомый голос, позволивший мне определиться с направлением. Ага, вот там! Что?!

Ах ты идиот несчастный, я тебе сейчас так побегу! Валяется там у стены в виде косы, а об него уже какая то тварь зубы точит!

— Беги, дура! Они сейчас объединятся и станция рванет! — заорало это чертово самопожертвенное эхо.

— Не вздумай! — одновременно взвыл Кинжал, уловив мое намерение прицельно метнуть его в сторону открытого шлюза корабля, куда панически сбегались все не захваченные скверной обитатели станции, — Ты без меня вообще голой окажешься! Сиськами от них отбиваться будешь, дура?!

Я больше не стала тратить время на ругань, просто ломанулась со всех ног через зал, лавируя между ополоумившими инопланетянами, уже опутанными скверной и оттого чертовски агрессивными, между стекающимися отовсюду тварями, между Мастерами, пытающимися как-то проредить нашествие...

Пару раз меня едва не размозжило щупальцем главного монстра, один раз едва не пришиб какой-то злобный дуб, еще один раз едва успела пригнуться, когда над головой просвистел чей-то метательный диск... и каждый раз мы орали... и бежали дальше. Мы — это я, Сашка и Мик, который теперь матерился уже совершенно непотребно и крыл нас с кинжалом такими словами, которых даже я не знала.

— Бей! — та самая тварь, что почти всосала в зеленые слизистые недра мою косу обернулась и взревела, плюясь скверной, но я уже почти ничего не боялась... кроме того, что гадина сожрет моего Мика прямо сейчас!

— Нна! С-ка, б...ть! Б. ты! Еб...я в ср...ку, да раком через забор, тварь! — на своем языке поддержал меня вошедший в раж Сашка, расцвелся вдруг знакомой сеточкой синих молний и ударил монстра не лезвием, а этим самым синим разрядом! — Ух! Б...я! Бодрит, как шокером в жопу!

Тварь разнесло в мельчайшие ошметки, которые осели знакомым истончившимся туманом, а я, совершив последний рывок, схватилась за знакомую рукоять своей Косы.

И едва удержалась, чтобы не шваркнуть его об стену, паразита такого! Все лезвие как ржой изъедено — не тронули бы его «пока он железный», ага!

— Даже если у нас кончается скверна, мы не умираем, помнишь? — каким-то слабым и виноватым голосом попытался оправдаться он, словно не материл меня полминуты назад страшными матами. Ага, почувствовал?!

Но сентиментальничать и устраивать разборки было некогда.

— Втягивай скверну, — я ткнула Косом в ошметки тумана, — ты пустой совсем. А тут все только начинается... кажется.

— Ты даже не представляешь насколько права, — тяжело вздохнул Мик, начиная наполняться энергией — сейчас твари то особо и не нападают. У них другая цель. Они...

— Сливаются, — согласно кивнула я. — Но скверна лезет вон оттуда... и раз к выходу мы уже все равно не пробьемся... м?

— Не надо! — вдруг панически отозвался Кос, — Там уже ничем и никому не помочь!

— В смысле? — переспросила я, машинально перехватывая оружие поудобнее, — Ты хочешь сказать...

До меня дошло. И волосы на голове зашевелились от ужаса. Получается, там убивают... людей, переполненных скверной?! Сотнями?! Но кто?!

— Дикари. Это нападение, — уже более спокойно объяснил Мик, отражая случайно метнувшуюся в нашу сторону тварь и поглощая новую порцию скверны. — Спланированное. И похоже, чертовски удачно спланированное...

— Выжечь гнездо, — вдруг прохрипел Сашка сдавленным голосом. — Они говорили... выжечь всех одним ударом... а я не понял тогда, дурак. И забыл!

Оружие

Отчаяние. Я уже столько много раз умудрился испытать это чувство за последний месяц, что сейчас оно вызывало лишь раздражение. Как же это достало! Вот почему, почему я никогда ничего не могу сделать сам? Сам разобраться со всеми проблемами, сам спасти...уберечь... защитить.

До Ирины было слишком далеко. Бросок мастера Леонарда хоть и был точен, но один удар внезапно сформировавшегося из скверны склизкого щупальца, наотмашь, и вместо иллюминаторов я оказался практически у противоположной стены главного зала! На таком расстоянии даже зов нельзя послать, тем более когда на пути столько тварей! Все что я смог это хорошенько хлебнуть из ржавой твари скверны и поставить щит. Хотелось перевоплотиться и просто добежать до Мастера, но увы, сейчас — это верная смерть.

А оставшись оружием, даже если из меня выпьют всю скверну до капли, у меня ещё есть шанс выжить. Конечно, только в том случае, если во всей этой суматохе кто то не наступит на ржавую, а оттого — слишком хрупкую рукоятку. Раньше, ещё до эволюции, она была деревянной, но трухлявое дерево развалилось бы ещё легче и быстрее.

Щит под натиском десятков тварей, начал мерцать, а потом и вовсе погас погас — да и смысл в нем? Надеюсь, Мастер, которую я смутно ощущаю где-то в стороне, все же включит, ржа, мозги и эвакуируется отсюда нахрен!

«Паразит железный!» — вдруг слишком громко раздалось по ментальному каналу, — «Ты какого тут помирать собрался!?» — и меня окатило даже не волной, а океаном страха, переживаний, негодования, обиды... и облегчения. Мастер прорывалась ко мне через толпу тварей, будто впад в боевой транс. Вот же... у меня... у меня!!! Матов не хватает! Аааа! Б...ля! В сторону! Дура, слева! Еще! Прародители, за что?!

А кинжалом что она творит? Кто лезет с таким маленьким лезвием в толпу сформировавшихся тварей! А молнии... стоп, молнии!? Ржа! Ну... Ирина уж точно никогда не отличалась стандартными подходами к ситуации... или это пацан нам такой полоумный достался?!

Добравшись до меня и буквально располовинив присосавшуюся тварь, Мастер схватилась за мою рукоятку и едва не шарахнула мною об стену от злости на меня же. Как я смел! Даже подумать! Что она меня здесь бросит!!!

«Мы же не умираем, если просто кончается скверна» — проникшись ее эмоциями, я попытался хоть как-то оправдаться перед Ириной. Ну да, как я мог подумать, что моя мелкая решит меня оставить. Не в ее это характере, нарушит все мировые законы и постулаты — но не оставит. Жаль, сейчас не время для сантиментов.

Судя по всему, мы угодили в самый центр... как там мастер говорит? Всемирной главной жопы.

Если я правильно понял, в тех помещениях, откуда и просочилась скверна, лежали... существа. Причём живые, до нынешнего момента. Дикари каким-то способом ловили по мирам и складировали владельцев внушительных тварей скверны здесь, на призме. Как им удалось проверить это в тайне? Не знаю...

И в один момент просто лишили жизни сразу всех. И я даже догадываюсь, кто именно провернул это, как минимум на этом складе... все таки не успел я со своим предупреждением.

Ириска

— Ты Мастер, мы Оружие, это рейдовая тварь. Все просто, — выдал Мик. — Все мастера, что на станции, сейчас попытаются рассечь и нейтрализовать средоточие скверны. Попробуем подключиться... постарайся оглядеться и найти лучшую позицию, помнишь, как на полигоне? Только с учетом других мастеров. Я дальнобойный, мы станем неплохой поддержкой для «танка».

Последнее слово явно означало что-то другое, чем привычную мне железную машину с пушкой, но времени на лингвистические изыски не осталось. Выбрать позицию, значит...

Легко сказать. Зеленый туман уже полностью заполнил помещение, и где-то в его недрах ревело и ворочалось огромное чудовище. Но вот слева мелькнула вспышка, послышался резкий гортанный выкрик и на секунду в прорехе тумана мелькнула розово-полосатая шевелюра. И еще вспышка... кажется, я заметила длинную золотистую косу Валькирии... да, точно! Мастера здесь, и они уже вступили в бой.

— Вы зарядились? — нервно переспросила я у своих железяк, глядя, как вокруг их лезвий зеленая дымка собирается в вихрящиеся воронки и тает.

— Норм, — буркнул Сашка, икнул и стрельнул короткой синей искрой. — Упс. Сорри...

— Вон там молодой Мастер с широким фламбергом, она ближнебойник, вставай за ней. Александр — щит, Ирина прицел и волна. Прикрываем. — коротко и деловито скомандовал Мик, словно ему привычно осуществлять общее руководство.

Я огляделась и действительно зацепилась глазами за черно-синюю косу волос совсем молоденькой девчонки с огромным — чуть не в ее рост, мечом. Пигалица очень ловко и яростно размахивала своей железякой, перекрыв веренице новых тварей подступы к монстру и не давая им сливаться. Ага!

Почти прокравшаяся за спиной девушки зеленая гадина разлетелась ошметками, а Сашка успешно принял в свои гостеприимные молнии еще одно прыгнувшее чудище, мелкое, но ошметинившееся шипами. Секунда и тварюшка развеялась в пыль, впитавшись в Кинжал.

Еще пару выпадов мы с ребятами отразили вполне успешно, и даже опять сумели помочь черноволосой, а потом... потом из тумана вынесло огромное щупальце с пастью на конце и зеленые кинжалы клыков с лязганьем сомкнулись на лезвии ее меча, вырвав оружие из рук отчаянно закричавшей девушки. Еще один удар, и ее тело сломанной куклой отлетело к стене, а изъеденное, словно побывавшее в кислоте лезвие ее меча с глухим стуком упало на пол.

Щупальце с пастью, роняя ядовитую слюну, раздулось, явно готовясь плюнуть концентрированной скверной, но Микова Волна срезала дрянь, как гигантским лезвием, а обрубок с диким визгом втянулся обратно в туман. Да!

— Ириска! — заорал вдруг Кинжал, неумело пытаясь передать картинку через ментал, но я уже сама заметила опасность. Метнулась в сторону, пропустив что-то непонятное над головой — оно со спины прилетело!

Оглянулась и взвыла от злости — ах вы твари!

Теперь и я увидела, чем отличается прокачавшийся на чужой душе дикарь — гад светился по контуру тела почти так же, как твари. И этот здоровенный лысый ублюдок, скалясь от злобной радости, занес свою кувалду над головой лежащей у стены девчонки.

Гады, какие же гады! Так вот что они задумали! Перебить раненых и обессиленных мастеров!

— Мик! — всего мгновение понадобилось, чтобы перенаправить режущую волну, и меня даже не затошнило, когда голова этого уroda покатила по полу, срезанная начисто. Обезглавленное тело рухнуло на несостоявшуюся жертву, щедро заливая кровью и ее, и валяющийся неподалеку меч. Ничего, отмоются, лишь бы живы были!

Пинком отбросив тушу дикаря, я склонилась над девушкой и пару раз хлопнула ее по щекам.

— Эй! Не спи! Ну, приходи в себя!

Девчонка коротко застонала и приоткрыла глаза, сфокусировалась на мне, потом лихорадочно принялась шарить руками вокруг себя, явно нащупывая меч.

— Ему надо к артефакторам, не боец, — констатировал Мик, когда я аккуратно придвинула изъязвленное лезвие хозяйке. — Пару раз попадут и... развалится.

Черноволосая, которая уже почти пришла в себя, только согласно всхлипнула и сжала зубы, притягивая к себе оружие и почти обнимая его.

— Черт! — я оглянулась туда, где в завихрениях тумана сверкали вспышки, ревел монстр и слышались крики. — Нельзя оставлять ее тут одну и со сломанным мечом. Этот дикарь явно не один. Так.

Уже не колеблясь, я вложила рукоять Кинжала в руку удивленно моргнувшей девчонки и строго прикрикнула на вскинувшегося было в негодовании Мика:

— Не время!

А потом мысленно велела Сашке:

— Ставь свой электрощит и держи до упора, понял? Что бы не случилось!

— Понял, — Санек тоже был не в восторге от моего решения, но спорить не стал, за что я была ему очень благодарна.

Два шага вперед, встать чуть правее колонны, прицелиться... поехали!

Мы довольно успешно колошматили тварей, даже не подпуская их близко — заняли по

сути место черноволоски, не давая новым порциям скверны пробиться к основному чудищу. И я даже в какой-то момент подумала, что мы справимся...

Откуда прилетела стрела, я не успела понять, зато успела увернуться, сама не знаю как, а потом инстинктивно дернулась и... переломила воткнувшееся в колонну и пытающееся высвободиться широкое лезвие наконечника. Главное, легко так... просто рукой.

Яростный вопль из тумана заставил вздрогнуть и оглянуться в поисках новой опасности. А вот этого делать не следовало.

Опасность пришла с другой стороны. Нечто, похожее на хлыст вдруг стегнуло по рукоятке моего Оружия, захлестнуло его, и...

— Ми-ик! — я не успела ничего понять, только и ощутила, как невероятно сильный рывок выдрал у меня из рук Косу, а в следующую секунду что-то упало сверху, мелькнув зеленоватой слизью на клыках. И сразу стало нечем дышать... совсем.

Глава 52

Оружие

Ржа! Как же больно! Вражеский хлыст глубоко врезался в рукоятку, оставляя борозды, а затем и вовсе рывком вырвал меня из рук Ирины. Аргх! Меня ещё не разу так сильно не повреждали в форме оружия, а потому на какие то доли секунды я буквально отключился от внешнего мира. Казалось, будто раскалённые иглы вошли в позвоночник, да так там и остались, хотя чужой кнут давно исчез с рукоятки.

«Ирина, зови... меня» — попытался сказать я по менталу и застыл от ужаса. Потому канала связи между нами я больше...не чувствовал.

Нет... НЕТ!!! Я не верю, не допущу это снова!

Собрав все силы, я перешёл в человеческую форму, что оказалось той ещё ошибкой. Из разорванного бока сразу хлынула кровь, а по телу прокатилась дикая слабость. Кажется, яд...

Ещё пару судорожных вздохов и я смог сфокусировать взгляд. Напротив мерзко бурлила уродливая зелёная тварь, огромная, слитая из тысяч скверн, внутри которой от нехватки воздуха билась Ирина. Живая! Пока ещё...

Нет, даже думать об этом нельзя! Мы выживем! Снова...снова выберемся из самой ржи мира, надо только...только доползти! Подтянуться на локтях, игнорируя боль и волны паралича и добраться до мерзкой зеленой лужи.

Ну же, тварь. Не хочешь ли ещё добавки? Давай же, заглоти и меня, я же тут просто как на праздничном блюде! Дай нам только добраться друг до друга! Дай оказаться рядом! И уж тогда мы распорем тебя изнутри, как и ту тварь коллекционера!

Я уже почти обессилел, когда одно из шупалец подхватило меня, заставляя застонать от вспыхнувшей боли: об аккуратности гадина может было даже и не мечтать. Ещё секунда и меня захлестывает зеленая жижа, лишая воздуха. Я лишь успел задержать дыхание.

Херово... ничего не видно. Слишком сложно. двигаться.

«Руку!» — что есть сил закричал я через ментал, протягивая свою ладонь в сторону неясного пятна, в котором чувствовал своего Мастера. — «Дай мне руку!»

Пятно едва заметно дёрнулось и пришёл слабый ментальный отклик. Ржа, слишком далеко. Сантиметры, мне не хватает буквально несколько сантиметров, чтоб дотянуться.

«Ирина, руку, пожалуйста!» — закричал я что есть сил, — «Не теряй сознание, умоляю! Осталось совсем немного! Только возьми меня за руку!»

Мгновение. Другое... но ответа нет. Она меня уже не слышит?! Не-ет!

— Ирина-а!!!

И вдруг словно молнией прострелило все тело — я четко почувствовал, как ее пальцы коснулись моих. Едва-едва, самыми кончиками, но коснулись.

— Мик...

Тело будто окатило холодной волной, а затем затащило в водоворот. Время остановилось, застыло одним мгновением и снова понеслось в каком то бешеном ритме. В голове вдруг появилось огромное количество мыслей, ощущений, чувств, страхов... и все они были... не мои!? Или нет, все таки мои? Ведь, всё логично, все цепочки построены правильно...

А ещё тело ощущается странно. Будто именно я — Мастер, и именно я держу в руках отполированную железную поверхность древка.

— Потому что это мое тело, умник! — сказал... я? Или сказала?! Откуда у меня женский

голос? Прародители, это что.....ЕДИНЕНИЕ?! Эээ... я не готов... кажется... но...

— Угу! Накаркал, железяка ты моя, — мрачно подтвердил... подтвердила... тьфу! Нет, действительно, думать сразу два разных мнения в одном ментале — это странно. А еще... э... а куда тварь делась? То есть, твари?

— Бабах! Лопнуло! — как то по детски весело засмеялись мы с Ириной, чувствуя небывалую эйфорию. Какие странные перепады настроения, но.... нам та-ак весело! — И сейчас мы лопнем всех плохих! Вон! Того давай лопнем первого!

Волна силы буквально размножила голову Дикаря с хлыстом, который посмел сделать нам больно. Его мозги так смешно расплескались на полу!

— И того! Того, с арбалетом! — мы даже подпрыгнули от предвкушения и азарта, найдя взглядом еще одного дикаря и заноса лезвие косы для удара. — Хочу пополам! Чтоб ноги отдельно! Нехрен ему в нас стрелами кидаться!

— Ну всё, цвирчишка, хватит баловаться, — вдруг сказал знакомый-знакомый голос, избавляя от этой сумасшедшей эйфории. Откуда?! В моем детстве такого не... и в Ирискином... или... дедушка?!

— Ты умничка, но слишком поторопилась. Поспи-ка, а то рано вам в единение, детки.

Эпилог

Рассказывает Александр Самгин

— Ириска, выходи! Не будь дурой! — орал я, колотя в дверь спальни, где засела эта трусиха. — Мы ж весь базар давно обсудили, все приготовили!

— Не ори на мастера, — привычно, но как то уже без огонька, забухтел за спиной Орясина, нервно топчась по роскошному ковру. Да тут вся вилла роскошная, не то, что Ирискина будка в коммуналке — чуть ли не дворец на берегу инопланетного моря. А эта ненормальная до сих пор называет ее дачей и рвется обратно в сыро-серый Питер. Периодически. Нас с Орясиной плющит, но ради мастера не пищим.

Правда, мне проще, я-то в основном в академии, или со своими Ягодками тусуюсь. И нет, не кликухи это. Это просто у родоков моих девчонок мозги набекрень — одну дочку назвали Черника, другую — Малина. Черничка мастер, Малинка меч, а я... это... дружим мы. Пока. Ибо я Спаситель и Щит, вот! Тогда на станции хрен бы Ягодки без меня выжили! Так что их родаки кривятся на «невоспитанного смеска», но помалкивают. Потому что я еще и член самого молодого и самого крутого героического клана в призме, а не хухры-мухры!

Просто глава у нас немного на башку стукнутая, ну что поделать.

— Ириска! Я уже мамке твоей позвонил, она ждет! — соврал я. Ну как соврал — почти. Первое-то правда, а вот шас буду ей спагетти на уши наматывать: — Сказал, что это насчет твоего бати и тебя! И что это охренеть как важно! Ты же не хочешь, чтоб родительница с катушек полетела, гадая, что случилось?!

Иииии... ап! Вот так, не зря тренировался — Орясина промазал и вместо моего затылка приласкал стену, а я уже на четвереньках удирал по коридору от вылетевшей в распахнутую дверь ведьмы. Живо-живо, Санек, шевелим мослами, а то шас расплющат и скажут, что так и было!

Тут главное за угол вовремя успеть! И выглянуть осторожненько.

Ага, порядок. Орясина хоть и мазила, а шарики в ролики вставил быстро, цапнул свою «ненаглядную» в охапку, пока она обратно за дверь не урыла и не заперлась. Фу блин, опять лижут... хотя ладно, это говорят от стресса полезно. И моя жопа пока в безопасности.

Короче через час облизываний, нервотрепки, подзатыльника, под который я расчетливо подставился, когда Ириска уже остыла, уговоров, что «нет, не попозже, нет не потом» мы все же отправились на дело.

Честно говоря, я Ириску понимал. И Орясина понимал, почему ее так трясет, шуршал, обнимал и успокаивал. Мы с ним старались даже не думать, что на самом деле ее отец вовсе не был оружием, или был, но уже рассыпался, или... короче, не думать. А то нам же потом этот слезоразлив затыкать, ещё и виноватыми окажемся. Как же иначе, бабы ж...

Я так-то мало где был — в смысле на земле. Только в Питере. Так что когда Мик открыл портал во Владивосток, сразу начал с любопытством оглядываться. А еще Ирискины эмоции вылавливал — она этот город любила... давно когда-то. До того, как батя помер, мать на свой Сахалин свалила, а первый муж-козлина об девчонку кулаки точить приладил, скот. О, походу не я один вожжу под хвост словил — переглянулись мы с Орясиной синхронно. Выдастся свободная минутка — подрихтуем мы кое-чье рыло. Чтoб неповадно было!

Ирискина мамаша в городе ещё одну нору снимала, в каком-то задрипанном райончике

— я так понял, свою хату они продали, как батя слёг. Вот туда мы и отправились, волоча Мастера едва не на буксире. Я аж заволновался прям и впервые подумал, что может мы зря так уперлись с Орясиной — Ирисуку трясло с каждым шагом все сильнее.

А когда мы в дверь позвонили и нам открыла ее еще одна... Ириска... только постарше и совсем седая... и они с нашей вцепились друг в друга и зарыдали хором на весь подъезд... от блин! Совсем не по себе стало.

Не люблю я эту синте... тиме... тьфу! Сопли эти! А когда бабы ревут — ваще хоть беги.

Ладно еще наши быстро успокоились и старшая Ириска, которая оказалась Мариной Яковлевной, спохватилась и затащила нас в квартиру. Ну и правильно, а то нашли место рыдать — на лестничной клетке.

Ирискина мамка себя в руки шустро взяла, захопотала, засуетилась, давай чай в комнату нам таскать, с печеньками, Ирисуку расспрашивать, как долетели, ну и еще сто штук всяких бабских глупостей тарыхтеть. А мы уселись на диван по обе стороны от Мастера, стиснули, чтоб не сбежала, и Орясина мысленно принялся ее уговаривать задать вопрос.

Ага... на Ирисуку по ходу ржа мозга напала — она даже думать этот вопрос не могла, не то что словами произнести.

Мик вздохнул и начал сам:

— Скажите, Марина Яковлевна, когда ваш муж умер... вы случайно не находили где-то...эмм... поблизости от своего мужа ржавый... ржавое оружие? Может, даже не оружие, а предмет? — собравшись с духом разом выпалил он. — Которого вот не было и появился внезапно?

Мастер между нами аж трястись перестала, а мамка ее побелела внезапно, руки у нее задрожали и чашки с чаем для нас с подноса посыпались прямо на затертый коврик у дивана. От блин!

Орясина и есть Орясина! Не мог подождать, пока она поднос на стол поставит?!

— Мама! — перепугалась Ириска, подскочила и под локоток мамку поймала, усадила на диван на свое место, ладони ее сжала в своих и давай целовать. А сама опять реветь в три ручья. — Мамочка... Сашка, найди там... валерьянку хоть найди! В кухне должна быть!

— Вы... откуда знаете? — севшим, больным голосом спросила как-то резко постаревшая Марина Яковлевна, после того, как мы ее все же напоили ее же чаем с валерьянкой.

— Ну... Давайте я вам лучше покажу, — Дылда почесал затылок и видимо не придумал ничего лучше, как свалиться на мокрый коврик в виде косы. Во дебиииил....ее ж теперь снова отпаивать придется.

Короче пока бабы истерили, а придурок валялся на полу, я решил брать дело в свои лапы. Огляделся — приходилось мне форточником подъедаться в свое время, так что нюх на тайники с ценностями есть, не просрал еще. Да тут и тайника-то никакого не было. Вон же, в тумбочке у дивана, у изголовья, едва-едва заметно эфир дрожит.

Не обращая внимания на вскрикнувшую Ирискину мамку, я одним броском подскочил к тумбочке, дернул дверку, отбросил деревянную шкатулку...

Мда. Когда-то, наверное, это было револьвером...

— Мик? — позвал я. Уговор у нас был же — Орясина десяток кубов со скверной приволок.

— Ща-ща! — отозвался Кос, вставая с пола в своем нормальном виде. — Да... живой еще, — он слегка подрагивающей рукой дотронулся до ржавого ствола, передавая скверну. — К целителям надо, срочно!

От блин, у нашего мастера глазища и так большие, а тут прям не Ириска стала, а сова.

Но зато живо опомнилась, моментом прикурила истерику, мать под ручку, меня за локоть, Мику кивнула...

И через минуту мы уже вломились в приемный покой лечебницы в зеленом секторе. Нас тут уже хорошо знают и ничему не удивляются!

— Деда вызови, — шепнул мне Орясина, прежде чем вместе с тещей, женой и полудохлым тестем урыть вглубь больнички. А я плечами пожал и принялся набирать ментальный код дедуленуса. Охренеть круть кстати, никто в призме этот номер не знает, а я! Точнее, мы трое — знаем!

О, я ж вам ещё не рассказал! В общем, мы крутой клан не только потому что спасители всяе призмы, а ещё и потому что наша глава (в голове трава и розовые единороги) таки внучка их великого смерти! Или правнучка? Он, по-моему, сам толком не разобрался, ибо дедуган с вот такенными тараканами в башке. Ну, в общем, где-то в ближайшем колене. Вот и глючит у неё вся эта система Мастеров-Железок. Ну, типа настройки другие, чем у более поздних потомков.

В чём соль-то, дедок налево от своей бабы-Косы сходил, для разнообразия, и пошел дальше по делам своим во имя спасения мира. Точнее, спираль миров, как он объяснил, у него не одна, и везде бардак. А время по-разному течет. Короче, когда вернулся в нашу, глядь — а у него уже дочь далеко не дочь, а как бы уже бабка. Или мамка — тут я короче из его объяснений ни хрена не понял. Усек только, что он Ириску в младенчестве навещал, но у нее типа способностей было кот наплакал, и дед не стал дитенка в призму забирать. Кто ж знал, что они потом как отрастут, так отрастут! Дед обратно урыл в другую спираль, моргнуть не успел, а младенка выросла. Он вернулся — а тут уже суд. И вообще очередной бардак, какую-то спираль ваще буквой зю скрутило, какая-то распрямилась не в том месте — дед тот еще любитель тумана напустить. У него ваще в голове пипец: жена живет. А это покруче любых ксеноморфных тараканов будет и пострашнее. Как он при этом умудрялся налево сходить — я даже спрашивать не стал.

Короче! Жена в башке — это неvěе... э... круто короче. По меркам мастеров, я имею в виду. И на станции, когда мы с тварями бакланили, Орясина с Ириской сперепугу взяли и тоже в одно сознание слились. А от этого мгновенно силы в этой... как ее... геометрической прогрессии. Короче, тварь они разнесли, тварят полопали и давай как полоумные по станции за дикарями гонятся. С сумашедшим хохотом и прыжками. Я реально пересрался — думал, все, кукушка взлетела насовсем. Ща дикарей долопают и за остальных возьмутся. Лыба у Ириски на роже была совершенно маньячная!

Ну, повезло нам. Эти психи как в единение вошли — начали своим маньяковым весельем на все спирали светить, их дед и засек — он своими делами занимался, про веселье на станции и не знал. Примчался, как на пожар, чокнутую внучку отловил, усыпил, транды всем ка-ак выдал, порядок навел... короче, грозный был — усратьяся. А парочке нашей единяться таким способом запретил еще лет двести — типа, мозги сгорят так напрягаться. Пусть трахаются, как нормальные люди и все такое.

Зато про внучку проболтался и теперь всякие там мастера на Ириску смотрят открыв рот. Она бесится и рычит. Орясина ее успокаивает, котят подсовывает в кровать — Сосиска аж шесть штук нарожала, и на них уже очередь в пол-призмы. А Ириска шипит, не хуже своей кошки, и, кажется, собирается всех себе оставить.

Мы с Миком ее уговариваем, что восемь кошек даже на вилле перебор, и нашего ручного цвирка они уже замучили! Он с ними играть не хочет и скверну плохо ест, похудел, потускнел.

Уф... ну где они там? А то я пока в приемной сижу — уже все важное вспомнить успел. И где дед? Обещал же щас быть уже!

Из-за двери полыхнуло ярчайшим счастьем, раздался вскрик «папа!» и уже привычные рыдания в два голоса. Ну... пусть режут. От радости же. Счастливый конец, типа, не хухры-мухры!